

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

Народ-освободитель,
защитник народов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

**алгоритм
МОСКВА**

2012

УДК 323.1
ББК 66.5(2Рос)
К 21

Дизайна серии **Александра Новикова**

Оформление переплета *Юрия Щербакова*

Кара-Мурза С. Г.
К 21 Кто такие русские / Сергей Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2012. – 240 с. – (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-4438-0137-7

В своей книге «Кто такие русские», ставшей уже классикой русской мысли, известный писатель и публицист С. Г. Кара-Мурза отвечает на самые острые вопросы, касающиеся русского народа и России. Какие трещины разделяют русский народ, какой национализм нужен русским, какие болезни разъедают российское общество, что такое ксенофобия и русофобия применительно к современной России – эти и многие другие актуальные темы затрагиваются автором в его интереснейшем исследовании.

УДК 323.1
ББК 66.5(2Рос)

ISBN 978-5-4438-0137-7

© Кара-Мурза С. Г., 2012
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2012

Мы начинаем упорядочивать разговор о России. Он идет непрерывно, но беспорядочно, с большой страстью. Попробуем усилить в нем рациональную струю, усилием воли умерим чувства.

Это — разговор со своими и для своих, поэтому разговор самый трудный. Тут нам не нужны ни похвалы, ни порицания, мы хотим разобраться в самих себе. Что такое мы из себя представляем — *русские* и все те, кто вместе с русскими строит и защищает, как может, Россию? И что такое из себя представляет сама эта Россия, без которой мы, похоже, жить не можем?

Тут всплывают и мрачные тени этих же вопросов: почему с такой страстью множество великих и малых мира сего век за веком стараются стереть эту нашу Россию с лица земли? А если не стереть, то хотя бы изменить ее так, чтобы она утратила наши черты? И почему к этим старателям век за веком тянется часть самих русских, почему от нас отщепляются бескорыстные клеветники и ненавистники России? Что за червь нас грызет и многих соблазняет?

Вопросы эти опасные, всеу болтать на эти темы нельзя. Много в этих вопросах невысказанного и, может быть, даже невыражаемого. Кто дал нам право высказывать и выражать? Не повредим ли мы какой-то невидимый нерв? Разве можно говорить вслух о сокровенных тайнах матери? Не разрушим ли мы те тонкие связи, что скрепляют людей в большую семью народа? Ведь мы так мало знаем о природе этих связей.

Эти опасения и удерживали нас от такого разговора и наверняка удерживают очень многих. И все же приходится решаться. Мы опять втянулись в большую Смуту — или сорвались в ту же Смуту, что началась в России с начала XX века. Понадеялись, что кровь Гражданской войны, подвижничество индустриализации и общее самопожертвование в Великой Отечественной настолько укрепили нас, что путь наш стал нам ясен, а бес раздора из России изгнан навсегда. Ошиблись, советский порядок лишь подморозил и на время отодвинул сомнения, но потом бесы вырвались на свободу с удвоенной яростью.

Есть предчувствие, что эта новая Смута (или новый виток старой) подвела нас к опасной черте. Кое-где распад подбирается к жизненно важному, и этого никакими нефтедолларами не замаскировать. А главное, сам по себе этот процесс не останавливается, какие-то защитные механизмы всего организма России повреждены. Сверкают витрины супермаркетов, громко звучат скрипки «Виртуозов Москвы», торжественно скачут гусары кремлевского полка, а тревога все сильнее. Вот-вот упустим что-то важное, не услышим тихого крика о помощи — и потеряем главное.

Поэтому данная нам сейчас передышка и должна быть использована, чтобы понять это главное и договориться о нем. Сразу все не договорятся, но хотя бы небольшая часть должна собраться в виртуальное духовное ополчение — перестать толкаться друг с другом в бессмысленных раздорах по вопросам, которые сегодня ничего не решают, начать движение по пути, выводящем нас хотя бы из той трясины, где мы завязли здесь и сейчас. Как только это движение начнется, наше ополчение начнет прирастать людьми, идеями, силами.

Ошибки, которые мы сделаем на первых шагах, будут исправлены и исправлены новым пополнением. Главное сейчас — собрать ядро, центр кристаллизации сил. Это видно уже потому, как тщательно и неустанно трудятся «творцы Смуты» над тем, чтобы разрушить, растворить возникающие зародыши таких ядер и центров. Но их успехи нас уже не могут остановить. Время жизни этих ростков с каждым днем удлиняется, нарабатанный ими материал не пропадает, а питает следующие проекты, паутина взаимодействия уже стала неразрушаемой. Бли-

зится скачок на новый уровень, на котором зародится лавина русского возрождения.

Эта книжка составлена из маленьких главок. В каждой из них рассмотрен какой-то один частный вопрос обозначенной в заглавии темы, и рассмотрен предельно просто — в силу краткости. Простота, конечно, таит в себе опасность — нет места для рассуждений и уточнений. Значит, неизбежно огрубление, можно скатиться и в недопустимое упрощение. Но все же краткие утверждения полезны, для нас сегодня важнее ухватить суть, чем разобраться в тонкостях. Нам надо вспомнить азбучные истины и вернуться от идеологических привидений к языку жестких земных понятий.

Эта книжка — не научный трактат и не учебное пособие. В ней — попытка небольшим числом небольших «мазков» обозначить контуры нынешних размышлений о русских и России. Каждый увидит в этой картине множество изъянов и упущений, будет недоволен беспорядком россыпи поставленных вопросов. Но приходится начинать с малого. Смута, в которую мы погрузились, поставила множество вопросов, на которые пока что нет хорошего ответа. Но эта книжка, надеемся, даст хотя бы грубую канву для раздумий над ответами.

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

Каков источник русскости?

Когда заходит разговор о русских, сразу встает вопрос: «А кто такие русские? По каким признакам мы отличаем от иных, нерусских?» И сразу начинается спор, мы забредаем в лабиринт, из которого трудно выбраться. Нужна общая нить рассуждений и добрая воля собеседников — желание найти общий язык, а не победить в споре.

Вообще, вопрос о том, что такое этничность (в нашем случае русскость), очень сложен. Здесь нет жестких границ и определений, здесь очень много уровней, так что надо почаще пояснять, в каком смысле мы применяем это слово.

В обыденном сознании мы относим людей к тому или иному народу по родству («по крови»). Родился от русских родителей — значит, русский. В большинстве случаев верно, потому что с первого дня жизни ребенок омывается волнами русского мира — слышит русский язык и манеру речи, мать напевает ему русскую колыбельную, с кухни доносятся запахи русской еды. Он начинает подрастать и сам уверен что «родился русским». Труднее в этом разобраться, если отец и мать из разных народов, тут уж приходится выбирать, по общему согласию (и в зависимости от обстановки).

Другое дело, когда народ переживает кризис, а то и бедствие. Здесь к обыденному сознанию полезно добавить хоть немного научного, разобраться в вопросе пожестче. Тут оказывается, что ничего такого ни в крови, ни в генах нет. Помести новорожденного в семью другого народа, и он примет его «душу». Даже если он другой расы. Это установлено досконально. Препод Пушкина ребенком попал к Петру I и вырос русским человеком, ничего эфиопского, кроме темной кожи, у него не осталось. Так что объективно русские это те, кто воспитан в русской

культуре. Их «сделали» русскими усилия всего русского народа, всеми его предыдущими поколениями — языком и музыкой, сказками и преданиями, попами и царями, Разиным и Менделеевым, Сталиным и Горбачевым, всей бурлящей и противоречивой жизнью русских и влетающих в эту жизнь «чужих», и друзей, и врагов. Все они лепили и закаляли (или растлевали) нашу русскость.

Ее воспитывало и наше пространство, освоенное и созданное русскими и братскими нам народами. Ведь наша земля — это давно уже творение нашей культуры, она покрыта городами и селами, дорогами и линиями электропередачи, полями культурных растений и космодромами. Все это несет в себе наш взгляд на мир, наше знание и ошибки, нашу точность и безалаберность. Как дом любой семьи и земля любого народа. Во все это мы непрерывно вглядываемся, обдумываем, переживаем и питаем свою русскость.

Но не менее важна сторона субъективная. Чтобы быть русским, надо себя *осознавать* как русского. Это — четкий водораздел. За несколько веков совместной жизни в России очень многие люди по своей культуре и языку перестали отличаться от русских. Но они сохранили самоосознание и имя своего народа и считают себя, например, чувашами или мордвинами. Это не только их право, это достойно уважения, так как этническое разнообразие при общем культурном ядре — большая ценность, хотя и усложняет многие общественные отношения.

Так что, быть русским значит добровольно и четко принять на себя это звание — и счастье, и крест. Тут заставить никого нельзя, и если для кого-то крест покажется тяжелым, он всегда найдет повод от него отодвинуться. Один вдруг вспомнит про свою еврейскую бабушку, другой откапает свои латышские корни. Говорят, какой-то депутат Госдумы даже утверждал, что он печенег.

Так что вот два первых критерия: к русским надо причислять людей русской культуры, которые сами считают себя русскими.

Сложнее проблема с дискриминацией. В трудные моменты у одной части народа возникает желание изгнать из него другую часть своих соплеменников (это именно рецидив племенного сознания, отзвук тех времен, когда такое изгнание было

равносильно смертной казни). Мол, такие-то и такие-то — не настоящие русские, а только притворяются. Если партия националистов такого толка приобретает влияние (духовное, экономическое или политическое), то в народе возникают трещины и расколы, а в пределе — гражданские войны. Но об этом надо говорить особо.

Чья русскость под вопросом?

Будем договариваться, снимая противоречия слой за слоем.

С основной массой нашего народа проблем нет. Это люди, как говорится, славянской внешности, родившиеся от русских родителей и воспитанные ими. У них русские имена и фамилии, они говорят на родном для них русском языке и сами считают себя русскими. Это для них так привычно, что вопросу удивились бы и они сами, и окружающие.

Сомнения возникают относительно *небольших* групп. Надо ли о них говорить — или можно просто не обращать внимания? Говорить о них надо, потому что некоторые из них очень влиятельны.

Первая проблемная группа, с которой осложняется дело, это те, кто сам себя считает русским, а в среде русских возникают сомнения. Вот, недавно в Петербурге похоронили прах императрицы Марии Федоровны. Она была датской принцессой по имени Дагмар, вышла замуж за Александра III и переехала в Россию. Считаем ее русской? Видимо, да — ведь сам Патриарх Московский и всея Руси вел службу на похоронах. Но почему, все же, мы ее признаем за русскую? Из уважения к Патриарху? А может, из уважения к ее титулу — все-таки царица? Если бы наш сосед Васька Петухов привез себе жену-турчанку, в Стамбуле на рынке познакомился — признали бы мы ее за русскую? Возникли бы сомнения, даже если бы она сносно заговорила бы по-русски.

Значит, звание русского не всегда дается от рождения, его можно и чем-то заслужить? Именно так. И ничего в этом нет странного. Суворов был родом из финских дворян, но о себе сказал: «Я не немец, а природный русак». Его приняли в рус-

ский народ и полюбили. Таких среди нас очень много, это и говорит о силе народа и русской культуры.

Почему же нас удивляет, что русским можно стать? Потому, что мы смотрим на дело из гущи тех, для кого их принадлежность к русским так очевидна, что кажется их природным свойством. Чем же человек может заслужить, чтобы его признали русским, даже без подвигов, как у Суворова? Тем, что ведет себя соответственно общепринятым нормам русской культуры — не лезет в наш монастырь со своим уставом. Мало того, он своими словами и делами показывает солидарность с русскими, радуется с нами и «плачет нашею слезой».

Долго обсуждая, и так, и эдак, этот непростой вопрос, один видный ученый в этой области дал такой краткий вывод:

1. Два человека принадлежат к одной нации, *если, и только если*, их объединяет одна культура, которая понимается как система идей, условных обозначений, связей, способов поведения и общения.

2. Два человека принадлежат к одной нации, *если, и только если*, они признают принадлежность друг друга к этой нации. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были.

Кажется, тут сказаны вещи простые и очевидные. Но мы увидим, какие из них вытекают важные следствия. Вот, например, «новые русские». Вроде бы они — такая же часть русского народа, как и большинство. Но ведь они явно не признают своих обязанностей по отношению к большинству русских и не проявляют почти никакого товарищества (об отдельных приятных исключениях не говорим, речь идет о социальной группе). Тут уже пролегла трещина, и они мало-помалу уплывают от нас, становятся *отщепенцами*. Это для многих из них станет трагедией, если вовремя не одумаются. Но ведь и мы все должны помочь им одуматься, для нас каждый русский — брат, пока не перешел грань.

Но об этом будет особый разговор. А сейчас — о другом важном следствии из этой формулы. Когда человек, в чем-то отличный от основной массы русских, заявляет, что сам он себя считает русским, он делает очень важный шаг. Он просит «принять его» в русский народ. Это особенно важно, когда Россия переживает трудные времена, когда русским приходится туго — как сейчас. Таких людей нельзя отталкивать, их надо поддерживать. Надо помогать им осваивать нашу культуру и язык, понимать правила жизни и сигналы, которыми без слов обмениваются русские. Как к подозреваемым надо подходить с презумпцией невиновности, так и к ним надо относиться с презумпцией добрых намерений.

Такое отношение как раз и является частью русской культуры, потому и прирастал такими людьми русский народ. Другие народы России и даже дальних стран питали наш народ своими людьми, которые по разным причинам осознали себя русскими и захотели встать в наш строй. Поэтому русские стали одним из десяти *больших* народов мира, хотя в момент нашего вступления Наполеона нас было в полтора раза меньше, чем французов.

Сейчас, под давлением бедствия, кое-кто из нас желал бы изменить эту установку нашей культуры, оборвать связи, замкнуться русским в себе. Это было бы большой ошибкой, и этого никак не поддержит большинство. Наоборот! Русские не выживут без России, а ее надо укреплять, наращивая притяжение к русскому ядру. Хотя сегодня это очень и очень трудно.

Как быть с отщепенцами?

Мы уже говорили о том, по каким признакам принимают в русский народ тех, кто сам хочет стать русским. Но гораздо сложнее дело с теми, кого мы считали русскими, а они от этого звания отрекаться. Как с ними быть?

Можно, конечно, рвать на груди рубаху и потрясать кулаками: «Отступники! Отщепенцы!» Иной раз надо отвести душу, но делу это не помогает. Тут или надо найти способ вернуть «отщепляющихся» в лоно русского народа, или найти способ ужиться с ними как «братским народом» — да, отделились как

народ, но ведь братский! Или, если не справимся с этими задачами, ограничиться пока «добрососедскими отношениями», хотя оголтелые с обеих сторон могут и этого не дать.

Мы должны смотреть на эти вещи трезво. Объединяться с одними, звать в братский союз других, искать взаимовыгодные соглашения с третьими, понимать намерения враждебных нам четвертых.

Национальность — не клеймо, поставленное навеки. Мы признаем, что выходцы из других народов могут влиться в число русских. Вот, первый крупный русский поэт, царедворец Державин. Пушкин сказал о нем: «сей гений думал по-татарски и русской грамоте не знал». Вот Борис Годунов, умный и трагический русский царь — «по крови» чистый татарин. Вот Лев Толстой, потомок татарского княжеского рода. И так — поныне. Народ — живая система, поток, чьи струи сливаются и расходятся. Как ни прискорбно расхождение!

Глянем вокруг и увидим, что это и есть реальная жизнь народов. Был на Балканах большой народ. Но при расколе христианства часть его стала католиками и даже писать стала на латинском алфавите — назвала себя хорватами. А сербы остались православными и пишут на кириллице, как русские. Другая часть не выдержала кнута и пряника турок и приняла ислам, отделилась от сербов в Боснии. Казалось бы, разницы никакой — язык тот же, хлеб едят одинаковый. И можно, если постараться, собрать их в одну страну и уже почти в один народ — через общую партизанскую армию, общий проект жизнеустройства. Но рухнул СССР, рухнула и Югославия — и эти части поджигателям опять удалось растащить до страшной войны. Одна сербка сказала тогда ученому-этнологу: «Теперь все ненавидят Тито, потому что он был хорватом. До того, как все это началось, я даже и не знала, что он хорват. Но даже если бы я и знала об этом, это бы меня никак не волновало. До того, как все это началось, никого бы это не волновало».

Из этого видно, что объединение — сложная вещь, она требует ума, сердца и воли. Надо понимать, какие условия ведут к объединению, а какие — к отщеплению. Пытаться загнать кого-то в свой народ силой бесполезно.

Мы старались не думать о расщеплении русских — тяжело. Но если уж заниматься делом, а не в чувствах копать, то такие случаи надо знать и извлекать уроки. Когда наш знаменитый генерал Ермолов успешно завершил Кавказскую войну, царь сказал: «Проси, чего хочешь, все для тебя сделаю». Тот ответил: «Ваше Величество, сделайте меня немцем». Сказал дерзость, указал царю на засилье немцев в верхах, невоготу стало. А в 1790 г. бухтарминские старообрядцы, выходцы из центра России, просили царицу даровать им статус инородцев, это дало бы им многие льготы (и царица их прошение удовлетворила).

Да и сегодня. Вот, мы считаем казаков частью русского народа, а ведь среди них сильна партия, которая требует признать казаков «репрессированным народом» (как чеченцев и крымских татар). Льгот захотелось, и предпочитают объявить себя особым народом. И основания для этого при желании всегда можно найти. Ведь беглые рязанские крестьяне, создавая свои ватаги на Дону, всех к себе принимали, анкет не требовали. А жен себе привозили из набегов, турчанок да персиянок. Кто читал «Тихий Дон», помнит, что дед Григория Мелихова привез себе жену-турчанку из похода. С точки зрения науки, казаки — субэтнос русского народа, то есть его региональная часть со своими особенностями. Но если они решат назвать себя особым народом, спорить будет бесполезно, наука тут бессильна.

То же и с русскими в Латвии. Они сейчас живут в другом государстве, с другим народным хозяйством, другими возможностями, другими бедами. Очевидно, отдаляются от ядра русских, но отрываться не собираются. Будут «в чем-то иными» русскими.

В том-то и искусство объединения, чтобы понять, в чем отделившаяся часть «иная». А поняв, разумно решить, какую «инаковость» надо уважить, а какую попытаться преодолеть или изжить. Наломать дров легко, но своему народу добрую службу сослужат только те, кто умеет собирать людей и земли «светлым путем», то есть умеют добиться цели, наломав дров поменьше.

Когда мы думаем и говорим о таких больших вещах, как народ и страна, полезно сначала мысленно охватить целое, а потом представить себе его строение и уточнить, о какой именно части этого целого идет речь. Иначе всегда будем спорить до хрипоты и рассуждать, как семеро слепых о слоне — один схватил его за хвост, другой за хобот, третий за ногу. И вот спорят каждый о своем. Эта слабость нашего мышления типична, но все же удивляешься, как долго нас ухитряются удерживать в этой ловушке.

Первым шагом в подходе к строению образа страны как целого может быть рассмотрение ее в двух ипостасях: страна как *пространство* и страна как *народ*. Скажешь Россия — и сразу возникает образ ее пространства и образ народа, который это пространство соединил и одухотворил. Ведь страна — это не просто часть земной поверхности, не территория в ее физическом смысле, это обитаемое народом пространство, почти буквально созданное людьми, соединенными в народ с его культурой.

Сразу, конечно, мы думаем и о *государстве*, которое соединяет пространство и народ. Оно «держит» территорию, охраняет границы «нашей» земли, вод и неба, бережет ее недра и воды, леса и воздух, защищает наше духовное пространство. Оно устанавливает порядок, по которому народ пользуется всеми этими богатствами, а люди уживаются друг с другом. Государство вместе с обществом соединяет и организует все ипостаси страны. И народ, и государство, и даже само пространство страны — явления исторические, изменчивые. Они были не всегда, когда-то возникли, с течением времени меняли свои формы и свойства. Когда-то, говорят, они «отомрут», то есть, преобразуются в какие-то новые формы, совсем непохожие на нынешние.

Но это — за пределами того «длинного» времени, за которое мы отвечаем. А сейчас мы переживаем критический период, нам довелось посетить сей мир в его минуты роковые. За то, как мы проведем страну через эти опасные перекаты, с нас

спросят потомки. Для нас первая задача — понять, что происходит здесь и сейчас, какие угрозы стране вызревают в окружающем нас тумане и куда они протянут из тумана свои страшные лапы.

Сначала кажется, что пространство мы знаем лучше, чем свой народ — изучали в школе географию, что-то помним даже из экономической географии. Но и эти знания очень скудны — смотрите, какие споры снова начались по сравнительно простому вопросу: является ли Россия частью Европы, Евразией или вообще особым целостным пространством. В школе нас не учили глядеть на страну сверху, «с небес».

Но уж о народе знаем мало. Странное дело, кого ни спросишь, когда и при каких обстоятельствах возник русский народ, вопрос приводит в замешательство. Как-то люди привыкли думать, что русский народ был всегда. Спросишь, а что нам про это в школе говорили, — не могут припомнить, чтобы эта тема вообще поднималась. Так не годится. Наш народ переживает трудные времена — недомогает, поправляется, снова болеет, а мы даже возраста его не знаем.

Может быть, это неважно? Ведь вот он, русский народ, как на ладони. Надо просто любить его, каков он есть, и не мудрствовать. Любить надо, а не мудрствовать нельзя, заведут в ловушку. Тема народа — вечный хлеб демагогов и отравителей духовных колодцев. Да и не на ладони наш народ, а живет в очень сложных пространствах и временах, в нем бушуют огромные силы и раздирают сильные страсти. Минимум знаний нам необходим. С лица земли исчезло множество народов, даже больших и развитых, отчасти потому, что не осознали они сами себя, не было у них к этому тяги, не нашлось таких мудрецов. У нас с мудрецами тоже не очень-то, так давайте понемногу сами навестывать, в разговоре «между собой». Трудно это, тема для всех нас жгучая, но надо постараться.

Миссия русского народа

О русских говорят, что у них мессианский дух. Кто говорит с неприязнью, кто с уважением. Мессианский дух — значит обшая забота о том, что русские скажут миру, какую мысль несут

они человечеству. Это забота не о том, родится ли у нас гений, к которому прислушается мир (как, например, Лев Толстой или Ленин). Миссия народа — выстрадать общее народное мнение, безымянное и, быть может, даже явно не высказанное. Но выраженное так, чтобы люди в разных уголках Земли подумали: «А русские считают, что так нельзя».

Мессианским духом обладают не все народы. Скорее, даже мало таких, что захотели бы взвалить на себя этот крест. Большинство хочет иметь «свою хату с краю». Часть народов слишком уж впала в либерализм — здесь люди считают себя свободными индивидами, гражданами мира, и ни о каком народном мнении и слышать не хотят.

Те народы, в которых такая забота зародилась и живет, самобытны. Они по-разному видят свою миссию. Образ каждой из них можно собрать по крупичкам из песен, сказок, литературы и философии. И хотя век от века этот образ меняется, в нем есть постоянное ядро. То англичане гордились, что Англия — «новый Израиль», создала капитализм с его духом наживы, то Англия — «мастерская мира», то пели «правь, Британия, морями» и говорили о «ноше белого человека» — по морям они несли цивилизацию индусам и китайцам.

Что же русские, как они сами ощущали свою миссию, что думают сейчас? Были горькие мысли, с самоотрицанием. Вот, духовный отец наших западников, Чаадаев. Он считал, что Россия создана, чтобы давать миру отрицательные уроки — «как не надо делать». Так расписал, что его отправили в сумасшедший дом. Чаадаеву поверила небольшая часть интеллигенции, ее слушали с интересом, но это не был голос России.

Через века прошла другая мысль: «Москва — третий Рим». Западников она возмущает, они стараются ее оболгать — мол, русские тянутся к мировому господству. Вранье, с самого начала речь шла о миссии духовной, о России как хранительнице христианства. Первой державой с царями-христианами была Римская империя, потом Византия (второй Рим). Оба пали, и хранить православие взялась Россия.

Какая же из этого выводится идея для человечества? Как она звучит без религиозных одежд? Смысл ее в том, что мироустройство должно быть справедливым, что человечество

должно быть семьей народов, в которой надо заботиться обо всех и не обижать слабых. Эта идея в русском сознании постоянна, меняет лишь форму. Она не задана официальной идеологией — иногда ей противоречит, иногда совпадает. Иногда обретает силу, иногда приглушается. Но жила и живет.

Старые помнят — в войну все знали, что русские выполняют мировую миссию — «отребьям человечества сколотим крепкий гроб». Когда сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, люди были возмущены: «Зачем! И так война кончалась. Сколько народу погубили!» Когда французы вторглись во Вьетнам, говорили с презрением: «Какая подлость! От японцев убежали, бросили колонию. Вьетнамцы сами воевали, выгнали японцев, так теперь нечего лезть». А как радовались Кубе — еле на карте видна, а не побоялась монстра. И это мнение русских ощущалось во всем мире.

Кто-то скажет, что в советские времена это мнение навязывала идеология. Это неверно, скорее идеология питалась этим мнением. Ведь так же было дело и в царской России. Уж как не хотели принимать Грузию под свою руку, но пожалели — сожрут ее Турция и Иран. Жалели африканцев, которых увозили в рабство. Русские военные моряки, даже в научных экспедициях, гонялись за кораблями работорговцев — вспомним рассказ Станюковича «Максимка». Жалели болгар и шли добровольцами на турецкую войну. Жалели буров, потому что с англичанами у них были неравные силы. Русские добровольцы ехали помогать бурам, но никто — англичанам.

А еще нагляднее — сейчас. Русские сегодня расколоты по идеологиям, по доходам. Но происходит в мире нестерпимая подлость — и мнение их практически едино. Так было, когда НАТО бомбило Сербию. Скажут — православная солидарность. Не только! То же самое было, когда США стали бомбить, а потом вторглись в Ирак. Единодушное мнение! Да, сил у нас сейчас нет, но все знают: русские против!

И вот, в 2001 г. социологи провели большой опрос — что граждане Российской Федерации думают о русском народе, о его роли в мире. Ответы удивили тем, что одинаково думают и молодые, и старые. Вот первые позиции в большом списке:

Характеристики	Возрастные группы (лет)			В целом
	18-24	40-49	50-59	
Народ-освободитель	74,2	80,1	79,4	78,9
Созидатель великой культуры	78,4	77,7	80,6	78,2
Защитник народов	60,8	65,8	65,2	63,9

Народ-освободитель, защитник народов! Тут нечего добавить.

Что такое «русское самосознание»?

Человек — существо общественное. Как сказал Аристотель, вне общества могут жить только звери и боги. Сознание человека, с момента рождения и до смерти, строится и перестраивается. В этом строительстве важны его личные усилия, его сугубо интимные переживания, озарения, открытия. Но они происходят в «поле» коллективных представлений, которое задает личной работе ума и совести руководящую нить, слова и понятия, признаки различения добра и зла.

Человечество возникло не как однородная масса, а в виде «сгустков» культуры. Эти «сгустки» — сплоченные множеством связей умы и души людей, собранных в народы. Поэтому в сознании человека есть ядро, в котором «записаны» коллективные представления его народа. Это самая устойчивая часть «культурного ядра» того общества, в оболочку которого «упакован» народ.

Общество меняется довольно быстро, а ядро культуры народа прочно. Так, русский народ существовал в формах сословного феодально-общинного общества, пережил вторжение капитализма с попыткой разделить народ на классы, прошел через чрезвычайные периоды Гражданской войны и военного коммунизма, передохнул во время НЭПа, совершил рывок и военную мобилизацию в рамках тоталитаризма. Потом расслабился и пожил спокойно в «почти неклассовом и почти несоловном» советском обществе — и тут его потряхнула перестройка и реформа, породившие общество аномальное, ни в каких

учебниках не предусмотренное. Но за все это время ядро русского самосознания принципиально не изменилось. В чем-то оно повреждалось, какие-то его блоки в новых условиях заменялись, но «генетический код» сохранялся. Была попытка в 90-е годы вырастить в пробирке реформы «новых русских», но провалилась. Кишка тонка оказалась.

Вот эту «сохраняемую вечно» часть самобытного культурного ядра называют иногда «центральной мировоззренческой матрицей» народа. Грубо говоря, на этой матрице собирается народ, а затем на ней штампуются каждое последующее поколение. Обрамление ее может меняться, так что части народа могут даже разодраться, но и при такой катастрофе хорошо сложенная матрица выдерживает взрыв и затем соединяет расколотые части народа. Так срастись эти части после раскола XVII века и после Гражданской войны, так же мы обязаны их срастить после нынешней Смуты. Не сумеем — позор на наши головы. Хотя, конечно, отравители колодцев поднаторели за XX век, много новых ядов наварили в своих лабораториях...

Ниже идеологии лежат слои сознания, в которых умозаключения делаются быстро, исходя из готовых установок. Это запас традиционного «неявного» знания. Чтобы его применить, человеку не надо задумываться. Есенин писал:

Мы многого еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
Но песни новые по-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

На этом уровне сознания расположены, например, стереотипы хозяйственного поведения. Мы видим, что массовое сознание отвергает несправедливо нажитое богатство и не слишком торопится навесить на себя обузу частной собственности. Инерция? Да, но и «проверенная временем» осторожность, а вовсе не фанатизм.

Пожалуй, можно назвать три устойчивых составляющих русского самосознания. Частично мы уже говорили об этом, но надо повторить еще. Первая составляющая народного самосознания — православные представления о добре и зле, о мире и

человеке. Они проходят с нами через века, вопреки ересям и расколам, революциям и реакции, атеизму и новым вспышкам религиозности. Они прочно вошли в мировоззренческую матрицу русских, и никаким реформаторам их из нее не выбить.

Вторая — коллективная память об исторических выборах, которые России пришлось сделать, находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальней Востока».

Третья — русский тип мышления, соединяющий крестьянский здравый смысл с космическим чувством. Как сказал поэт о русском уме, «он трезво судит о земле, в мистической купаясь мгле».

Это сочетание блоков русского сознания дает ему устойчивость и гибкость. Конечно, не ко всем ударам оно готово, иначе бы задубело. Но после ударов восстанавливается быстро (ох, хотелось бы побыстрее!).

Особый вопрос — как в этом нашем типе сознания видимся себе мы сами, русские?

Русская идея: рубежи обороны

Наш народ в состоянии смуты. Длится она уже целый век. Лишь на короткое время прямой угрозы с Запада и большой войны XX века народ соединился в одну семью. Но для этого каленым железом выжгли инакомыслие — угроза заставила. Нам льстят, когда называют то время «казарменным социализмом». Это был «социализм окопный»! Но когда в тебя стреляют, окоп — самое лучшее место. Вокруг чего же мы тогда соединились в нашей земной жизни? В том, вокруг чего соединились, видимо, и была главная идея народа — она и есть русская идея.

Мы говорим о земной жизни, только в ней народ — главное лицо. А перед Богом все люди — братья. Души уже не принадлежат народу, они не носят ни сарафана, ни пиджака, ни даже брэнного тела. Конечно, совесть каждого народа задана его религией, но не сливается с нею. Мы получаем «сигналы свыше», но за свои идеи, слова и дела отвечаем сами.

Почему же только перед лицом угрозы уничтожения появилась в нас острая потребность соединения? Такая острая, что приняли и жертву коллективизации, и перегрузки индуст-

стриализации, и даже кровь ГУЛАГа. Здесь — одно из свойств русских, часть нашей идеи. Это свойство — потребность мыслить, быть духовным странником и землепроходцем. Мы постоянно отрицаем свое состояние, принимаем, хотя бы в мыслях, состояние «другого». Для такого перемещения мы всегда имели пространство. «Россия — избяной обоз», — сказал поэт. Крестьяне убегали от власти в казаки, а казаки становились государственниками и осваивали Сибирь и Америку. И никто не становился «человеком массы».

Мы отказываемся от этого лишь в самый крайний момент. Даже когда пришлось русским собраться в тоталитарное общество, это был тоталитаризм военного отряда, а не лагерного барака. Прошла смертельная опасность — и мы снова странники. Понятно, как дорого обходится всем нам эта роскошь — ничто так не губит наше благополучие, как всеобщее инакомыслие, эта наша свобода. Посмотришь, как удобно живет средний европеец и как он по-куриному мыслит, — и порой возникает соблазн: хоть бы какой-нибудь черт вышиб из наших голов это постоянное «отрицание отрицания». Поменял бы радость и мучение непрерывной мысли и сомнений на сытый комфорт.

Сохраним ли мы эту главную русскую волю? Гарантии нет. Уж очень большие силы нас подтачивают и соблазняют — и нужда, и телевидение, и учебники Сороса. Гарантии нет, но надежда есть. Пока что человек держится — Пушкин помогает и нужда ведь не только отупляет, но и просвещает. Да и Церковь православная подставила плечо, хотя, вроде, не ее это дело — поощрять свободомыслие. Но такую уж вырастила она на нашей земле культуру, что сделала русского человека соборной личностью, а не индивидом, не механическим атомом человечества. Самой Церкви, видно, трудно приходится с таким человеком, но, спасибо ей, не снижает духовного требования, не укорачивает человека.

Вот первая ипостась русской идеи: человек — личность. Поднявшись до соборности, осознав ответственность, ограничив свободу любовью, он создает народ. А значит, он не станет человеческой пылью и в то же время не слепится в фашистскую массу индивидов, одетых в одинаковые рубашки («одна рубашка — одно тело»).

Мы не замечаем даже самые великие ценности, когда они привычно нас окружают. Не замечаем же мы, какое это счастье — дышать воздухом. Так же жили мы среди наших людей и не замечали этого их чудесного свойства — каждый из них был личность. Он все время о чем-то думал и что-то переживал. Посмотрите на лица людей в метро. Не боясь окружающих, люди уходят в себя, и на лице их отражаются внутренние переживания. В метро Нью-Йорка все лица похожи на полицейских — все одинаковы, все вежливы и все настороже. Они как будто охраняют хозяина.

Сейчас многие русские хлебнули Запада и начинают трезветь, понимать то, что скрывали от нас реформаторы: главный смысл их дела — чтобы перестала наша земля и наша культура с детства растить человека как личность. И тогда устранена будет из человечества русская идея, к которой так тянутся люди, тока их не оболванят.

Угрозы для этой идеи сегодня очень велики. Сегодня разрушают условия ее сохранения и развития — хозяйство как материальную базу для жизни народа и культуру как матрицу, на которой народ воспроизводится в каждом новом поколении. Подтачивают те неброские вещи, которые хранят и передают детям смыслы нашей сущности — школу, литературу, песни. От нашей чуткости, ума и воли зависит, удержим ли мы оба эти фронта, пока вновь соберется с мыслями и силами народ.

Должны удержать, даже если какие-то отдельные стороны русской идеи мы понимаем по-разному. Возможно, мы вообще не в словах никогда и не выразим. Одно ясно: эта идея жива, тока жив ее носитель — русский народ.

ЧТО НАС СОЕДИНЯЕТ

Народ и страна

Человеческим «наполнением» страны является не население, не совокупность индивидов, подобная куче песка, а народ. Он может быть организован по-разному — и как гражданское, и как сословное, и как кастовое, и как советское общество. Связи объединения людей в социальные группы более слабые, чем связи этнические в народ или нацию. Большие общие дела типа отечественной войны делает народ в целом (не считая отщепенцев — дезертиров и предателей). Да и большие революции совершают не классы, а народы. Просто они на время раскалываются, и расколотые части относятся друг к другу, как к разным народам.

В конце XX века Россия как страна вошла в тяжелый кризис и оказалась на грани гибели. Ее уже расчленили, оторвав (скорее всего, на время), большие земли, издавна сложившиеся в одну страну. Ядро России, русский народ, также оказался расчлененным, и какой-то части русских, возможно, даже придется служить в армии государств изначально враждебного России военного блока НАТО. Это — национальная трагедия, надо смотреть на это прямо.

Согласно привычным представлениям, страны ликвидируются или уродуются вследствие поражения в войне. Однако непосредственной причиной их гибели или расчленения может быть исчезновение народа, слом или порча механизма, воспроизводящего те связи, которые соединяют людей в народ. Население при этом сохраняется и, бывает, даже не вымирает, но народа нет — есть «куча песка» из индивидов, мелких групп, кланов и шаек. Часто именно это бывает и предпосылкой поражения в войне.

Распад народа может происходить незаметно, так что страна и государство слабеют с необъяснимой скоростью и становятся легкой добычей внешних сил (как это произошло в Китае в конце XIX века, когда там реально стал властвовать Запад и высасывать из страны все соки). В других случаях углубление кризиса наблюдается и даже изучается, но он представляется как накопление социальных противоречий (как было в Российской империи в начале или в СССР в конце XX века).

Механизм соединения людей в народ поддается анализу и изучению. Раньше этим занимались жрецы и мудрецы, теперь профессиональные ученые в больших научных центрах. Раз объект можно изучить, значит, можно создать и эффективные технологии воздействия на него. Так за последние десятилетия были найдены методы, которые приводят к поломкам механизма собирания и сохранения народа, к отказам этого механизма или даже его переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

За последние десятилетия это и произошло с Россией. Уже с начала 70-х годов стратеги «холодной войны» посчитали именно этнические связи между народами и внутри каждого народа самым слабым местом Советского Союза. Сюда и были направлены главные усилия, но ни властвующие в СССР старики, ни общество в целом этого не заметило и не поняло.

Период «перестройки» стал большой спецоперацией холодной войны, целью которой был демонтаж советского народа. К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации Советского Союза при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 г. стало нарастать стихийное, неорганизованное сопротивление «контуженного» перестройкой народа и патриотической части государственной власти. Поэтому программа «разборки» народа продолжалась с некоторой потерей темпа, особенно после 2000 г. Но параллельно велось и совершенствование технологии, так что ее обновленная версия была с успехом применена в Сербии, Грузии и на Украине в форме «цветных» революций. Готовятся штабные карты и для подобной операции в Российской Федерации. Чем быстрее мы осво-

им современное знание о том, что такое народ, чем он скреплен и какие есть слабые места в его конструкции, тем меньшие потери понесем в ближайшие десятилетия XXI века. А они обещают быть очень бурными.

Образ земли в национальном сознании

Народ — это общность людей, скрепленная не отношениями господства и собственностью, а отношениями «горизонтального товарищества», чувством принадлежности к одной большой семье. Это чувство порождается общим языком, общей памятью и общими символами, преданиями, взглядом на мир. Но под этим должно лежать что-то жесткое, материальное, принадлежащее всему народу. Среди таких народных достояний особое место занимает *земля*. Для соединения народа она служит и священным символом, и животворным источником (дает «хлеб земной»).

Священным для народа является то место, где он возник — его *родина*. Мы говорим *родная земля*, имея в виду землю, породившую наш народ. Иногда говорят о «почве» (отсюда название одного из течений в национализме — *почвенники*). Куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знает, что у него есть «свое место» — Родина, междуречье Оки и Волги. Здесь с XIII века стал складываться великорусский этнос. Это его «месторождение» (точнее «месторазвитие»).

Конечно, не только в земле дело, возникали и существовали в *одном и том же* ландшафте *разные* племена, которые не сливались в один народ и сохраняли свою самобытность. Но обладание «своей землей», территориальная целостность — условие *возникновения* народа. Это — «колыбель» народа. В историческом времени связь народов с землей подвижна, народы перемещались по земле (иногда даже происходили их массовые «переселения»).

В своем развитии народы осваивают новые ландшафты и новые способы ведения хозяйства, наполняют землю своей культурой, и она становится им родной. Можно сказать, что земля и народ создают друг друга. Народы складывались, коллективно думая о *своей* земле и земле значимых *иных* («там, за

рекой, немецкая земля»). Земля — не безучастное физическое пространство, а пространство *человеческое*. Породнение с землей — важная часть культуры народа (а также обычаев и права). Немного погодя мы приложим усилия для расширения познаний в этом вопросе, поскольку демагоги выработали способы стравливать народы, совместно проживающие в одних ландшафтах.

А в каждый момент связь народа с «его» землей настолько привычна, что воспринимается как нечто естественное, природное. Народы, оторвавшиеся от родной земли, вызывают недоверие (таков был удел евреев и цыган). Представление о родной земле — важная часть мировоззрения каждого народа как основы его культуры.

На развитие русского народа повлияли два разных типа восприятия земли. Первый (*статический*) складывался в сознании земледельцев. Земля воспринималась как серия кругов, затухающих к границам неведомого. В центре находится дом (деревня) человека, дальше пояс полей и выгонов, еще дальше лесные угодья общины. За ними — дальние пространства. Другой тип (*динамический*) представляет землю как путь-дорогу. Это сеть маршрутов движения — воинов, купцов, паломников. Образ дальней дороги очень важен для русского сознания. Поэт Ключев даже сказал: «Россия — избяной обоз».

Движение русских землепроходцев — особое порождение нашей культуры. Его связывают с особым взглядом православного богословия, с поиском «Преображения», при котором земное странствие связано с обожествлением мира. Так было с движением на Север. Еще важнее этот мотив был в движении к Тихому океану и в освоении Америки, которая находилась «за морями-океанами».

Образ земли относится к числу главных *этнических символов*, его надо оберегать и противодействовать попыткам его разрушить или осмеять. Судьба «родной земли» затрагивает самые глубокие структуры национального чувства, и экономические критерии здесь почти не играют роли. Этого не понимают российские реформаторы или делают вид, что не понимают.

В информационно-психологической войне, которая ведется уже двадцать лет против русского народа, образ нашей земли

является одним из главных объектов атаки. У нас пока нет достаточных средств для контратак, но мы уже можем организовать оборону и понимать смысл приемов вражеской пропаганды.

Земля и граница

Мы говорили, что людей связывает в народ чувство общего владения *родной землей*. Помимо самой земли влияние на здоровье народа оказывает и такая символическая вещь, как *граница*. Граница уже в самых древних государствах приобретала священный смысл — она определяла пространство родной земли и часто становилась *этнической* границей. Внутри ее живет *наш* народ. Некоторые ученые считают, что граница — это перешедший в культуру присущий животным инстинкт гнезда, норы («периметра безопасности»). Замкнутая ограда, даже символическая, есть условие «морального и физического комфорта» — как для отдельной семьи, так и для народа.

Сейчас, когда развал СССР разрушил границы России, русский народ живет в тревоге, часто неосознанной. Лучше это положение осознать разумно, оценить угрозы трезво и не позволять демагогам создавать психозы. При уязвимости границ в национальном сознании всегда возникает болезненная тревога, а иногда и фобии — страх перед иными народами, представляющими угрозу целостности «своего» пространства. К числу таких укорененных страхов относится и *русофобия* Запада, представление русских как «варвара на пороге».

Сильнейшее потрясение для русских вызывает вторжение (нашествие) врагов и иностранная оккупация их земли. Объяснить это европейцу непросто, их междоусобные войны угрозы гибели народам не несли. Например, французы из наполеоновской армии искренне не понимали, почему их с такой яростью поднимают на вилы русские крестьяне. Ведь они несли им прогресс! Это чувство было точно выражено в главном лозунге Великой Отечественной войны: «Смерть немецким оккупантам!» В нем было указано главное зло — *оккупация* родной земли и главный признак злодея — *этнический*. Не буржуй и не фашист оккупирует нашу родную землю, а *немец*. Буржуй бы завладел землей как средством производства, фашист — как

идеологический враг советской власти. Немец оккупировал *русскую* землю и землю *братских* русскому народов. А эту землю «не смеет враг топтать».

Сегодня связность нашего народа ослабевает не только от того, что границы родной земли оказались плохо защищены, что на морях орудуют контрабандисты и браконьеры, а ПВО не прикрывает воздушное пространство. В уныние приводит отношение государства к своей обязанности охранять границу и территорию. Даже звание пограничника, которое раньше было высоким символом, утратило этот смысл. Говорят, что у нас теперь нет врагов, но ведь не в этом дело! Граница организует пространство, внутри которого господствует наш язык, наше право, наши национальные традиции. Все это и связывает нас в народ, и граница — символическая оболочка нашей целостности. Это азбука национального государства.

Особое обострение чувства территории и границы вызывает нынешняя волна глобализации. Во всем комплексе угроз, которые она несет странам и культурам, надо выделить ощущение угрозы самому существованию народа. Резкое ослабление защитной силы национальных границ несет для русского народа опасность утраты контроля не только над землей («почвой»), но и над ее недрами. Обладание природными богатствами уже в первую волну глобализации (колониальные захваты) стало для многих народов бедствием.

Идеологи глобализации представляют человечество как «человеческую пыль» из индивидов, исключают понятие *народ* как субъект права (при этом превращают свои государства в неприступную крепость). Глобализация открыто декларируется как переход контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руки финансовой элиты мира и хозяев «мирового рынка». В ослабевших странах они создают свои «пятые колонны», которые ведут подрыв национального сознания народов. Угроза утраты недр «родной земли» имеет не только экономическое, но и символическое значение.

Ослабление национальной границы устраняет тот барьер, в рамках которого личная безопасность определялась понятиями «своего» права. От преступника тебя защищало государство, и ты знал его правила и способ действий. Глобализация

привела к *транснационализации* насилия. Было, например, заявлено право США как единственной оставшейся сверхдержавы «изымать» граждан других государств с их территории для наказания их на территории США. Было заявлено и право США на «гуманитарные» интервенции в страны под любым надуманным предлогом, даже очевидно лживым. Национальное сознание подрывается не только самими этими угрозами, но и тем, что внутри страны собственные СМИ на русском языке нам внушают, что этот новый мировой порядок как раз и есть демократия и мы должны его поддерживать.

Сегодня укреплять русский народ — значит освободиться из-под влияния этой демагогии и договориться о нашей общей позиции согласно нашей совести и нашим национальным интересам.

Земля: право колонизатора

Сделаем небольшое отступление. «Родная земля» — фундамент, на котором собирается и воспроизводится народ. В то же время, земля — великая ценность, и в мире есть много охотников ее присвоить. Всякие реформы, которые облегчают «движение» земли, несут в себе большую опасность для народа. Поэтому столыпинская реформа, устраняющая общинные запреты на продажу и заклад земли, критиковалась «справа».

Консерватор («черносотенец») М.О. Меньшиков писал: «Договорами, покупкою, меною и пр., у народа постепенно будет отобрана земля — корень человеческого рода, постепенно затянута петлей свобода, самое дыхание народное. И тогда, при всевозможных хартиях вольностей и конституциях народ станет неудержимо беднеть, превращаться в живой мусор, удел которого — гниение».

Для нас сегодня очень важна история изъятия земель у народов стран, ставших колониями Запада — не столько то насилие, которым оно сопровождалось, сколько философия, которой захват земли оправдывали сами колонизаторы.

В 1873 г. в парламенте Франции в дебатах по закону о купле-продаже земли в Алжире говорилось: «Дальнейшее сохранение общинной собственности как формы, поддерживающей

в умах коммунистические тенденции, опасно как для колонии, так и для метрополии; раздел родового владения предписывается, во-первых, как средство к ослаблению всегда готовых к восстанию порабощенных племен, во-вторых, как единственный путь к дальнейшему переходу земельной собственности из рук туземцев в руки колонистов».

Почему же французы считали себя вправе передавать «земельную собственность из рук туземцев в руки колонистов»? Как они пришли к такому взгляду? Насколько глубоко ощущение этого права укоренилось в мышлении европейца? В самых грубых чертах история такова.

Голландский юрист Гроций, как считается, заложил основы международного права. В трактате «О праве войны и мира» (1625) он определил, по какому праву колонизаторы могут отнимать землю у аборигенов, не согласуя захват с местными властями и применяя военную силу. Он выводил его из принципа римского права *res nullius* (принцип «пустой вещи»), который гласил, что невозделанная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность государства, которое передает ее тому, кто готов ее использовать. Этот принцип стал общим основанием для захвата земель европейскими колонистами. Уже в XIX веке земельные угодья в Африке, Полинезии и Австралии были присвоены колонизаторами практически полностью, а в Азии — на 57%.

С землями Северной Америки вышло сложнее. В Канаде пришельцев интересовала пушнина и золото, о праве на землю они поначалу не думали. Французы вторглись на земли индейцев-скотоводов и для их захвата применили старый принцип *res nullius*. Но англичане, двигаясь по плодородным прериям, натолкнулись на племена земледельцев. Англичане стали индейцев уничтожать, но проблема-то осталась. Ведь колонисты-пуритане были демократами с развитым правовым сознанием и высокой моралью, «новый Израиль». Ну, истребили краснокожих, но нельзя же так просто хватать их землю, надо по закону, честно. Пришлось призвать на помощь великих гуманистов и философов.

Перечитали трактат Томаса Мора «Утопия» (1516) — он первым среди философов вновь ввел в оборот римское поня-

тие колония. Он пошел дальше принципа *res nullius* и определил, что колонисты имеют право силой отбирать у аборигенов землю и «депортировать» их, если их земледелие *менее продуктивно*, чем у колонистов. Эта идея стала позже в Англии знаменем, под которым вели «огораживание» и сгон крестьян с общинных земель. Основанием права стала *экономическая эффективность*, решение *невидимой руки рынка* (конечно, при наличии видимого кулака власти). Цена на шерсть высока? Долой с земли крестьян с их капустой и чечевицей!

Испытав этот принцип на своих крестьянах, английские лорды провели экспроприацию большей части земли у ирландцев с колоссальной «экономической эффективностью». Чтобы делить отнятую землю между солдатами Кромвеля, пришлось разработать *теорию стоимости*. «Природную» стоимость определяли весом сена несеевых трав, собранных с делянки. Затем считали доход, который можно получить, прилагая то или иное количество труда. Так возникла *трудовая теория стоимости*. Из нее, кстати, вывели и цену самих ирландцев. Утверждалось, что если они будут во всем слушаться англичан (перенимать цивилизацию), то их цена в пределе может подняться до 70 фунтов стерлингов. А пока что — 25, как у раба из Африки.

В Америке превратить все эти заделы в стройную *теорию собственности* поручили великому философу Джону Локку, автору теории *гражданского общества*. Он должен был доказать, что землю у индейцев надо отобрать, несмотря на их прекрасные урожаи. И Локк дополнил трудовую теорию собственности новой идеей: труд, вложенный в землю, определяется *цене на рынке*. Хороший урожай у индейцев не имеет значения — это от природы. Земля у них не продается — вот главное! Она дается бесплатно, дарится или обменивается на ценности, «в тысячу раз меньшие, чем в Англии». Это значит, что индейцы в нее не вкладывали труда и не *улучшали*. А англичане вкладывали очень много — потому у них земля покупается и продается по высокой цене. Значит, землю у индейцев надо отобрать, потому что англичане *«улучшают»* землю. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит *не тому, кто ее обрабатывает, а тому, кто ее изменяет* (увеличивает ее стоимость).

Конечно, это логика бандита — прилагать критерий, который был невыполним для индейцев из-за отсутствия у них частной собственности и купли-продажи земли. Но для нас сегодня важно, что этот критерий был принят европейцами. Но еще важнее, что все эти критерии теперь внедряются у нас самих и влиятельные силы в России их принимают.

В этом свете и надо рассмотреть кампании последних двадцати лет:

- нытье о том, что в России слишком много земли, в том числе неиспользуемой;

- нагнетание мифа о том, что русские крестьяне плохо обрабатывали землю;

- идеологическая установка перестройки и реформы, согласно которой советское сельское хозяйство было неэффективным;

- отсутствие в России в прошлом рынка земли;

- выведение из оборота за годы реформы 43 млн. га посевных площадей и превращение их в *res nullius*;

- ничтожные цены на землю в России.

Если применить критерии права западного человека согнать с земли аборигенов, от Гроция до Локка, то все они оправдают изъятие земли у русских и передачу ее более эффективным собственникам. Видимо, такая ползучая передача уже идет. Но как только какой-то из «преемников» в цепочке наших президентов продаст свой черный ядерный чемоданчик, изъятие земли произойдет молниеносно. И из-под ног русского народа вышибут табуретку.

Место России «на карте человечества»

Людей соединяет в народ общее видение его места в человечестве — «взгляд с небес» (*хорологическое* видение своей страны). На этой карте для нас было особенно важно расположение русских относительно Запада — устойчивого образа того *иного*, с которым русские были в постоянном контакте.

Представление Запада со времен перестройки было акцией психологической войны против русских. Идеологи перестройки отрицали положение России как самобытной цивили-

зации и разрушали тот образ России в нашем самосознании, что сложился за последние пять веков. Люди чувствовали себя русскими, потому что «с небес» было видно: вот Запад, а вот Россия.

Эту акцию начали уже «шестидесятники». Они пересказывали мысли И. Эренбурга, которого даже уподобляли апостолу Павлу: «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Речь шла об историческом месте России на карте человечества... Эренбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад... То, что хотел сказать Эренбург, очень просто: Россия — часть Европы».

Это сбивало с толку людей, которые вовсе не желали отказать от своего исторического пути, а других соблазняло шансом быть «принятыми» в Запад. Как сейчас пишут, «мешало видеть, что все мы скопом уже давно зачислены в разряд нечистых и что неожиданное появление из-за забора бедного дальнего родственника с атомным топором не вызовет сильной радости у родственников богатых».

Из нашего сознания стремились удалить стержневой пункт — чувство самобытности русской культуры. Дескать, между мировоззрением русских и немцев, православных и протестантов нет существенной разницы — так, детали быта (чуть позже скажут, что и быт наш недостойный). Когда подобные утверждения стали литься на головы людей в тысячах разных словесных и художественных форм, был ослаблен или разрушен целый важный пучок связей национального сознания. Была разрушена часть фундамента этого сознания, выстроенная с огромными трудами.

Вспомним важную кампанию, которая подтачивала самосознание русских — политические игры с НАТО. В массовом сознании НАТО воспринимался как военный союз Запада в его «холодной» войне против России с непрерывным балансированием на грани «горячей» войны. НАТО объединил огромные экономические, технические и людские ресурсы и заставил нас втянуться в тяжелую гонку вооружений. От НАТО исходила постоянная крупномасштабная угроза для русских, и это его вос-

приятие спланивало советский народ и особенно его русское ядро. НАТО спланивало нас не страхом («ядерного страха», как в США, мы не испытывали) — людей соединяло возмущение несправедливостью и тупостью политики НАТО с позиции силы. НАТО был символом Запада как угрозы.

В декабре 1989 г. Горбачев вел на Мальте закрытые переговоры с Бушем о ликвидации Варшавского Договора, а потом и СССР. Это создавало угрозу продвижения НАТО подступать к границам СССР. Этого не желали наши соседи, даже из крутых западников. Вацлав Гавел сказал: «Мы не сумасшедшие, чтобы пытаться выйти из Варшавского Договора». В беседе с Горбачевым он предложил ему провести переговоры с Западом об одномоментно роспуске обоих блоков. Но Горбачев с Бушем решили иначе.

В Москве резко изменилась риторика «демократов». Они заговорили о «европейской цивилизационной идентичности» России, взяли курс на выталкивание из союза среднеазиатских республик, выступали в тесном альянсе с «народными фронтами» Прибалтики. Стали говорить о желательности вступления в НАТО и его расширения до границ Ирана и Китая как общего у Запада с Россией цивилизационного противника. Эта западническая элита обнаружила совершенно новый в России геополитический вектор, несовместимый с теми представлениями, которые были укоренены в народе.

Сразу после беловежского сговора Ельцин в послании Совету НАТО 20 декабря 1991 г. заявил: «Сегодня мы ставим вопрос о вступлении России в НАТО, однако готовы рассматривать это как долговременную политическую цель». Потом МИД разъяснил, что в послании по ошибке была пропущена частица «не» — «Сегодня мы не ставим вопрос...». Но на «долговременной цели» настаиваем.

Это был пробный шар, но началась кампания в прессе. Так, в 1994 г. политолог С. Караганов в статье «У дверей НАТО мы должны оказаться первыми» («Известия») доказывал, что Российской Федерации надо бороться с Польшей, Чехией и Венгрией за право вступить в НАТО первой. А. Козырев представлял Россию как союзника Запада в столкновении с исламом, в «совместной защите ценностей» при «продвижении на восток».

По его словам, «здесь основное бремя ложится на плечи России». Нашел дураков — таскать каштаны из огня для Запада.

Другая часть этой же операции — усилия по продвижению НАТО на восток. Здесь уже речь шла о разрушении в сознании русских образа собственного государства. 25 августа 1993 г. Ельцин заявил в Варшаве, что Россия не возражает против расширения НАТО на восток. Затем сходное заявление он сделал в Праге. Результатом этого, в частности, стали бомбардировки Югославии, свержение Милошевича, отторжение Косова от Сербии.

Техносфера и сплочение народа

Человеческое общество живет в искусственно созданном мире — *техносфере*. Каждый народ строит свою техносферу под воздействием и природных условий, и культурных норм. У двух народов, даже живущих в близких или одинаковых природных условиях, техносферы могут отличаться. В Забайкалье в сельской местности издавна живут рядом русские, буряты и эвенки. И до сих пор русские заняты земледелием, буряты животноводством, а эвенки оленеводством.

Техносфера состоит из *технико-социальных* систем. Через их изучение можно понять историю и современное состояние народа. Большие технические системы даже называют *институциональными матрицами* — они задают устойчивые отношения между людьми, на них «собирается» и воспроизводится народ. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы «держат» страну и культуру, задают то пространство, в котором народ существует и развивается. Если эти матрицы рушат, то рвутся внутренние связи народа, он разрыхляется и болеет, хотя бы на площадях выкрикивали самые патриотические лозунги и шумели националисты. Эти матрицы работают незаметно, но круглые сутки и круглый год. Хотим сплоченности народа — не надо допускать вредителей и дураков орудовать около этих матриц.

Например, в силу пространственных, экономических и социальных причин сеть железных дорог с самого начала складывалась в России совсем иначе, чем в США. В России эта сеть

напоминает «скелет рыбы». Хребет его — Транссибирская магистраль, «кости» направлены на Север и Юг. Хребет и «кости» не конкурировали друг с другом, а были включены в единую систему, управляло которой государство. По этому же принципу строилась Единая энергетическая система.

Строго говоря, каждый народ имеет свой, только ему свойственный тип институциональных матриц — устойчивый, но и развивающийся профиль. Но грубо множество матриц разделяется на два класса, два «чистых» типа. Их называют X и Y-матрицы (иногда «Западная» и «Восточная», хотя правильнее было бы сказать «Западная» и «Незападная»).

В чистом виде Y-матрица описывает идеальное «рыночное» общество, к которому ближе всего приближается «англо-саксонский» тип капитализма. К нему примыкают более «мягкие» типы капитализма (Скандинавия, Германия, юг Европы).

X-матрицы отвечают *незападным* обществам (даже таким развитым, как Япония или Россия), в которых жизнь складывалась согласно метафоре «семьи», под влиянием общинной идеологии, коммунальной организации и патерналистского государства. В одну категорию входят и японский или корейский «конфуцианский капитализм», и советский «социализм». И плановая, и рыночная экономики могут действовать в рамках и X-матрицы, и Y-матрицы.

И Российская империя, и СССР были обществом, где X-матрица вызрела в наиболее чистом виде, представляя альтернативу жизнеустройству согласно Y-матрице. Стремление защитить свою матрицу при вторжении западного капитализма и было общей причиной русской революции (а затем и революций в других незападных странах).

При экспансии западного капитализма было много попыток изменить институциональные матрицы зависимых стран по западному образцу. Ни одна из этих попыток не удалась — слабые культуры погибали (с массовой гибелью или полным «угасанием» народов), сильные вели тайную или открытую борьбу под социалистическими или националистическими знаменами.

В 1991 г. в России была принята небывалая программа смены **всех** институциональных матриц страны, от детских садов до энергетики и армии. Если пробежать мысленно все стороны

жизнеустройства, то увидим, что реформаторы пытались переделать *все* системы, которые сложились в России и СССР, по западным образцам. Это — важнейшая сторона экономической реформы в России, она и расколола народ.

Реформа отвергает матрицы России, несущие национальную традицию, совершенно осознанно. Вот рассуждения теоретика реформы В. Найшуля: «Проблема, которая до сих пор не решена, — это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи... То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой».

Насчет «голового места» — полная чушь. Нет в России никаких «голых мест», и нет места, где у Гайдара с Чубайсом «получилось» что-то хорошее. Но главное, один из авторов доктрины признает «неспособность связать реформы с традициями России».

Так на что же мы надеемся? Уничтожение традиций России и означает, в конце концов, рассыпание русского народа.

Положение трудное, маховик реформ набрал обороты, сунь в него руку — оторвет. Наше спасение в том, чтобы стихийное и беспорядочное сопротивление этому маховику заменить планомерными действиями. Для этого нужно понять, где можно отступить и уступить, а какие из систем российского жизнеустройства надо защищать или выводить из-под удара реформы через компромиссы или хитрость.

Надо мысленно пройти по всем главным матрицам и взвесить их значение для сохранения той центральной матрицы, на которой собран наш народ.

Вспомним главные постулаты реформирования России

Мы говорили, что реформа стала попыткой сменить все институциональные матрицы России, что привело к глубокой

культурной травме народа и длительному кризису. Для залечивания этой травмы и выхода из кризиса полезно вспомнить и спокойно обсудить те доктрины, которыми в 90-е годы правящее меньшинство обосновывало благотворность конкретных изменений. Ведь если дело пошло не так, как обещали реформаторы, то надо вбитые нам в мозги идеи и доводы выковыривать и обдумывать проблему заново. Ошибочные убеждения из кризиса вылезти не позволят и воссоединить народ не дадут.

Едва ли не главным *институциональным* изменением в нашей жизни стало превращение в товар земли сельскохозяйственного назначения — введение частной собственности на такую землю и разрешение ее купли-продажи. До этого земля в России находилась или в феодальной собственности помещиков (то есть была наделом, данным дворянину на кормление) или в собственности крестьянской общины (она давала наделы своим членам). В советское время земля была национализирована и в основном передана колхозам в пользование (думали, что вечное).

Такого рода кардинальное изменение, последствия которого мы и представить себе не могли в 90-е годы и не можем еще сегодня, конечно, требовало обширного и гласного обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя, доводы реформаторов были очень скудными. Но власть их была тотальной, народ ошарашен приватизацией промышленности и внезапным обеднением — смены земельных отношений почти не заметили. Значит, надо задуматься хотя бы сейчас.

Скудные доводы за куплю-продажу земли сводились к двум предсказаниям:

— Если землю разделить на паи, то сильные хозяева ее купят у слабых и ленивых, и в России возникнет, как на Западе, класс фермеров, которые будут вести очень эффективное хозяйство и накормят народ.

— Если фермер будет иметь землю в частной собственности, то он сможет заложить ее в банке и получить кредит, на который купит машины, скот, компьютер — и все прочее, чтобы вести очень эффективное хозяйство и т.д.

Других доводов не было, искать по документам, книгам и речам бесполезно. Что же мы имеем сегодня? О том, насколько эффективным оказалось хозяйство наших фермеров, надо говорить особо. Посмотрим сначала, как пошла купля-продажа земли, как оправдалось первое предвидение авторов реформы.

Самый длительный эксперимент по продаже земли был проведен в Саратовской области. Аяцков добился такого права еще в середине 90-х годов. Казалось бы, итоги его должны быть подведены и изучены. Здесь-то и следовало бы взять пример с реформы Столыпина, в ходе которой двумя независимыми организациями велся непрерывный мониторинг рынка земли, социальных характеристик продавцов и покупателей, способ и эффективность использования купленных участков. Данные регулярно публиковались.

Напротив, о результатах уже более чем десятилетнего опыта Саратовской области практически ничего не известно. Есть отрывочные данные. Они поразительны. Вот сообщение из области: за три года действия закона «О земле» проведено 332 земельных аукциона, на которых продано участков на сумму около 13 млн. рублей. За три года продать чернозема на полмиллиона долларов! Это олигарху средней руки недельку провести в борделях Куршевеля.

Саратовская область — зерновая. Ну и что там дала частная собственность? Заметных улучшений по сравнению с другими областями нет. Относительно трех «советских» пятилеток с 1976 по 1990 годы сбор зерна в области за пятилетки с 1991 по 2005 год снизился в той же пропорции, что и в других регионах. Но это не главное. Главное — частный капитал не покупает землю, чтобы вести хозяйство. Землю скупают спекулянты для теневой перепродажи иностранцам, о чем пишут открыто. Вот недавняя справка Минсельхоза: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду. Одновременно с этим, все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты».

Какова общая картина с куплей-продажей земли? Опубликован «Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации» (Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости. М., 2005). Здесь даны такие сведения: «Из 401 млн. га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн. га или более 30% от всех таких земель. Остальные 275 млн. га (около 70%) находятся в государственной и муниципальной собственности. Из 121 млн. га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн. га (93% от 121 млн. га) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн. га (24% от 113 млн. га) — это невостребованные земельные доли. В сельскохозяйственном производстве не используется более 30 млн. га пашни».

Реально, никто землю для производства хлеба не покупает, 93% земли граждан — полученные от колхозов пай, а у юридических лиц земли всего 5 млн. га, то есть чуть больше 1%. При этом разгром колхозов привел к сокращению посевных площадей на треть.

Какова же динамика рынка земли? Читаем в том же докладе: «Каждый год сельскохозяйственные предприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства в небольших размерах покупают государственную и муниципальную землю сельскохозяйственного назначения. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти земель вне населенных пунктов на площади свыше 8 тыс. га».

Каждый может посчитать, какую долю составят 8 тыс. га от 275 млн. га предложенной на рынок государственной земли — менее трехтысячной доли процента. Зачем покупают такие угодья? Чтобы за взятки перевести их в разряд земель под строительство, что и подтверждается в документе. И предприятия, и фермеры предпочитают не связываться с частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн. га — все-таки существенная величина).

Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за 17 лет реформ: институт *купли-продажи земли*, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубоко-го раскола в обществе, в России не действует. Значит, надо это

признать и договориться, каким образом не допустить скупки земли спекулянтами, за спиной которых маячит преступный международный капитал. Как пишут западные эксперты-криминалисты, земли России считаются самым надежным местом для отмывания денег.

Шаги Каменного гостя

В одной из маленьких трагедий Пушкина есть важный образ Каменного гостя. Конкретно сюжет в том, что Дон Гуан в насмешку пригласил на ужин надгробный памятник убитого им человека. И вот он слышит тяжелые шаги — приближается неотвратимое возмездие за его грехи и самонадеянность. Но дело не в Дон Гуане, в образе есть большой общий смысл. Нередко мы совершаем ошибки или творим зло — и не умеем задуматься, продолжаем самонадеянно отталкивать тех, кто предупреждает о неминуемой расплате. И вот вдалеке слышатся шаги...

В таком положении оказался русский народ. За последние 20 лет на нашей земле с нашего согласия творились дела, над которыми большинство не желало и не желает задуматься. Мы рады, что к нам из-за рубежа идут караваны платформ с новенькими иномарками, а туда утекает 3/4 нашей нефти. Жизнь налаживается! И никто не хочет слышать шагов Каменного гостя — тракторный парк сельского хозяйства России за 20 лет сократился с 1426 тыс. до 440 тыс. — более чем в три раза. И продолжает сокращаться в том же темпе, как при Ельцине — из огромных денег от нефти на тракторы не дали ничего. Иномаркам все рады, а шагов Каменного гостя не слышим.

Утрата тракторного парка России — один из множества сходных неумолимых процессов. Общая глухота к неумолимым шагам нашей судьбы — признак распада народного разума. Не прочистим уши, не протрем глаза — и самого народа не станет.

Вот прямая угроза для русских — **деиндустриализация**.

Почему это удар именно по русским как народу, национальной общности? Ведь в социальном плане все народы России несут урон от утраты такого огромного богатства, каким является промышленность страны. В этом надо разобраться, по-

тому что политики и СМИ старательно отводят нас именно от этого **антирусского** смысла деиндустриализации.

Хотим мы этого или не хотим, но за XX век образ жизни почти всего русского народа стал *индустриальным*, то есть присущим индустриальной цивилизации. Даже в деревне почти в каждой семье кто-то был механизатором. Машина с ее особой логикой и особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека. Русские стали ядром рабочего класса и инженерного корпуса СССР. На их плечи легла не только главная тяжесть индустриализации, но и технического развития страны. Создание и производство новой техники формировали тип мышления современных русских, вошли в центральную зону мировоззрения, которое сплавивало русских в народ. Русские по-особому организовали завод, вырастили свой особый культурный тип рабочего и инженера, особый технический стиль.

Разумеется, все народы СССР участвовали в индустриализации страны, но культура индустриализма в разной степени пропитала национальные культуры разных народов, с этим трудно спорить. И если в социальном плане осетины или якуты тоже страдают от вытеснения России из индустриальной цивилизации, то это не является столь же разрушительным для ядра их национальной культуры, как у русских. Русские как народ выброшены реформой из их *цивилизационной* ниши. Это разорвало множество связей между ними, которые были сотканы индустриальной культурой — ее языком, смыслами, образами, поэзией. А назад, в доиндустриальный образ жизни, большой народ вернуться не может.

Из него при таком отступлении могут лишь выделиться региональные «племена», которые будут пытаться освоить безмашинный уклад хозяйства и образ жизни. Но народ при такой архайзации сохраниться не может — это были бы общности с новой, совсем иной культурой, даже если бы номинально они носили звание русских. Утопия «возврата к истокам» в национальном масштабе нереализуема.

Какую часть русского народа деиндустриализация затронула непосредственно? В 1985 г. в РСФСР было 46,7 млн. **рабо-**

чих. В 2005 г. в промышленности, строительстве, транспорте и связи было 25 млн. **занятых**. Можно приблизительно считать, что за вычетом ИТР и управленцев осталось примерно 16 млн. рабочих. Россия утратила две трети своего рабочего класса. Число **промышленных** рабочих за годы реформы сократилось с 18,9 до 8,8 млн. Сокращение этого числа продолжается в том же темпе, а молодая смена готовится в ничтожных масштабах.

Мы здесь даже не говорим о том, что деклассирование является социальным бедствием и личной трагедией для миллионов людей. Это означает и глубокий регресс для тысяч малых городов, в которых остановлены заводы и фабрики. Ведь в России, в отличие от Запада, возникло понятие **градообразующее** предприятия. У нас действительно промышленность стала в Европейской части, на Урале и в Сибири центром жизнеустройства.

У нас пока что есть два десятка миллионов человек — носителей индустриальной, технологической культуры. Если бы удалось сменить курс реформ и остановить деиндустриализацию России, эти люди вместе с молодежью быстро восстановили бы то цивилизационное пространство, в котором русский народ снова собрался бы для продолжения своего пути — уже в постиндустриальное общество, на новом витке технологии.

В этом сейчас наш национальный проект.

Водопровод и здравый смысл

Мы говорили о том состоянии, в которое приведена техносфера (особенно ЖКХ) России как об угрозе образу жизни большинства народа. Этот образ жизни — часть материальной культуры, которая является одной из сил, связывающих людей в народ. Вытеснение какой-то части народа в трущобы отделяет ее от тела народа, ослабляет связи с ним.

Здесь взглянем на это с другой стороны. Любая угроза связывает людей в народ ее общим пониманием и переживанием. Если этого нет, значит, повреждена информационная система народа, доносящая до всех сигнал об угрозе, причем на таком языке, что всем понятен ее смысл. Если этот сигнал создает

ложный образ угрозы, то не может возникнуть тот низовой «каждодневный плебисцит», который необходим для поддержания связности народа.

В конце 80-х и в 90-х годах СМИ целенаправленно вели информационную войну против русского народа и многое сделали, чтобы нарушить его сплоченность, разрушить коллективную память и общий язык. Сейчас эта война не так остро, но продолжается — сознательно или по инерции. А может, квалификация журналистов так упала, что они не соображают, что пишут? В общем, СМИ сами стали источником повышенной опасности для связности народа. Так что надо почаще критически вникать в их сообщения.

Разберем один пример, относящийся к ЖКХ. Сюжет прошел в программе «Вести» и изложен на ее Интернет-сайте (vesti.ru/doc.html?id=170693, 22.03.2008 21:48). Вот его сокращенный текст:

«Ошибка оренбургских коммунальщиков. Жители Оренбурга запасаются снегом. Из магазинов исчезли ведра, тазы и пластиковые бутылки. Город остался без воды. Власти хотели починить водопровод, но втайне от всех, ночью — чтобы не вызвать ажиотаж. В результате, одну трубу починили, но лопнуло в другом месте.

В полумиллионном городе полностью отключено центральное водоснабжение. То, что водопроводные системы дышат на ладан, городские чиновники, конечно, знали. И даже предусмотрели работы, чтобы заменить полностью износившуюся задвижку в канализационном коллекторе. Но решили об этом никому не говорить — из грядущего отключения сделали большую тайну... Работы в итоге сделали, воду стали потихоньку подключать, ремонтники уже собрались разъезжать по домам. Но вот тут произошло то, что совсем не планировалось — труба лопнула в другом месте. И опять весь город без воды, и опять люди канистры в руки — и на колонку.

«Ни на что наша администрация не обращает внимания вообще, особенно на простой народ, думают только о себе», — считает жительница Оренбурга».

Итак, в городе произошла авария, телевидение сообщило факты, дало их трактовку, объявило виноватых и подтвердило приговор мнением «жительницы», которое представлено как глас народа.

Вникнем в это сообщение. В нем много простых, вульгарных странностей. «Жители запасаются снегом... Город остался без воды... Опять люди канистры в руки — и на колонку». Если с канистрой на колонку, то зачем запасаться снегом? Да и откуда в колонке вода, если «весь город без воды»? Ведь труба лопнула!

Согласно «Вестям», виноваты в беде коммунальщики — они совершили «ошибку». Какую? В чем ошибка? Читаем: они «заменяли полностью износившуюся задвижку». Что в этом ошибочного? «Но тут произошло то, что совсем не планировалось — труба лопнула в другом месте». А в чем здесь ошибка работников водоканала? В том, что они не планировали этой аварии? Как они должны были поступить?

Вообще-то, если перевести косноязычный репортаж на русский язык, речь идет об одной аварии — разрыве водопроводной трубы «в другом месте». Замена задвижки — это ремонт системы канализации, а не водопровода. Но для этой замены пришлось отключить водоснабжение. Затем, после завершения ремонта, вода была вновь подана в трубы. Но в одном наиболее изношенном месте гидравлический удар разорвал трубу. Это при том, что после вала аварий в 2002—2003 годах водопроводчики стали очень осторожно поднимать давление в трубах, чтобы максимально ослабить гидравлические удары.

Репортер издевается над тем, что, вскрывая канализационный коллектор, водоканал «из грядущего отключения сделал большую тайну». И правильно сделал! Потому что канализация работает не самотеком, а принудительно — сток перекачивается из коллекторов насосами. Чтобы вскрыть коллектор, надо остановить насосы, а для этого на короткое время прекратить использование канализации населением — иначе нечистоты хлынут в квартиры нижних этажей. Сделать это невозможно, если не прекратить подачу воды в квартиры *внезапно*. Иначе люди запасут воды и будут смывать унитазы.

Это элементарная вещь — но центральное телевидение обвиняет именно работников водоканала, направляет на

них возмущение обывателей. Прочтите реплику «жительницы Оренбурга». Если это не выдумка репортеров, то признак полного маразма. И это дают в эфир как пример мудрости!

Так кто же виноват? Все несут долю вины, потому что не желают знать реального положения дел. А оно таково. На конец 2006 года в России имелось 74,9 тыс. км канализационных сетей (кстати, это уже на 2 тыс. км меньше, чем в 2004 году!). Из них 24,4 тыс. км (32,5%) нуждаются в срочной замене. А заменили всего 0,4%. Чуть больше одной сотой от того, что требуется! Чья это «ошибка»? В результате число аварий канализации в России достигло в 2006 г. 40 тысяч. И будет расти дальше.

В Оренбургской области, как и в среднем по Российской Федерации, в 2006 г. тоже заменили 0,4% канализационной сети. «Жительница Оренбурга» должна поклониться работникам водоканала за то, что она еще имеет возможность сесть на свой белый унитаз, а не ездить по нужде на трамвае в степь. Коммунальщики России совершают подвиг, поддерживая работоспособность полуразрушенной системы. А щелкоперы с телевидения третируют их под аплодисменты «жительниц».

Теперь о водопроводе. Его протяженность в Российской Федерации на конец 2006 года была равна 334,3 тыс. км. Водопроводная сеть, нуждающаяся в замене, составляет 130,6 тыс. км (39%). А заменили в 2006 году 1,6% водопроводных труб. В результате число аварий водопровода составило в РФ 195,4 тыс. в год. В это же надо вникнуть! Деньги нам девать некуда... А каждая авария обходится в среднем в 10 раз дороже, чем плановая замена изношенной трубы.

Но здесь мы говорим о том, что телевидение является **недобросовестным информатором**. Оно уводит народ от реальной проблемы и подрывает здравый смысл, возлагая вину на тех, кто худо-бедно, но тянет лямку.

Школа — генетический аппарат народа

Один из фронтов противостояния в России — **школа**, «генетическая матрица» национальной культуры. Это в современном мире важнейший механизм передачи новым поколениям того главного, что накопила культура народа — его представ-

лений о мире и человеке, о добре и зле, а также навыков познания, мышления и объяснения. Все это вместе составляет центральную мировоззренческую матрицу, на которой люди собираются в *народ*. Разрушь эту матрицу (по чьей-то команде или по незнанию) — и народ рассыпается, как куча песка.

Поэтому школа — один из самых консервативных институтов общества. Для народа и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического аппарата» — одно из главных условий продолжения рода. Сейчас идет глухой спор о реформе российской школы — всех ее ступеней. Ясную позицию занимают только СПС и Яблоко — они требуют для России школу *западного* типа.

Реформа школы — часть *глобализации*. Смысл ее — перестройка мира в интересах временно набравшего силу Запада, демонтаж и ослабление всех незападных культур. Понятно, что в любой культуре встает вопрос об ответе на этот исторический вызов, вопрос о том, как сохранить свой культурный генотип — сохранить свои народы.

Вглянем в историю. Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря, ставила задачей «*воспитание личности*». Ее цель была — «наставить на путь», дать ученику целостное представление о мире, о Добре и зле. Эта школа была, как говорят, основана на «университетской» культуре и опиралась на систему *дисциплин* — областей «строного» знания, в совокупности дающих представление о Вселенной (универсуме) как целом.

В буржуазном западном обществе задачей школы стала «фабрикация» человеческой массы, которая заполняла, как рабочая сила, фабрики и конторы. Эта школа оторвалась от университета, передавала детям составленную из отрывочных знаний «мозаичную культуру».

Но помимо этой школы на Западе сохранилась небольшая школа университетского типа — для элиты. В ней воспитывались сильные личности — *хозяева*. Школа Запада стала «двойной», из «двух коридоров». Такая школьная система воспроизводит *классовое* общество.

Русская школа, которую мы помним в облике советской школы, сложилась в результате исканий и споров конца XIX

века. Тогда русская культура сопротивлялась «импорту» западного капитализма, она вырабатывала свой тип школы. Первый учительский съезд в 1918 г. утвердил главный выбор — **единая общеобразовательная** школа. Оба признака очень важны.

«Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе — «собственники» и «пролетарии». Это как две разные расы с разными типами культуры. Единая школа исходит из того, что есть единый «народ», дети которого равны как дети одной семьи. В единой школе они и воспитываются как *говорящие на языке одной культуры*. Реформаторы с начала 90-х годов поставили задачу сломать этот принцип **единой** школы. Их цель — разделить единую школу на два коридора — создать небольшую школу для элиты и большую — для фабрики массы.

Наша **общеобразовательная** школа, включая вечерние школы и ПТУ, строилась на базе университетской, а не «мозаичной», культуры и всем давала целостный, дисциплинарный свод знаний. Советская школа **вся** была школой для элиты — все дети в этом смысле были кандидатами в элиту. Конечно, другие условия еще довольно сильно различались, сельская школа по ресурсам была беднее столичной, но тип образования и культуры для всех был единым. ПТУ и вечерние школы не были иным «коридором». В них учились по тем же учебникам и тем же программам — по своему строению это было то же самое знание.

Советский корпус инженеров в большой мере создан из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Два Главных конструктора, два академика, руководители космической программы — Королев и Глушко — в юности окончили ПТУ. Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. Программа единой школы позволяла всем детям освоить *культурное ядро* своего народа.

Что дала России единая общеобразовательная школа? Не только позволила совершить скачок в развитии, стать мощной независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности, реализующей общую силу.

Сейчас эту школу хотят сломать, и тут уж каждый должен сделать свой выбор — помогать ее уничтожению или противодействовать ему. Раскол принципиальный, от выбора зависит единство или разделение народа.

Еще один корень России

Силы и средства, стягивающие людей в народ, ***развиваются***. Застой — гибель. Возникают новые системы, которые надо осваивать, если народ не желает быть стерт с лица земли (хотя бы в виде ассимиляции). Одной из таких систем с XVII века стала ***наука***.

Почему этот вопрос для нас важен? В нашем нынешнем сознании есть фальшивая нота — принижать науку как вид «чужебесия», пришедшего с Запада. Это установка гибельна уже потому, что весь мир техники, без которого уже не сможет прокормиться русский народ, вырос из науки. Грустно слышать от русского, что, мол, танк Т-34 или «катюша» — это хорошо, а всякие там Эйнштейны — бесовщина. Это значит, что в уме его «прервалась цепь времен». И танк, и «катюша» — желуди на дубе науки. Если корней не станет ценить наш разум, то с нами можно делать все, что захотят.

Антинаучная позиция — вовсе не православная, она плод «религиозного невежества», часто простодушного. Наше счастье как раз в том, что Православие, заложившее основы нашей культуры, не было темным. Оно никогда не воевало с наукой, как это было у католиков. Западная церковь, слишком занявшись земными делами, боролась с наукой как с конкурентом. У нас как-то лучше умели примирять духовное и земное. Потому и не возникало у нас магии и алхимии, но и не было нужды запрещать научные книги.

Наука зародилась на Западе. Но это неважно. Глупо считать — кто изобрел колесо, а кто приручил лошадь. Великие достижения быстро осваивались разумным человеком, а наука — одно из таких достижений. Укореняясь в других цивилизациях, западная наука становилась частью их культуры, не теряя при этом своего корня — научного метода. Русская наука питается соками родной культуры, и в то же время питает

культуру. Сегодня наша наука есть сила, «образующая народ». Лишившись ее, обув лапти и запалив лучину, мы бы перестали быть русскими. А с наукой мы останемся русскими даже в лаптях — если придется собирать по крохам на новые лаборатории и заводы.

Почему наша наука была не «чужебесием», а порождением нашей земли — как Пушкин, какие бы там капельки крови у него ни находили? Суть научного метода в том, что человек отделяет себя от мира. Он — субъект, исследователь, а мир — объект. Такое разделение давало ученому силу («свободу познания»). На Западе научный метод «победил культуру», и такое отношение к миру из науки перешло в мировоззрение. У нас так не случилось. Русские ученые, используя научный метод, продолжали видеть мир как *Космос* — дом, в который вселен и за который отвечает человек. Это очень важное отличие во взгляде на мироздание.

По-иному строила наша наука и образ человека. Дарвин взял из культуры «дикого капитализма» идею *борьбы за существование* (в мире людей!) и перенес в Природу. Потом возникла идеология *социал-дарвинизм* — как пишут на Западе, «особенно зверская форма оправдания социального порядка — под лозунгом *выживание наиболее способных*». В России дарвинизм был освоен как научная теория, но социал-дарвинизм был отвергнут, культура его не приняла.

Так что наука сама по себе вовсе не подрывает культуру и мораль, а взаимодействует с ними. Когда человек клянет науку, якобы разрушающую мораль и религию, он, сам того не желая, наносит удар по всей русской культуре — своим настроем. Но этот настрой помогает тем, кто сегодня без шума нашу науку уничтожает. Мы много говорим об упадке нашей промышленности, армии, флота. О науке вскользь: ах, мало финансируют. Да нет, устраниют с лица земли. А ведь возродить промышленность легче, чем науку. Это — вещь хрупкая и непонятная. Многие страны вкладывают огромные деньги, чтобы вырастить свою науку — не получается. Почему-то ни за какие деньги ее не купишь. В России наука расцвела замечательно. А может погибнуть. Будут потом строить новые лаборатории, давать зва-

ния академиком и нанимать лаборантов с хорошим окладом — а дух не вернется.

Некоторые делают упор на том, что наука была советской — мол, порождение ненавистного строя. Это плод незнания. Трудно назвать что-либо советское, в чем русский дух раскрылся бы так полно, как в науке (пожалуй, еще в армии). Здесь выросли семена, посеянные за двести лет до этого. Именно в XX веке сложился, что называется, *русский научный стиль* — необычный взгляд и подход, что с блеском проявился у Менделеева, Вернадского, Вавилова. В советское время он был воспринят массой рядовых ученых. Как жаль, что мы мало об этом знаем. Спросите студента: в чем суть русского стиля? Вряд ли ответит. А как же наши ученые, имея в сотни раз меньше средств, чем их американские коллеги, позволили обеспечить военный паритет с Западом? Ведь как-то надо это себе объяснить. Они боялись Сталина и потому оригинальные находки из них сыпались, как из рога изобилия? Так не бывает.

Сегодня мы должны болеть душой за нашу науку даже не ради приносимых ею благ, а потому, что она стала одним из жизненно необходимых духовных корней России.

Армия — собирательница народа

23 февраля справляли День защитника отечества, день армии. Хороший повод подумать. Армия — это не просто «силовая структура», это особая ипостась народа, который ее породил. В ней отражены его главные черты. Старики, пережившие войну, *чувствовали* свою армию, но плохо знали ее сущность, «это мы не проходили». Сейчас, когда цель военной реформы — изменение сущности прежней российской армии, ликвидация безграмотности стала срочной задачей. Что изменится в России, если заменить одну из ипостасей народа? Ведь это и будет главным результатом реформы.

Жизнь народа опирается на большие системы (промышленность, армия, школа, ЖКХ и пр.). Сложившись в зависимости от природной среды, культуры и наличных ресурсов, они становятся *матрицами*, на которых воспроизводится народ. Вместе эти матрицы «держат» страну. Складываясь *историче-*

ски, а не по учебнику, они обладают большой инерцией, так что замена их на другие, пусть даже в чем-то лучшие, может повести к тяжелым потерям.

В России за 300 лет сложился свой тип армии, отличный от западных армий с их традицией наемничества. Само слово «солдат» происходит от латинского «soldado», что значило «наймный за плату». В России же были воины, потом стрельцы, а уж потом наше войско модернизировали по европейским стандартам, переняли и термины. Но суть сохранилась, наши солдаты не были наемниками, а несли свой крест — или как рекруты из крестьянской общины, или набранные по всеобщей воинской повинности. Наша армия была успешна в *отечественных* войнах, наемная — в войнах колониальных и карательных.

Именно армия стала одним из главных творцов советского проекта. Вчерне он был высказан на сельских сходах в 1905—1907 гг., но большая армия 1-й Мировой войны (15 миллионов крестьян и рабочих), стала форумом, где проект был доработан. После Февраля солдаты стали главной силой, породившей и защитившей *Советы*.

Армия еще до 1917 г. сдвигалась к ценностям *общины*, отвергающей сословное разделение. Красная армия сразу стала неклассовой и несословной. Возникнув как армия простонародья, она и свое офицерство выращивала уже как народное, а не кастовое. Это была первая современная армия, не проникнутая кастовым сознанием. Перескочить от нее к западному типу будет трудно или вообще невозможно. Уже немыслимо русскому солдату назвать командира «господин». Даже Ельцин был вынужден говорить солдатам «товарищи».

После ликвидации СССР сразу начали реформировать армию, переделывать ее «культурный генотип». Строго говоря, профессиональный долг и дело совести реформаторов — четко и понятно объяснить, зачем они хотят преобразовать такой важный государственный институт и что они предполагают получить на выходе. Чтобы это объяснить, надо сказать, *зачем* нужна армия, какие функции в государстве и обществе она выполняет, сможет ли их выполнять новая армия, которую собираются создать. Ничего этого реформаторы не говорили и не говорят. Скажем мы сами.

На поверхности лежит очевидная функция армии — достижение с помощью военной силы политических целей государства. Но уже тут видно, что для разных целей нужны разные типы армии. Есть войны захватнические или карательные, а есть оборонительные и даже отечественные. Армии для таких войн создаются на разных мировоззренческих основаниях.

России и сейчас нужна армия «для отечественных войн» — но ее переделывают по типу наемной армии. Это объясняют якобы более высокой эффективностью наемной армии, хотя не называют критерия оценки. Ведь он зависит от целей армии. Одно дело — охранять народ, другое — интересы олигархов. Из конституции даже убрали слова, что защита Отечества — *священный* долг гражданина. Да, в философии есть такая формула: «не имеет святости то, что имеет цену».

Но едва ли не важнее другая роль армии — она «прорастает» в общество и является ее своеобразным скелетом. Таким образом, она собирает и скрепляет народ. Армия — один из главных механизмов нациестроительства. Можно сказать, что русское войско создало русский народ, а советский народ был создан Красной Армией.

Уже говорилось, какой важной силой является в собирании народа образ родной земли и ее священной границы. Охранять эту землю и стоять на страже границ — дело армии, и это именно священный долг. Образ родной земли связан с образом воина. Современная армия соединяет территорию в единую страну. В нее призывают юношей из всех уголков страны, ее солдаты также стоят во всех уголках, армия — особый поместный собор. Она представляет все «места» и все сословия.

Армия России *русоцентрична* — она соединяет молодых мужчин всех народов одним языком, одним уставом и укладом жизни, одним преданием и общими символами. В каждый период армия во многом формирует тот культурно-исторический тип, который «держит» страну и определяет характер цивилизации. Армия — продолжение школы. Школа учит быть человеком и гражданином своей страны детей, армия — юношей. Здесь они проходят инициацию, берут в руки оружие и становятся мужчинами. Армия — форум того «каждодневного плембисцита», который необходим для скрепления народа.

Армия издревле — выразительница идеи «общего дела». Дезертир — презренный изгой. В России армия всегда была носителем идеи «преображения мира», должна была воевать с «темной силой». Посмотрите на памятник Воину-освободителю в Берлине.

Народ должен ковать оружие для армии, и она участвует в создании ВПК, а он в России еще в царское время оказывался становым хребтом отечественной промышленности, а потом и науки.

Мы стоим перед угрозой такого преобразования российской армии, что она утратит способность выполнять все эти неявные, но очень важные функции. Поэтому и антиармейская кампания 80—90-х годов, и нынешние поползновения надо считать частью цивилизационной войны против России.

Конечно, без усиления профессиональной компоненты в современной армии не обойтись — ей приходится работать с высокой технологией, осваивать сложные специальности. Но нельзя допустить, чтобы при этом был сломан духовный тип российской армии. Может и кадровая армия, почти вся набранная по контракту, оставаться народной — если постараться.

Армия — один из стержней, скрепляющих народ. Если его выдернуть, посыпется очень многое.

Информационное пространство народа

Одним из главных типов связей, собирающих людей в народ, являются связи *информационные*. Людей связывают регулярные потоки информации, изложенной на родном языке, в близких для всех сограждан понятиях, касающейся близких всем проблем. Эти потоки образуют *информационное пространство* народа.

Народы и сложились из племен во многом благодаря тому, что государство организовало «сгустки» информационных связей. На площадях глашатаи сообщали о важных событиях и решениях, перед толпами людей на крыльцо выходили князья, бояре или сам царь, люди сообщая переживали страшное дело казни государственных преступников. Все это потом обсужда-

лось «в гуще народа», и участники обсуждения становились друг для друга «своими».

Еженедельно люди собирались в церкви, и служба становилась спланированным действием коллективным действием, в котором надо видеть и чрезвычайно насыщенный поток информации с множеством «языков» — словом, ритуальными жестами и одеяниями, ладаном и песнопениями, свечами и иконами.

В прошлом информация пропитывала жизнь народа в основном через устное слово. Собирались сельские сходы, по деревням ходили коробейники, странники и нищие, в толпе вещали юродивые. На ярмарке общались все сословия, крестьяне шли в города на отхожие промыслы, артели передвигались по стране.

Позже для сплочения народов и наций огромное значение приобрело *печатное слово*. Оно создало *матрицу* для формирования больших народов и гражданских наций — общенациональную *печать*. В силу своей величины такие народы, как русский, уже не могли быть соединены устной информацией через личные контакты. Их стали связывать потоки общей для всей территории информации благодаря появлению печати. Эта роль не утрачена печатью и при господстве телевидения. Телевидение действует скорее как фактор, изолирующий людей, а чтение печатного текста обладает способностью порождать мысленный диалог.

Центральная газета, одновременно дающая во все уголки страны важные для всех сообщения, порождала ощущение национальной общности и тем самым глубинное горизонтальное чувство товарищества. А это и есть сопричастность народу. Газета стала одной из систем, которые непосредственно *воспроизводят* народ. Организовать такую систему могло только государство с его почтовыми и транспортными ведомствами.

Уже в начале XX века доступ к национальному информационному пространству стал не только социальным, но и политическим вопросом. Разделение этого пространства вело и к разделению народа, что переживалось очень остро. Дело тут не в гражданских правах — народ «болеет» из-за разрыва соединяющих этническую общность связей. Вот, например, что было сказано в принятом 31 июля 1905 г. приговоре Прямухинского

волостного схода Новоторжского уезда Тверской губ.: «Мы лишены права открыто говорить о своих нуждах, мы не можем читать правдивое слово о нуждах народа. Не желая дольше быть безгласными рабами, мы требуем: свободы слова, печати, собраний».

В советское время десяток «центральных» газет одновременно задавал всему населению общую «повестку дня», понятный язык и канву для осмысления реальности. Эта функция советской печати страдала рядом недостатков, но факт, что все ее читатели *соединялись* полученной информацией.

В ходе реформы система советской печати была ликвидирована таким образом, что сразу была подавлена ее соединяющая функция. «Центральные» газеты перестали существовать. Появилось множество газет, в совокупности создающих хаос и подрывающих общие культурные устои. Но даже и такое печатное слово перестало достигать большинства граждан. В 1990 г. 1 тысяча жителей РСФСР ежедневно получала 700 экземпляров газет, а сейчас в Российской Федерации 117—120, то есть в 6 раз меньше. Народ резко разделен на две части — меньшинство, читающее газеты, и большинство, газет не читающее. Информационное пространство народа, покрываемое печатным словом, разорвано. Это — важное разделение, мы *расходимся* на два разных народа.

То же самое происходит в других частях бывшего советского народа. Например, в Грузии охват населения газетами сократился в 137 раз! После разрушения СССР грузинский народ переместился в совершенно иную информационную среду. В 2000 г. на 1 тыс. населения Грузии приходилось 5 экземпляров ежедневного тиража газет. В советское время плотность информационных связей грузин через *печатное слово* была как у развитой современной нации, а теперь приобрела тип, характерный для *племен*, обитающего в самых слаборазвитых районах мира. Грузинский народ теперь разделяется на региональные и родоплеменные этнические общности.

В Российской Федерации положение лучше, но радоваться нечему. Регресс в типе информационного пространства большинства идет быстро, и связность русских и других народов России ослабевает.

Народ и праздники

Важной силой, соединяющей людей в народ или нацию, являются праздники и памятные даты. Это вехи в нашей общей истории, в эти дни мы регулярно и по установленному ритуалу одновременно вспоминаем и переживаем великие события и нашего народа, и вселенского уровня, и потустороннего мира — как они были восприняты нашими предками. В этих общих воспоминаниях и переживаниях всегда есть ощущение святости события, его влияния на судьбу множества поколений народа.

Изменение перечня священных дат и событий, которые мы должны сообща поминать, — вещь ответственная. И исключение какого-то события из календаря особых дат, и введение в календарь нового праздника вызывают в обществе напряженность и конфликты. Нередко они приводят к расколам, разрывающим народ на враждебные группы. В 90-е годы эти изменения стали инструментом целенаправленного расчленения народа России и стравливания разных его частей. От тех лет мы получили в наследство действующий механизм подрыва национального сознания, и теперь его надо нейтрализовать.

Были изменены и перечень праздников, а для ряда их и названия, и статус (рабочий или нерабочий день), и ритуал проведения. Самое глубокое воздействие на общество оказали исключение годовщины Октябрьской революции и введение, как праздника высшего ранга, Дня независимости России. Оба эти шага Ельцина с точки зрения интересов государства и народа были фундаментальной ошибкой — если не сознательной антироссийской акцией.

Поговорим о втором шаге. С XVI века по 1991 г. большинство жителей России и подавляющее большинство русских понимали и ощущали Россию как державу, вобравшую в себя множество народов и ставшую империей. Уничтожение этой империи (в форме СССР) было, без сомнения, великой катастрофой мирового масштаба и тяжелейшей травмой для большинства граждан исторической России. Если бы наши предки могли видеть нас с небес, это было бы и для них страшным горем.

И вот, вводится государственный праздник ликвидации исторической России и «освобождения» ее половины от украинцев и белорусов, от казахов и абхазов. Независимость! Выходит, все эти народы нас угнетали, а с приходом Ельцина и его беловежских сообщников мы стали от них независимы и должны ежегодно это помянуть как праздник. Это — дикое надругательство над здравым смыслом, совестью и народной памятью. Нас заставляют праздновать, вспоминая черное событие в нашей национальной истории. В этом есть большая доля сатанизма.

В мире есть влиятельные силы, которые с середины XIX века ненавидели Россию как империю и считали своей задачей ее расчленение. Иногда им удавалось организовать свою «пятую колонну» и внутри России. Альянсом этих внешних и внутренних сил Российская империя была расчленена после Февраля 1917 г., но вновь собрана в виде СССР. Второй раз этому же альянсу удалось расчленить нашу империю в 1991 г. Кто же мог искренне праздновать это событие? Ничтожное меньшинство, которое и было «пятой колонной» в геополитическом столкновении.

Сейчас, изживая последствия ельцинизма, власть переименовала День независимости России в День России. Это смягчило издевательство, но не исчерпало конфликт. Ведь «корень» события, которое мы обязаны праздновать, его смысл не изменились. Мы же отмечаем не историческую ошибку приведения Ельцина к власти. Привязать День России именно к 12 июня — это отказ от исторической России. И те, кто праздновал гибель Империи, это прекрасно понимают и старательно подчеркивают.

Еще недавно в этот день через улицы протягивали транспаранты: «России — 10 лет». Да, они мечтают пресечь корень тысячелетней России, так и пусть празднуют этот день в своих русофобских сектах, пьют и пляшут за заборами в своих коттеджах. При демократии это можно позволить, но нельзя же учреждать праздник государственный. В этом году 12 июня компания Билайн разослала всем клиентам поздравление: «С Днем рождения, страна!» Ясно, что этот праздник остается инструментом разрушения исторической памяти, а значит, и национального сознания.

Мы переживаем длительный кризис, нефтедоллары лишь смягчают травму. Это — вторая большая Смута, преодоление ее требует времени, но и постоянных усилий. То, что стали вспоминать день 4 ноября 1612 г. как завершение той Смуты — верный шаг. Но нельзя же одновременно праздновать 12 июня — символическое начало нынешней Смуты. Это все равно, что праздновать день коронации Лжедмитрия в Кремле. Смута порождает абсурд, но нельзя ему потакать, это вещь заразная.

СОХРАНЕНИЕ НАРОДА

Одним из губительных дефектов нашего сознания стала убежденность, будто народ, когда-то возникнув (по воле Бога или под влиянием космических сил, пассионарного толчка и др.), не может пропасть. Это представление ложно. Народ, в отличие от биологических популяций живых существ, возник не в ходе естественной эволюции. Это творение культуры, причем недавнее, требующее для своего существования уже сложной общественной организации. Когда, например, возник русский народ? Совсем недавно — за XIV—XVI века. А ведь уже до этого у восточных славян была своя государственность, общая религия и развитая культура. Но чтобы собрать их в народ, требовалось создать еще множество особых связей между людьми — так, чтобы большая общность, расселенная на обширной территории, почувствовала себя огромной семьей. Мы — русские. Но ведь эти связи можно и порвать!

Жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это — особый труд, требующий ума, памяти, навыков и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа, иссякает и утрачивается. Народ жив, пока все его части — власти, воины, поэты и обыватели — непрерывно трудятся ради его сохранения. Одни охраняют границы «родной земли», другие возделывают землю, не давая ей одичать, третьи не дают разрастись опухоли преступности. Все вместе берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран народ, его хозяйство, тип человеческих отношений. Кто-то должен строго следить за «национальными символами» — не позволять, чтобы недалекие политики озорничали около них, меняя то праздники, то Знамя Победы.

Эту работу надо вести как постоянное созидание национальных связей между людьми. Но созидание и сохранение — задачи все же во многом разные. Здесь таится опасность ошибки. Возникает иллюзия, что каждодневное применение тех самых инструментов, при помощи которых был собран народ, гарантирует и его сохранение. На деле это не так, в чем мы могли не раз убедиться. И окружающий мир, и сам народ непрерывно изменяются. Значит должны меняться и инструменты, и навыки.

Сохранение народа или обеспечение безопасности всех систем, связывающих людей в народ, есть процесс динамичный. Это не сохранение чего-то данного, это постоянное воспроизводство всех этих систем в меняющихся условиях. Драма советского народа в конце XX века произошла потому, что государство и общество укрепляли привычные, уже существующие структуры безопасности, недооценивая возникающие угрозы нового типа.

В конце XX века в России возникли условия, в которых сохранение русского народа под вопросом. Опасность исчезнуть с лица земли уже не является метафорой. Однако изучение всех тех ударов, которые наносились по всей системе связей народа, показывает, что в перестройке и реформе сознательно велся демонтаж русского народа как хозяина великого богатства.

В ходе ее выполнения эта задача неизбежно переросла в программу уничтожения всех вообще этнических и межэтнических связей народов СССР и главного скрепляющего их ядра — русского народа. Обойтись без этого реформаторам и их геополитическим союзникам было невозможно.

Из этого и надо исходить, вырабатывая программу сохранения народа. Словами и деньгами тут не обойдешься, нужна большая система конкретных действий. И первым делом надо перечислить главные механизмы воспроизводства русского народа, по которым наносятся удары.

Нужна «карта» боевых действий противника. Без нее не построить оборону, под прикрытием которой можно вести восстановительную работу.

Народ: бытие и сознание

Мир можно представить себе как арену противоборствующих сил. Идет война Хаоса и Порядка, Богов и Титанов, Добра и Зла, Пролетариата и Буржуазии — и так далее. Для каждого взгляда можно выбрать два борющихся Начала, обобщенные образы противостоящих коалиций. Это — диалектика, метод плодотворный, хотя и таящий много подводных камней, на которые легко напороться. Но когда мы переживаем кризис и находимся в клубке противоречий, всегда полезно взглянуть на мир таким взглядом, составить в уме карту главных фронтов и расстановку главных сил.

Нам надо взглянуть на мир как на борьбу двух сил — сил *созидания* русского народа и сил его *разделения*. Это война, которая идет во времени и пространстве. Во времени — с момента рождения народа до конца Света (если до этого момента продержимся как народ), а в пространстве — мировом. Везде есть люди, помогающие нам собраться с силой, и люди, желающие расчленения русского народа (как и расчленения России — земли, которая его породила и дает ему силу). Кто-то скажет, что мыслить в таких образах — бесполезная патетика. Немножко есть, но патетика тут просто для краткости. За ней стоит дееспособная модель, организующая наше сознание — очень полезный инструмент.

Наша задача — научиться быстро и почти автоматически оценивать события, действия, слова и идеи с точки зрения именно этой «борьбы противоположностей». Кому они в данный момент помогают — силам созидания или разделения? Не всегда можно сразу дать ответ, но сам вопрос заставит задуматься и взять этот кусочек реальности под наблюдение. Сложность в том, что все силы, действия и слова переплетены, результат их надо предвидеть в развитии.

Вот, например, старое правило: «чтобы объединиться, надо размежеваться». В нем очень большой смысл. Система эффективна, если соединенные в ней части различны, не сливаются друг с другом. Армия сильна, если она разделена на рода

войск. Наземные войска, авиация и флот размежеваны, но благодаря этому могут быть соединены в мощную систему.

Тем более надо размежеваться, если внутреннее несогласие назрело до такой степени, что диссидент готов стать врагом. Пусть он лучше выделится в свою фракцию и отмежуется от целого — не порывая с ним, но осознав риск разрыва и его последствия. Модель, конечно, не дает рецептов на каждый случай, но задает канву для выработки решения.

Если мы примем для наших рассуждений эту общую схему, то сможем двигаться от грубых «черно-белых» оценок к анализу более сложных и более реалистичных ситуаций, когда результат действий оказывается противоположен намерениям. Так бывает часто — благими намерениями вымощена дорога в ад. Например, когда усилия по объединению народа приводят к расколам и отщеплению частей народа. Бывают и ошибки противников, которые надо уметь использовать — когда действия, направленные на раскол народа, можно превратить в средство его сплочения.

Явления реальности действуют как силы созидания или силы разделения народа через *сознание* людей. Сами по себе ни протянутый тебе кусок хлеба, ни штык, упертый тебе в грудь, не сделают тебя более или менее русским. Это зависит от того, как ты осознаешь хлеб или штык, какой сигнал они тебе дадут. Эти материальные элементы действительности должны быть переработаны нашим сознанием, уложиться в такую систему наших мыслей и чувств, в которой они окажутся соединены с вопросом «быть или не быть русским». Для решения одинаково важны и частицы материального *бытия* (хлеб и штык), и *сознание*, в котором раскрывается их смысл. В нашей жизни *материя* и *дух* «одинаково первичны» и «одинаково вторичны».

Говорят: «*нация есть воображаемое сообщество*». В этом нет никакого принижения, поскольку для человека *воображенный* мир, создаваемый и изменяемый его духом, не менее реален, чем мир материальный. Для нас народ — подобие большой семьи, соединенной родственными связями. Но родственные связи у человека, созданные его сознанием, несравненно

сильнее биологического родства животных, закрепленного в инстинкте. Кошка выполнит свою записанную в инстинкте программу продолжения рода, и через пару месяцев котенок становится ей чужим. А человек будет всю жизнь искать своего сына или брата, которых, может быть, никогда не видел.

Это говорится к тому, что войны между силами созидания и силами разделения русского народа идут в двух мирах — в нашем материальном бытии и в нашем сознании. Оба мира связаны воедино, но оба различимы, надо думать об обоих — и порознь, и вместе. У каждого свои законы движения, для познания каждого — свои инструменты. Будем составлять «карты фронтов» для обоих пространств.

Сохранение народа и польза знания

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в момент кризиса своего народа высказал важную мысль: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано,— наивная иллюзия. История — это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить — значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озабочилось бы будущим нации».

Проблема в том, что для жизни народа требуется выполнять противоречивые, взаимно исключаящие условия. Сохранение народа достигается лишь при определенном соотношении устойчивости и подвижности. Мир меняется, иногда очень быстро. Народ, особенно большой, должен тоже изменяться, чтобы приспособиться к миру как среде обитания. В нем все время должны происходить нововведения и появляться группы, которые стали «иными», в чем-то «нерусскими». Застой — это деградация, такова участь всех сложных систем. Но изменение, отщепление «диссидентов», появление в народе «мозаики элементов», порождает опасности. Оно всегда сопряжено с неопределенностью — кто-то идет «не туда», кто-то в зоне хаоса

норовит поживиться за счет народа. Угрозы реальны, и мы их видим своими глазами.

Здесь требуются знание, здравый смысл и трезвый анализ реальности. Очень полезна наука. На материале изучения множества кризисов, пережитых народами, она выработала несколько общих правил. А главное, она указала те точки, которые надо держать под контролем и о которых надо думать. Главная польза науки вообще в том, что она предупреждает, чего не следует делать, если хочешь уцелеть.

Если мысленно выстроим весь ряд изменений, произведенных в жизни русского народа за последние 20 лет, то окажется, что в целом доктрина этих реформ грубо нарушала главные правила, выработанные наукой (антропологией и этнологией). С народом, сложной системой, правители государства и властители дум поступали все эти годы как полные невежды или вредители. Невеждам надо помочь научиться, вредителей надо уничтожать. Но чтобы различать их, надо еще учиться самим. Кризис наш таков, что нам надо «заниматься жизнью народа, как если бы это было нашей профессией».

Поговорим о противоречии между устойчивостью и подвижностью. История никакому народу не дает столь длительной стабильности, чтобы утряслась и пришла к гармонии вся мозаика его частей — они возникают и изменяются в результате потрясений. Старики сегодня так болезненно переживают Смуту потому, что им довелось прожить полжизни в ощущении единства своего народа. Это такая роскошь, которую трудно объяснить даже родным детям. Но то единство было достигнуто на подъеме и при сплочении в «военный лагерь». Более того, оно было результатом несчастья народа — череды войн и революций, которые «упростили мозаику». Какие-то группы эмигрировали, были повыбиты, спрятались. Сейчас те раны раскрылись, их нам еще расковыряли, новая «мозаика» полна внутренней вражды. Кризиса избежать вряд ли было можно, но такая глубокая травма неизбежной не была.

Каким же образом «реформаторы» повредили связности народа? Вот первый вывод науки: непосредственная опасность

гибели народа возникает вследствие избыточной подвижности, которая нередко наблюдается после периода застоя.

Это — чеканная формула антропологии. Она написана в книгах и учебниках. Для нас сейчас неважно, какими благими намерениями мостили дорогу перестройки и реформы Горбачев и Ельцин. Они нарушили эту формулу. Горбачев начал свою песню с того, что наш народ долго жил в условиях застоя. А в следующем куплете этой песни объявил перестройку путем слома. Наш народ поставили в условия такой избыточной подвижности, что возникла непосредственная опасность его гибели.

Это — в общем, как суть всей доктрины перестройки и реформы. О конкретных измененных блоках нашего жизнеустройства и темпах изменений поговорим отдельно.

Сохранение народа: традиция

Народы — это «сгустки» культуры, обладающие самобытностью. Люди изначально были вынуждены спланиваться под внешним воздействием. Видный антрополог писал: «Чтобы избежать этого разлагающего воздействия, каждая группа делает непрерывные усилия сохранить свое внутреннее сцепление, и в этом-то она и приобретает черты более или менее личные». Если равновесие нарушается и народ не может «переваривать» посторонние элементы, он «теряет свою индивидуальность и умирает», то есть утрачивает свою этническую обособленность.

Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию (рутину), создает угрозу для этноса. Вот вывод ученых: «Жизнеспособность этноса основывается на рутине, а диалог создает равновесие между рутинной и прогрессом: рутина это капитал, необходимый для жизнеспособности группы, а прогресс — вторжение инноваций для улучшения жизнеспособности».

Итак, чтобы выжить, народ должен сохранять свои традиции, а чтобы улучшить жизнь, должен перенимать у других народов новшества. Почему большинству народов внушает ужас глобализация под рукой США? Потому, что она сметает те защиты, которые национальная традиция выстраивает против втор-

жения новшеств. И поток новшеств будет односторонним, потому что свои защиты Запад успел укрепить. При этом соблазн действительно велик — жизнь будет улучшаться («будем ездить на иномарках»). Но вскоре окажется, что самой жизни у народа не будет, останутся лишь улучшения.

Иными словами, вместо народа останутся пережившие его индивиды, отобранные глобальным «отделом кадров» по его критериям. Как предсказывал антрополог Конрад Лоренц, будет проведен всемирный искусственный отбор, при котором отсеются люди с качествами, которые всегда казались самыми прекрасными — люди добрые, гордые, творческие и красивые. Нет сомнения, что русские при этой селекции будут стерты с лица земли, а земля их будет перепажана, чтобы следов не осталось.

Историю того, как племена и народы с древности искали равновесие между традицией и прогрессом, надежнее всего изучать по остаткам техники. Велико многообразие национальных особенностей в применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Совокупность технических приемов — это устойчивая (и изменяющаяся) часть культуры народа. Антрополог Леруа-Гуран составил около 40 тыс. описаний разных технологических процессов у народов всех частей света.

Эту целостную систему, соединяющую материальный и духовный миры, народ оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности». Есть «прогрессисты», которые видят в этом косность отсталых народов, а ученые видят в этом мудрость, необходимую для сохранения народа. Традиции хозяйства очень устойчивы, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII — начала XX в. на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по несколько лет жить в землянках, копя деньги на «дом», но не строили саманные мазанки, как местное население.

Но то же самое мы видим сегодня на переднем крае техники. Об этом писал и Леруа-Гуран: «Поразительно видеть, до

какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур».

Найти в каждый исторический момент равновесие между устойчивостью и обновлением — трудная и ответственная задача народа и его правителей. Нельзя сорваться ни в какую сторону! Застой ведет к кризису, но еще быстрее могут рассыпаться народ глупые «прогрессисты» с подсказки умных вредителей. Горбачев с Ельциным нас столкнули в пропасть, теперь вылезать приходится медленно и осторожно.

Сохранение народа и система потребностей

Разные стороны нашей жизни и разные вещи, которыми мы пользуемся, несут разную «национальную» нагрузку. Одни активно связывают нас в народ, другие в этом смысле нейтральны. Со временем нагрузка меняется. Цифры, изобретенные индусами («арабские»), приняты всем миром, стали безнациональными. Таблица умножения — тоже. А вот принять чужой язык — сильнейший удар по связям народа. Да и заменить автомат Калашникова на винтовку М-16 — вещь очень рискованная. Национальное оружие несет для народа большой символический смысл.

Баланс между традицией и обновлением очень важно соблюдать в системе потребностей. Почти все вещи, которые нас окружают, — плод культуры. Все они служат символами, в которых закодированы этнические смыслы. Потребности, то есть желание обладать какой-то вещью, являются явлением социальным, а не индивидуальным, они обусловлены культурно, а не биологически. Точнее сказать, биологические потребности составляют очень малую часть и даже «подавляются» культурой — большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

В любом обществе круг потребностей меняется, идет обмен вещами и идеями с другими народами. Это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Уравновешивают этот процесс разум и совесть лю-

дей, их исторический опыт, отложившийся в традиции. Но, как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки». И вот главный вывод: любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность этого особого национального производства от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим».

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Все попытки соблазнить китайцев западными товарами были безуспешны — от имени императора послов и купцов благодарили за подарки и хвалили эти «заманчивые штучки», но отвечали, что надобности в них у китайцев нет. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось — с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Как известно, «животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет».

Проблему потребностей глубоко изучал Маркс, создавая свою теорию революции. Из опыта буржуазных революций он сделал вывод: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей». Быстрое изменение системы потребностей (и материальных, и духовных) толкает общество к революционному изменению жизнеустройства, вплоть до самоотречения народа. Оно и порождает смуты как самые тяжелые кризисы.

Капитализм (рыночная экономика) — первая цивилизация, которая не может существовать без экспансии, как акула не может дышать, не двигаясь. Поэтому капитализм нуждается в непрерывном расширении и обновлении потребностей, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей и не-

насытной. У себя дома Запад создал тупиковую ветвь культуры — «общество потребления». Но для нас важнее, что он создал целую индустрию производства потребностей на экспорт. Доктрина была отработана в «опиумных войнах».

Потребности стали интенсивно экспортироваться Западом через разные механизмы (и кино, и авианосцы). Разные народы по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные. На «жигулях» ездить не можем, только на иномарках!

Поэтому так по-разному сложилась историческая судьба незападных народов. В культуре Китая, Индии и арабских народов были механизмы, защитившие их, пусть и с временными отступлениями, от импорта сфабрикованных на Западе потребностей, а в Океании и Африке — нет. И поэтому Китай нашел свой путь развития и уже обгоняет Запад, а Африка хиреет.

Сейчас выполняется большая программа по превращению и русских в чахнувших аборигенов. Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали наши культурные защиты. Эти защиты были обрушены в годы перестройки ударами идеологической машины. При этом новые потребности были восприняты не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении ресурсов для их удовлетворения. Это породило культурный кризис и распад солидарных связей. Монолит народа рассыпается на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаек.

Здесь — большая и очень трудная проблема для всех, кто стремится восстановить монолит русского народа.

Зачем русским объединяться в монолит

В прежние времена, с полвека назад, детям обязательно рассказывали сказку о том, как старик, умирая, давал сыновьям последний совет. Велел принести веник и сломать его. Не получалось — а разобрав на веточки, сломали без труда. Русским сегодня надо объединяться потому, что нас разобрали, как тот веник. Другое дело, что ломают нас в основном без треска. 12 миллионов умерли «неестественной» смертью, и почти никто из них не крикнул, даже хрипа почти не было слышно — кругом ведь музыка, ряженные пляшут. Вот веточка нашего народа — ее сломали.

А вот, возникло в России XXI века социальное «дно». Около 10,8 млн. человек — нищие (3,4 млн.), бездомные (3,3 млн.), беспризорные дети (2,8 млн.) и уличные проститутки (1,3 млн.). Такого «дна» мир не видывал — большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее. Сложился и слой «придонья», размеры которого оцениваются в 5% населения (7 млн. человек). Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди «испытывают панику». Этим тоже почти сломали.

Почему же русские так легко позволяют не то что угнетать, а просто убивать себя целыми большими кусками? Почему они как будто потеряли зрение и слух и даже не видят и не слышат, как тихонько стонут убиваемые? Ведь это ненормально, так никакой народ не выживет. Потому, что за время реформ русские утратили свое общее, надличностное зрение и слух. Каждый вроде как был, так и остался — видит и слышит, но как частица народа он ослеп и оглох. А если утрачены эти качества народа как целого, то нет и мнения народного. А значит, нет и силы. Режьте нас и стригите, люди добрые!

Почему у нас утрачены (ослаблены) эти качества? Почему малые народы так сильно сплотились? Во-первых потому, что русские уже четыре века служат ядром очень большой страны. В них сильно державное сознание, они как будто отвечают за государство в целом. Чувство государственности как-то вытес-

нило чувство «только своего» народа. И государство выполняло свою роль, связывало русских в народ своими методами — хотя и взваливало на русских тяжелую ношу.

Как только державное государство рухнуло, русские остались без рычагов. Опасности для себя в империи они не чувствовали и к нынешним временам оказались не готовы. А эти времена породили для русских такие угрозы, которые, как говорят врачи, несовместимы с жизнью организма. Речь идет о народном организме, потому что отдельные особи из русских могут благоденствовать, даже наблюдая за угасанием народа.

Вот для этого, в общем, и нужно русским объединение. Чтобы обрести силу — предотвратить наступающие на русский народ угрозы. А уж те угрозы, которые мы предотвратить не успеем, преодолеть с возможно меньшими потерями. Это можно сделать, обретя силу именно народную, а это сила особого рода. Сильных русских и сейчас немало — Шарапова в теннис всех побьет, Потанин миллиардами трясет. Но от сложения таких сил страна не поднимется, даже если Потанин будет каждый день давать нищим по тысяче рублей.

Народная сила возникнет лишь тогда, когда основная масса людей, считающих себя русскими, найдет понятный для всех таких людей язык и договорится между собой о главном. Именно о главном, о десятке вопросов нашей судьбы. О второстепенном пусть спорят наши горланы-главари до скончания века. Если же о главном русские договорятся и образуют свое мнение народное, пусть вслух и не высказанное, то маленькие и большие силы всех и каждого приобретут одно общее направление. В главном!

И эта сила будет неодолимой. Не надо будет даже кричать и размахивать руками. Эта сила окажет такое давление на власть, что государство снова станет инструментом в русских руках (хотя, конечно, и цари, и генсеки, и президенты всегда наивно думают, что они управляют этими руками).

Есть и другой способ объединения — не в народ, а в гражданское общество, в партии, которые грызутся между собой в парламенте. То есть, объединение частями, по интересам, как бы в большие фирмы.

Но так у русских пока не получается, а время уходит. Надо учиться, но уже видно, что без сборки нашего общества другими связями, — не классовыми, а народными — нам не обойтись.

Народ — это непрерывный диалог

Более века назад была высказана такая чеканная формула: «Нация — это каждодневный плебисцит». Это значит, что нацию образуют люди, которые постоянно ощущают свою ответственность за судьбу целого. Они не упускают из виду ничего важного, что может повлиять на жизнь страны, на благополучие их детей и внуков. По всем таким вопросам каждый член нации старается, по мере возможности, составить свое мнение и высказать его согражданам. Высказав свое мнение, он выслушает доводы других сограждан, уточнит свою позицию и в какой-то форме осуществит свое волеизъявление. Он не останется равнодушным, он примет участие в этом «каждодневном плебисците». Тем самым он каждый день примет участие в строительстве своей нации.

Формулу эту высказал француз (Эрнест Ренан), но мы ее вполне можем перевести на русский язык, заменив слово «нация» на слово «народ». В данном случае они равноценны.

Как должен действовать гражданин, каждодневно участвуя в строительстве своего народа, понятно. Но есть и другая сторона — как тут должен действовать народ как целое? Или, конкретнее, как должны действовать «отцы нации», управляющие государством? Ведь в последние три тысячи лет самым эффективным устройством, организующим жизнедеятельность народа, является государство.

Из формулы следует, что для существования нации (народа) необходимо, чтобы государство и его политическая система создали и поддерживали условия, в которых может происходить каждодневный плебисцит. Если таких условий нет и плебисцит подавлен, то отдельный гражданин ничего поделать не сможет. Он подергается туда-сюда, но каналы для диалога с согражданами перекрыты — и его гражданское чувство хиреет. Народ болеет, перестает воспроизводиться, рассыпается на группы, кла-

ны, секты. Внутри их какое-то время разговор еще теплится, но уже не в форме диалога — секты и кланы благоговейно внимают своим проповедникам, гуру, старейшинам. Плебисцитом тут не пахнет и народного мнения не вырабатывается.

Тут и таится важная причина нынешнего распада русского народа. Нас отвлекли шумихой перестройки и другими спектаклями, и мы не заметили, как у нас один за другим закупорили почти все каналы низового народного разговора. Остался «ящик», из которого вещают проповедники и гуру, но диалога с ящиком быть не может — он устроен как полупроводник. Тебе вещают, а ты обратно — нет. Ты только внимаешь. Ни вопроса задать, ни возразить не можешь.

Говорят, что при «авторитарном» или «тоталитарном» режимах русские никаких каналов для диалога не имели. Это вранье. И царская, и советская Россия были развитыми традиционными обществами со сложной системой форумов, доступных для всего населения. Эта система была устроена по-иному, чем в западных демократиях, но во многих отношениях была гораздо демократичнее. 85% населения царской России имели «каждодневный плебисцит» в виде сельского общинного схода. По своим качествам это был форум высшего класса. По городам работали разного типа артели — типичные форумы, которые перекрывались с сельскими сходами. У рабочих еще до революции на заводах сложились трудовые коллективы, устроенные по типу крестьянских общин. Наконец, в 1914 г. была собрана многомиллионная армия, которая на своем плебисците и решила судьбу России.

О советском времени и говорить нечего — буквально «каждодневный плебисцит», даже с большим избытком. От общих собраний разного типа и дворовых посиделок за домино — до каждодневных очередей, в которых перетирались все судьбоносные вопросы. Как ни подшучивали над Славой КПСС, это было постоянное представительное собрание 18 миллионов человек. Они выслушивали своих же собратьев — рабочих, колхозников, профессоров, — а потом и сами лезли на трибуну высказать свои резоны. Где все это сегодня? Даже распить поллитра втроем уже не собираемся. Пьем в одиночку!

Что же можно сделать «снизу», чтобы построить хотя бы системы-временки для срочного обсуждения между собой хоть небольшого перечня самых главных вопросов? Это — проблема, которая стоит в русской национальной повестке дня. Надо попытаться выяснить установки по этим вопросам разных политических сил — без карикатуры на оппонентов и без восхваления «своих».

Общность и общение

Цель этой книжки — помочь организовать тех, кто хочет внести свою лепту в объединение русских. Здесь скажем о частной проблеме — общении русских между собой и с другими, нерусскими.

Понятно, что общение является необходимым условием возникновения и существования любой общности. Семья, род, племя, народ, нация, человечество — все эти общности, от мала до велика, — существуют лишь в общении людей, которые их составляют. В спокойные времена мы этого почти не замечаем, как не замечаем воздуха, которым дышим. Но в моменты смут и кризисов, когда, по выражению Шекспира, «разлад в стране и все в разъединенье», возникает чрезвычайная задача: срочно наладить систему общения, которая бы соответствовала чрезвычайной обстановке. Система «мирного времени» не годится, не отвечает новым задачам и условиям. Чтобы объединять расколотые части народа, требуются особые способы общения, их надо создавать и им надо обучаться.

И создавать эти способы, и обучаться им мы должны сами — для этого никто не устроит нам лабораторий и школ. Чтобы расколоть и рассыпать наш народ — для этого имеются и научные центры, и финансирование, и куча всяких «неправительственных организаций». За их работой надо следить и извлекать из нее уроки. Надо знать, как разрушают и блокируют каналы нашего общения, как отравляют его воздух, как навязывают нам порочную логику и загоняют в ловушку наши рассуждения. Это — особая плоскость нашего разговора. Изучение оружия, тактики и стратегии «противника» — составляю-

щая часть каждого занятия, какой бы проблемы общения мы ни касались.

Разматывать наш клубок начнем с самой доступной ниточки, а там видно будет.

Обратим внимание на вещь очевидную — главное действие в общении — передача сообщений. Вдумаемся в само слово, оно говорит само за себя: со-общение. Вокруг этого и будет крутиться наш разговор. Как передаются сообщения? Как они принимаются и понимаются разными адресатами? Как они должны быть «упакованы», чтобы дошли до нужного места в нужное время и чтобы их не перехватили по дороге? Как вести информационную войну, перехватывая и «разряжая» сообщения противника? Эти вопросы приходится непрерывно решать любой человеческой общности с первых моментов возникновения человека разумного.

Тысячи лет накапливался и систематизировался опыт успеха и ошибок в решении этих вопросов, он откладывался в коллективной памяти, в преданиях, записывался в сказках и балладах, в трактатах и летописях. В последние два века эти вопросы стали предметом научных исследований, а за наукой, как известно, следует технология.

В принципе, одновременно с технологией научного знания в этой сфере должно было образование. Но так не получилось. Сильные мира сего постарались ограничить распространение этого знания, наложить на него гриф «для служебного пользования». Это понятно, потому что создание и передача сообщений есть главное средство господства. Поэтому при всех режимах между властью и народом идет борьба за свободу сообщений («свободу слова»). Иногда это борьба глухая, иногда шумная, очень часто — политический спектакль (борьба за «перedel собственности» на слово).

Здесь мы не будем разбирать политическую сторону этой проблемы, а будем говорить о доступных для нас, в нашей нынешней реальности, каналах передачи сообщений и о тех навыках этой деятельности, которые нужны для успешного решения конкретной задачи — объединения русского народа. Значит, речь будет идти о таких сообщениях, которые восста-

навливают и укрепляют связи, объединяющие людей в народ. Те, кто стремится преодолеть разделение народа и залечить раны, вступают друг с другом в общение с целью связать порванные нити национальной солидарности, а если не удастся, то создать новые.

Как идут потоки сообщений этого типа? Как и сообщения других типов — во времени и пространстве. Народ — общность долгоживущая. Многие виды связей, соединяющих людей в народ, требуют постоянного получения сообщений «из прошлого». И не только получения, но и распространения таких сообщений среди современников, а также отправки их «в будущее» — нашим детям и внукам (в виде устных рассказов, книг, песен, картин). Из прошлого, от предков мы получаем традиции, накопленное ими неявное, неписаное знание, опыт ошибок и достижений, как он преломился в сознании того времени.

В будущее мы посылаем эти сообщения, окрашенные нашими собственными мыслями и чувствами, горечью наших ошибок и радостью наших достижений. Так люди разных поколений связываются в народ «во времени».

Для нас это измерение в потоке сообщений очень важно потому, что в большой программе «демонтажа» русского народа одним из направлений главного удара как раз и был разрыв поколений.

Разрушалась коллективная память, причем на всех ее эшелонах — и краткосрочная (люди уже смутно помнят, что происходило в 1995 г.), и среднесрочная (многие уже верят, что «большевики свергли царя»), и долгосрочная на очень большую глубину (многие считают, что Русь испытала нашествие монголов-мусульман). Поскольку общая, в главных пунктах согласованная историческая память служит важным скрепляющим народ цементом, противодействие ее разрушению, разбор уже обрушенного и починка поврежденного — одна из задач объединительного движения. А значит, содержание какой-то части тех сообщений, которые оно должно создавать и распространять. Народ, у которого отняли память, превращается в «человеческую пыль».

Точно так же надо восстанавливать и расчищать те каналы, по которым шел поток сообщений тем поколениям русских, что идут нам на смену. Они будут жить в новой реальности, решать проблемы, которые нам еще неизвестны, но уже сейчас ясно, что в обозримый период человечество еще будет разделено на нации и народы, культуры и цивилизации, а значит, и на страны разного типа. Если наши потомки утратят свой национальный тип, потеряют русский взгляд на мир, свойства русского ума и русское художественное чувство — то есть, перестанут быть русскими, — то незаметно для себя они утратят и свою землю. В общем, исчезнут с лица земли как народ, растворятся.

Кое-кто не видит в этом ничего страшного или даже радуется такой перспективе — мол, еще один неправильный народ будет стерт с карты мира. Но для большинства русских такая перспектива нестерпима, и угрозу ее мы обязаны предотвращать. В данный момент надо наладить снабжение наших детей и внуков такими сообщениями, которые бы оживляли и укрепляли в их сознании и чувствах образ России, ее красоту и совесть, которые бы воспроизводили в них русские черты. Это — тоже большая задача, ведь для таких сообщений требуется в значительной мере новый язык, совместимый с тысячелетним ядром русского языка, но и снабженный новыми словами и образами, способными описать вихри враждебные, что веют над нами именно сегодня и еще не утихнут завтра.

И все же поле наших основных, срочных действий — общение в актуальном времени, между собой и с теми нашими современниками, которые своими действиями и побуждениями решают судьбу народа и страны. Ведь совершенно очевидно, что и народ, и страна находятся сегодня на распутье. Они колеблются, выбирая путь. И в этот момент неустойчивого равновесия нельзя отмалчиваться. Сейчас исход этих колебаний может решить небольшая сила, и пока что действуют силы слова, а не дубины. Но это слово надо уметь сказать — в обстановке, когда к фатальному выбору нас толкают целые армии квалифицированных краснобаев, снабженных радиостанциями, телекамерами и миллионными тиражами своих газет.

Общение и диалог

Нашему общению необходим диалог. Сила разговора определяется тем, что мышление людей диалогично. Человек даже про себя мыслит, как бы беседуя с самим собой, задавая вопросы и отвечая на них. Но когда разговаривают два человека, и они понимают друг друга, так что можно задать собеседнику вопрос, заставить его задуматься и потом ответить, то возникает система с кооперативным эффектом — вопросы и ответы порождают совместное творчество. Это — жизненная потребность человека, и он очень ценит возможность такого разговора.

Это видно даже по тактике телевидения и радио. В течение первых десяти лет перестройки и реформы они, используя присущие им мощные средства воздействия на сознание, вели передачи-монологи. Это были передачи «из центра» пассивным зрителям и слушателям, которые не имели возможности задать вопрос и вставить слово. Вскоре такие передачи стали раздражать аудиторию, они подавляли нормальный ход мышления. В ход пошли передачи, построенные как «ложный диалог» — в студию приглашались подобранные «оппоненты», которые вели дискуссию на темы, сформулированные ведущим и под его контролем. Еще через какое-то время телевидение и радио стали практиковать подключение к этим ложным диалогам и аудиторию, люди стали обращаться по телефону в студию с вопросами, участвовать в телефонном голосовании и т.д. Это приводит манипуляторов к издержкам (слушатели научились, когда удастся дозвониться по телефону, в двух-трех фразах высказать очень важные вещи, иногда приводящие ведущих радио «Эхо Москвы» в истерику). Однако им важнее удержать аудиторию, и эта практика продолжается.

Начиная с перестройки, манипуляторы нашим сознанием вторглись в пространство нашего низового разговора, вооруженные мощными информационными технологиями. Они навязали людям ложные понятия, рваную, ведущую в тупик логику. Тем самым они нарушили способность добиваться в ходе диалога этого кооперативного эффекта. Наше движение начи-

нает большую кампанию по очистке пространства народного разговора от наслоений и помех, запущенными в ходе программы манипуляции. Помогая друг другу, русские люди пройдут курс реабилитации.

Таким образом, первая задача — в разговоре с людьми надо добиваться создания обстановки диалога. Если аудитория не идет навстречу (из-за недоверия или других психологических барьеров), надо хотя бы свое собственное сообщение строить в форме диалога — задавать «риторические» вопросы и в ответ на них высказывать свое суждение. Только вопросы эти должны быть не надуманными, а именно теми, которые волнуют аудиторию.

Нередко в таком диалоге терпишь поражение — сталкиваешься с умелым противником, который забивает тебя своими доводами и логикой. Если спор происходит на людях, то такой противник часто будет использовать и запрещенные приемы спора. Когда диалог принимает характер состязания, то важны его зрелищные качества — темп, напор, удачное слово или жест. Нужна техника, она осваивается не сразу.

Поражение оставляет чувство горечи, но косвенный выигрыш важнее отдельной победы. Сейчас наша задача — не побеждать в каждом споре, а восстановить само пространство диалога, восстановить те связи, которые необходимы, чтобы снова люди почувствовали себя говорящими на одном языке и способными слушать друг друга и обдумывать услышанное.

Пространство общения

Каково же пространство тех сообщений, которые должны вырабатывать и передавать люди, близкие к русскому объединительному движению? В его социальном измерении это пространство можно грубо разделить на три части — *свои, колеблющиеся, чужие*. В каждой категории есть, конечно, более тонкие различия. Например, чужие делятся на «потенциально» своих и на убежденных противников. В национальном измерении пространство общения делится на пространство русских, нерусских и антирусских.

Наложение этих двух классификаций дает более детальную картину — например, вовсе не все русские — свои. Довольно многие из них вовсе не хотят объединения русских и считают для себя выгодным «сбросить балласт» — всю ту массу русских, которых они считают неприспособленными для жизни в энергетической державе, что они пытаются построить (если «Боливар не выдержит двоих», то Труба тем более не прокормит 140 миллионов ртов).

Наконец, в географическом измерении пространство нашего общения тоже будет неоднородно. Оно сразу делится на две части — Русский мир и иные. Граница между ними размыта — многие иные примыкают к Русскому миру, частично живут в нем и будут с нами общаться как русские (например, сотни тысяч выпускников советских и российских вузов почти по всему миру и их близкие). Но даже и в ядре Русского мира, среди тех, кто говорит и думает по-русски, пролегли географические и государственные границы. Одни живут в Российской Федерации, то есть ядре исторической России, другие в Латвии или на Украине, третьи стали гражданами США. Даже если они считают себя русскими, они составляют особые части русского народа, какие-то пучки их связей с целым разорваны. Это не может не сказаться на характере общения.

Большинство «атомов» нашего общения будет, конечно, двигаться в пространстве Российской Федерации. Если бы могли увидеть сверху «облака» этих «атомов», то представили бы себе карту потоков наших сообщений. На ней выделялись бы сгустки общения разных типов. Интенсивное личное общение происходит в непосредственной близости от человека — в семье, на работе, на рынке или в автобусе. Плотные контакты другого типа, но уже с использованием публичных информационных технологий, замыкаются в пределах «малой родины» — города, области, региона. С мыслями о делах всего народа и всей страны человек вовлекается в поток сообщений, который струится через всероссийскую информационную сеть, хотя в и этом потоке какое-то место занимают личные контакты.

Все это — самые грубые и формальные определения, но для начала полезно о них задуматься. Как часто встречаются, по воле случая, сообщения, которые по силе мысли и чувства,

по своим художественным достоинствам следовало бы донести до всего Русского мира, а они «упакованы» в брошюрку или книжечку стихов тиражом 500 экз., изданную в Вологде. Автор оказался не подключен к каналам широкого общения, и никто не помог распространить его текст. Самой задачи такой никто не ставил. Это ошибка, слово само себе дорогу не пробыет, ему надо помогать. Чтобы люди его подхватили или оставили в запасе, оно должно быть до них доведено.

Какой тип общения нам сейчас нужен в первую очередь? Мы можем описать только его главные черты, насыщать их деталями и красками придется каждому — в соответствии с личными знаниями, темпераментом, художественными наклонностями, а также в соответствии со свойствами аудитории, слушателей и собеседников.

Первым делом, говорим о непосредственном личном общении — о *разговоре*. Это главное средство общения людей. Можно сказать, именно членораздельный язык и создал человека. С его помощью можно было передавать окружающим и информацию, и чувства, что взрывообразно ускорило развитие мозга и сразу сделало «нарождающегося» человека общественным существом, обладающим совестью. Ни телевидение, ни компьютер, ни даже книга не могут сравниться с человеческим разговором по силе воздействия на сознание. Сообщения, принятые человеком с экрана или из газет, принимаются или отвергаются в ходе разговоров. Никакая революция или реформа не могли бы произойти, если бы у революционеров или реформаторов не было достаточного количества агентов, которые объяснили их необходимость и неизбежность массе людей в личных разговорах.

Перестройка, которая развалила Советский Союз и привела нас к национальному бедствию, готовилась на кухнях интеллигенции, в беседах у костра или за чаем в КБ, в рабочих курилках и в очередях. Миллиарды разговоров подготовили сотни миллионов людей к тому, что они аплодировали Горбачеву и чуть ли не целовали туфлю у Сахарова. Главные утверждения для этих разговоров, система доводов, художественное сопровождение (шутки, анекдоты, «страшилки») вырабатывались в течение тридцати лет в множестве «подпольных лабо-

раторий» — и на общественных началах, и за деньги. Большую роль сыграли и зарубежные научные центры, но они были бы бессильны без армии безымянных борцов с нашей «империей зла». Этот опыт очень важен, сработано было на славу.

У нас задача труднее. Во-первых, «ломать — не строить». Сотни людей три года строят мост, а взорвать его может один человек за полчаса. У нас взорвали народ, он рассыпался на множество осколков — нам снова его собирать, склеивать, что-то стягивать хотя бы временными связями. Нам неоткуда ждать помощи, учимся на ошибках. Наша родная интеллигенция в большинстве своем пока еще не опомнилась от контузии и увлечена либеральной утопией. А ее слово очень важно.

Но если начнем, то довольно скоро процесс станет самоускоряющимся. В России возникло общее ощущение — со смутой надо кончать. Этот запой подошел к своему естественному концу. Плешивые идола «перестройки и реформы» оказались пустыми, «пирамиды» рухнули, и людям требуется трезвый и жесткий разговор — на «языке родных осин», без идеологических химер и «общечеловеческих ценностей».

Дело бы сильно упростилось, если бы этот разговор смогла начать верховная государственная власть. Но видно, что она к этому не готова, и этот разговор приходится начинать снизу, и в какой-то момент она будет вынуждена в него втянуться. Без этого давления власть никогда на него не решится. Даже Лукашенко на него не смог бы решиться, не имей он прикрытия в виде России.

Диалог и национальная повестка дня

Важная задача, которая решается даже в проигранном споре, — задать «повестку дня». Мы должны возродить в людях уверенность в своем праве ставить на обсуждение те вопросы, которые они сами считают важными. Уже за время перестройки это право сумели у нас отобрать, политики с помощью СМИ стали жестко навязывать нам темы, которые нам следовало обсуждать. Всякие попытки гласно поставить под сомнение важность задаваемой нам «повестки дня» или переформулиро-

вать поставленную проблему, пресекались моментально и исключительно грубо — даже в отношении уважаемых людей.

То, что мы не сумели защитить свое право на постановку вопросов для обсуждения, было тяжелым поражением нашего народа. Само изъятие этого права как условие захвата реальной власти было важным открытием (его сделал в 1920-е годы американский специалист по пропаганде социолог Уолтер Липпман). Право создания «повестки дня» (agenda setting) заставляет людей принять такое представление о том, что важно и что неважно, что надо обсуждать, а что нет, которое может противоречить их интересам. Иными словами, реальные потребности, интересы, страдания людей просто исключаются из рассмотрения.

В 1989 г. был такой случай. Люди увидели, что перестройка заворачивает куда-то не туда. Вместо «Больше социальной справедливости» выходило совсем наоборот. В Верховном Совете СССР после очередной туманной речи Горбачева о благах демократии встал председатель Союза писателей СССР Юрий Бондарев и спросил: «Михаил Сергеевич! Вы подняли самолет в воздух, куда садиться-то будете? К чему нас должна вывести перестройка?» Вопрос разумный, задает его человек почтенный. Но вопрос не только замяли, но и приравнивали поступок Бондарева чуть ли не к фашизму. Он осмелился нарушить заданную Горбачевым и его кликой повестку дня и поставить реальный вопрос, который волновал всю страну. Если бы его попытка удалась, начался бы процесс, который сразу разрушил бы всю систему власти Горбачева.

Любая антинародная власть не допускает нарушения своей монополии на «повестку дня». Кровавое воскресенье 1905 г. потому и произошло, что рабочие с хоругвями пошли к царю, чтобы подать ему петицию с перечнем своих нужд. А петиции были запрещены законом. Закон этот понемногу стали нарушать — главы дворянских собраний и земств. Но когда такую же попытку сделали рабочие, правительство пошло на небывалую меру — и произошла катастрофа.

Нам не надо ходить с петициями — ни к Кремлю, ни к Абрамовичу. Мы должны научиться создавать нашу «повестку дня» внизу, в разговорах хотя бы с одним человеком, потом в

группе, потом в зале собрания. Если это сделаем умело, то и уличных митингов не понадобится. Вопросы, четко и одновременно поставленные большой массой людей, становятся большой политической силой.

Наконец, проигранный спор дает человеку такой опыт, какого не заменить никакими теоретическими занятиями. нам нужно тренироваться. И очень быстро мы начнем побеждать — потому что наши идеалы и интересы совпадают с идеалами и интересами подавляющего большинства русских людей. Отстаивая эти идеалы и интересы, мы будем делать шаг вперед, даже проигрывая спор — из-за нехватки знаний или нахальства. Нахальству учиться не будем, а знания помогут справиться и с наглецами.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Национализм и патриотизм

В проблеме объединения русских нельзя обойтись без применения понятий **нация, национализм, национальное государство и патриотизм**. Все они многозначны и расплывчаты, и каждый раз надо учитывать, о какой стороне этих понятий идет речь. Сделаем первый шаг в разграничении двух понятий — национализм и патриотизм.

Эти понятия в чем-то перекрываются, и потому иногда употребляются как равноценные, взаимозаменяемые. Это часто ведет к ошибке, поэтому делаем упор на различии.

Как уже говорилось, национализм — необходимый срез сознания любого народа. Без него народа просто не может быть, а имеются только племена. Тем более без национализма народы не могут собраться в нацию — для такой сборки требуется наличие общего набора главных представлений, разделяемых всеми, кто желает принадлежать к нации. Набор этих главных представлений и становится национализмом как государственной идеологией. Без нее не может создано и узаконено национальное государство как тип политической организации территории и жизни населения.

Именно усилиями этого национального государства население и превращается в нацию как общность *граждан*. Можно сказать, что национальное государство выработало качественно новую матрицу сборки народа, введя новое измерение для самоосознания людей — *гражданственность*. Говорят, что «национализм создает нации, а не нации — национализм».

Это — довольно новое явление в истории — такие государства стали складываться в момент Французской революции, и большую роль в этом сыграли идеи Просвещения. Как идеология национализм сложился в XVIII веке, но с тех пор показал

свою исключительно высокую эффективность в политике. Этничность, сопряженная в национализме с гражданством, сильно сплавливает людей и позволяет мобилизовать большие общности. Надо, впрочем, делать различие между *национализмом* и *принадлежностью к нации*: национализм относится к осознанным «активным» чувствам, а принадлежность к нации — ощущение, что ты «дома». Так что многие, «принадлежащие к нации», себя к националистам не отнесут, хотя они и лояльны к идеологии своего государства.

Патриотизм — также есть необходимая часть любой государственной идеологии. В чем же отличие от национализма? Как говорят, патриотизм утверждает *вертикальную* солидарность — приверженность личности к стране и государству. В этой приверженности нет акцента на ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность, даже столь широкую, как нация. Напротив, национализм активизирует чувство *горизонтального товарищества*, ощущения национального братства.

Патриот любит Россию, но при этом ему могут быть противны населяющие ее русские. Например, во время революции большей части дворянства и либеральной интеллигенции России было ненавистно русское простонародье, они просто зубами скрежетали от ненависти к подавляющему большинству народа (об этих чувствах эмиграции много писал Иван Солоневич). Эти патриоты России не были русскими националистами — они в тот момент были *русофобами*. В моменты кризисов политический порядок и тип государства могут быстро меняться, поэтому возникают патриотические движения, имеющие разные идеальные *образы России*.

И белые, и красные в Гражданской войне были патриотами — но «разных Россией». Но общего ощущения национального братства у них быть не могло. Поэтому обе воюющие стороны представляли себе противников как «иной народ». Идеологи белых считали большинство русских народом-богоотступником, а крестьяне считали помещиков и буржуазию «внутренним немцем». В таких трагедиях меньшинство, воюющее против большинства сограждан, более или менее отчетли-

во ощущает себя отщепенцами. Например, Керенский с горечью написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

Сегодня в России — подобный раскол. Идеологи команды Горбачева — Ельцина много лет пытаются убедить мир, что народ России оказался «негодным материалом» для их реформ. Их идеал — Россия, но населенная другим, хорошим народом. Они — патриоты созданной в их либеральном воображении «России», и этот ее образ можно вполне точно описать. Но они — непримиримые противники русских националистов, которые любят реальных русских людей, со всеми их недостатками, испытывают к ним чувство национального братства и «горизонтального товарищества». Между собой русские националисты могут ожесточенно спорить о лозунге «Россия для русских», но они будут вместе воевать против тех, кто пытается устроить «Россию без русских».

Россия — национальное или интернациональное государство?

Этот вопрос, который часто поднимается в СМИ и на политических собраниях, поставлен неверно. Как говорят, демагогически, чтобы затуманить суть дела. Берут два однокоренных слова — **национальный** и **интернациональный** — и рассуждают так, будто это понятия одного уровня. На деле это понятия разного уровня, соединять их союзом **или** нельзя.

В понятиях важно не сходство или различие слов, а тот смысл, который в них вкладывается. Смысл понятий — предмет соглашения, он вырабатывается в спорах и принимается авторитетным сообществом, почти голосованием. Конечно, всегда есть диссиденты, которые кричат: «А я понимаю этот термин совсем по-другому!» Это их личное дело. Можно им сочувствовать, интересоваться их оригинальным мнением, но при этом обязательно надо знать господствующую на данный момент трактовку.

Согласно этой трактовке, Россия и в конце XIX века в виде Российской империи, и до конца XX века в виде СССР, и теперь в виде Российской Федерации есть **полиэтническое национальное государство**. Если демагоги так уж настаивают, ска-

жем, что Россия — **интернациональное национальное государство**. Суть этого утверждения в том, что и в конце XIX века, и в советский период в России складывалась большая гражданская **нация**. Складывалась она вокруг русского народа как ядра этой нации, но была полиэтнической — включала много народов и народностей (этносов). Их у нас называли «национальностями», что и создавало некоторую путаницу (отсюда и слово интернациональный или, точнее, многонациональный).

Формирование в России большой гражданской нации было прервано глубокими кризисами — в начале и в конце XX века. Но в обоих случаях оно не прекращалось, а продолжалось в новых условиях. Менялись символы государственности, идеология, даже территория, но процесс снова набирал силу. Даже сегодня, когда историческая Россия претерпела самую глубокую трансформацию и ее нация прошла через этап очень опасного распада, основа ее не сломана — она «выздоровливает». В международных отношениях, где как раз и важно определение типа государственности, уже с Ивана Грозного считалось, что Россия — национальное государство.

В XX веке на Западе всех советских людей называли **русскими**. Этническая принадлежность там никого не интересовала (если, конечно, человека не вербовало ЦРУ). Когда кто-то пытался объяснить западным коллегам на каком-нибудь конгрессе, что такой-то докладчик из советской делегации не русский, а грузин, это их удивляло: «Причем здесь грузин, узбек? Они же из России, а их этничность — совсем другой вопрос, тут это не важно».

Является ли Россия в этом отношении чем-то необычным? Ни в коей мере. Вот США, здесь создана довольно сплоченная нация — вокруг сравнительно небольшого количественно ядра из белых протестантов англосаксонского происхождения. Но этнический состав этой нации очень пестрый и рыхлый. Согласно переписи 1990 года, только 5% граждан США считали себя в тот момент «просто американцами», остальные относили себя к 215 этническим группам. Случись там такой кризис, как в России, ядро не удержало бы нацию от распада. О Бразилии или Индии говорить нечего — здесь и коренное население представлено сотнями народностей.

Более того, за последние десятилетия и казавшиеся национально однородными страны Европы превращаются в полиэтнические — из-за интенсивных потоков миграции. Франция, Германия, Голландия стали типичными «многонациональными» национальными государствами.

Так что не надо нам мудрить и противопоставлять два неотъемлемых качества России. Она — национальное государство. Имперский характер российского государства этого не отменял и в досоветский период, поскольку части России не были колониями какой-то «метрополии» (США тоже являются империей и не стесняются это заявлять — но при этом представляют собой типичное национальное государство).

Но Россия в то же время — полиэтническое (многонациональное) государство. Отрицать это, подсчитывая процент русских, ошибочно. А во многих отношениях просто глупо. Если у вас большая семья и она занимает в коммунальной квартире три комнаты, а еще десять семей занимают комнатухи, то квартира не перестает быть коммунальной. В ней надо уметь жить. Сейчас в России одна из самых критических проблем — восстановление приемлемого типа межнационального общения. Тут всем надо не наломать дров, которых и так уже много наломано в 90-е годы.

Чем вызвана неприязнь к национализму?

Национализм как чувство принадлежности к своей нации и как идеология ее строительства совершенно необходим для народа (нации). Во многих случаях он бывает самым эффективным средством для защиты народом своих прав. Известно, правда, что использование национализма как политического оружия — искусство сложное, он легко выходит из-под контроля и тогда ставит под удар свой же народ. Но умение владеть оружием необходимо всегда, это не основание, чтобы бросать оружие.

Почему же с момента становления наций и зарождения национализма в Западной Европе русская культура испытывала неприязнь к этой идеологии? Достоевский противопоставлял ему «всечеловечность», с ним соглашались философы, особенно православные.

Сергий Булгаков писал в начале XX в.: «Национальное чувство нужно всегда держать в узде и никогда не отдаваться ему безраздельно. Идея избрания слишком легко вырождается в сознание особой привилегированности, между тем как она должна родить обостренное чувство ответственности и углублять требовательность к себе... Однако, идя далее и в этом направлении, мы наталкиваемся на своеобразную трудность. Дело в том, что национальность не только необходимо смирять в себе, но в то же время ее надо и защищать, ибо в этом мире все развивается в противоборстве. И насколько предосудителен национализм, настолько же обязателен патриотизм».

Но национализм настолько необходим для существования нации, что утверждение о его предосудительности и попытка заменить патриотизмом не имеют смысла. Можно осуждать лишь какие-то выверты национализма, как и любой другой формы сознания. В чем тут дело?

Есть две причины. Наша интеллигенция восприняла у немецкой философии романтическое представление о нациях, согласно которому они даны нам «свыше». Вл. Соловьев видел в нации воплощение воли Провидения, предначертавшего каждой части человечества свою миссию. Если так, то национализм есть вмешательство в дела Провидения и искажает смысл предначертания. Да и нечего беспокоиться о связности народа — не в силах грешных людей разрушить то, что скреплено высшей волей. Это же представление советская интеллигенция восприняла от Маркса, который почерпнул его у той же немецкой философии.

Вторая причина в том, что практика национализма на Западе вызвала у русских отвращение. Понятно, что создать нацию, то есть сделать память, мифы, культуру общими для всего населения, можно лишь ослабляя различия частей этого населения — ослабляя их этничность. Это не может быть «бесконфликтным» — «иных» надо преобразовывать в «своих». Национальное государство в Европе победило потому, что создало инструменты уничтожения или подавления других этносов (прежде всего, современную армию, печать и промышленный капитализм).

Англичане, собирая нацию, жестоко подавляли шотландцев. После разгрома восстания 1746 г. войска несколько месяцев без суда убивали любого шотландца-горца, которого им удавалось поймать. Всерьез обсуждалось предложение перебить всех женщин детородного возраста. Во Франции «сплавляли» не только много малых народов, но и два больших блока — северо- и южнофранцузского (провансальцев). Последние сопротивлялись триста лет, пока «железный кулак Конвента» не сделал их французами. А Наполеон заменил все этнические названия департаментов на географические — по названиям рек.

Россия же собирала и строила территорию и общее культурное ядро нации при *сохранении* этничности разных народов. Этот путь был очень сложен, но обладал огромными преимуществами. Когда Бисмарк собирал немецкую нацию «железом и кровью», Тютчев написал:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

В советском интернационализме, который продолжал ту же линию, ради упрощения само понятие национализма было выхолощено и приравнено к *национальному эгоизму*. Это было тяжелой деформацией обществоведения. Она лишила нас инструментов для понимания этнических процессов и отгородила от важного опыта других стран. Эту деформацию используют и сегодня идеологи из команды Горбачева — Ельцина для подавления русского гражданского национализма.

Предупреждения об опасности национализма надо иметь в виду, но возводить в закон нельзя. Принцип «Возлюбите врагов своих», на который упирал Вл. Соловьев, теряет смысл, если враг тебя уничтожает.

Запад как пробный камень для русских

Люди осознают себя как народ именно в сравнении с другими народами («иными»), которые оказывают наибольшее влияние на их судьбу. Начиная с XVI в. главными *иными* для рус-

ских стали народы Запада, в целом — Западная цивилизация. С Запада приходили теперь захватчики, представлявшие главные угрозы для существования России. К Западу же русские относились с напряженным вниманием, перенимая у них многие идеи, технологии и общественные институты. По поводу отношения к Западу в среде самих русских шел непрерывный диалог и возникали длительные конфликты, так что даже возникли два философских течения — западники и славянофилы.

Самосознание русских никогда не включало ненависть к Западу в качестве своего стержня. От такого комплекса русских уберегла история — во всех больших войнах с Западом русские отстаивали свою независимость, а в двух Отечественных войнах одержали великие победы. Это укрепило и русское ядро, и ту полиэтническую нацию, которая складывалась вокруг этого ядра в XIX и XX веках.

За исключением части интеллигенции, в сознании русских не было комплекса неполноценности по сравнению с Западом. Не слишком задумываясь об этом, русские считали себя самобытной цивилизацией. Их представления о Западе сложились за два века и отвечали мировоззренческой матрице русских. Да, многое есть у Запада, чем можно восхищаться, но есть и духовная пропасть, возникшая с отходом его от православного представления о человеке. И русские философы видели в этом именно трагедию Европы. Русский националист К.Н. Леонтьев, скорее западник, чем славянофил, высказал глубокую мысль: «И как мне хочется... воскликнуть не от лица всей России, но гораздо скромнее, прямо от моего лица и от лица немногих мне сочувствующих: «О, как мы ненавидим тебя, *современная* Европа, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!»

Таким образом, Запад и его наиболее «чистое» воплощение, США, были для русских важной системой координат, в которой они понимали сами себя. В 70-е годы эта система координат вступила в кризис, который возник в сознании наших западников. Сахаров, их духовный лидер, в холодной войне встал на сторону Запада против СССР категорически и открыто. В 1976 г. он заявил: «Западный мир несет на себе огромную от-

ветственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». Он завалил президентов США требованиями о введении санкций против СССР и даже о бойкоте Олимпийских игр в Москве в 1980 г. В 90-е годы демократы этим хвастались, теперь помалкивают, но надо же вспомнить начало большого раскола.

Каждому русскому пришлось делать свой моральный выбор в отношении Запада, например, в момент бомбардировок Сербии и Ирака. Здесь прошел водораздел, часть русских стала жить по принципу «Запад всегда прав». И дело тут не в политике, они душой потянулись к Западу.

Когда от нас потребовали принять Запад как идеал гуманизма, демократии и прав человека, это сразу нанесло большинству русских культурную травму. Рушились ориентиры нравственности и совести, критерии различения добра и зла. То, что люди считали у Запада для нас неприемлемым — без всяких фобий и комплексов — теперь от них требовали считать образцом для подражания. Вся конструкция национального самосознания рушилась — или это самосознание должно было «уйти в катакомбы», что подвергает большинство нормальных людей в тяжелый стресс.

Кризис национального сознания был вызван тем, что тот Новый мировой порядок, который США стали строить после 1990 г., был одобрен государством России. Этот порядок был противен совести нашего народа, и возник конфликт между этой совестью и государством, что подрывало роль государства как хранителя народа. Требуя принять Запад за образец для русских, идеологи Горбачева и Ельцина вели *демонтаж* народа, ибо переделать его мировоззрение они не могли, но подорвать его связность им было по силам.

Для нашего будущего важен тот факт, что не произошло слома тех главных устоев русской культуры, для которых проблемным камнем был Запад. В декабре 2006 г. Центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных выбрали ответ «Россия принадлежит особой («евразийской») или «православ-

но-славянской») цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились ответить 15%.

Теперь эти 70% русских должны «вернуть» в народ тех, кто слишком поддался соблазну Запада или пока что затрудняется найти свое место.

Какой национализм нужен русским

Это — одна из самых тяжелых тем. Тут надо говорить осторожно. Не поддаваться на провокации, слабонервных удалять. Здесь — центральный нерв народной жизни. С библейских времен отработаны способы растравлять этот нерв и раскалывать народы, «разделять и властвовать». Мы должны обсуждать разные варианты, как обсуждают план операции в штабе армии — там же не кричат о ненависти к фашизму и верности родной партии. Там думают: «Что будет, если?..»

Не будем спорить о терминах, возьмем их главный смысл. И сразу утвердим вещь очевидную: национализм — необходимый срез сознания любого народа. Без него народа просто не может быть, а только племена. Есть чеканная формула: «Национализм создает нации, а не нации — национализм». Поэтому крики «ах, русский национализм, русский национализм», — это напускная истерика, как у базарной хулиганки. Спокойно! Не впадать в такую же истерику самим.

Национализм — это особая точка зрения на все бытие, такой духовный аппарат, когда ты все видишь через призму судьбы своего народа, его прошлого и будущего, его интересов и идеалов, его достоинств и слабостей. Видишь с любовью и заботой, как к своей огромной родной семье. Когда большое число сограждан так же смотрят, народ собран и силен.

Как часть сознания, национализм подвержен «болезням», в том числе заразным. Были моменты, когда он был у нас здоров, был великой силой, спланировал народ для Отечественных войн. Но иногда воспалялся и заводил в тупик. Сто лет назад черносотенцы собрались для спасения монархии. В движение вошли видные деятели культуры и Церкви. Но не справились — движение это загнали в ловушку, прилепили ярлык антисемитов, повязали с погромщиками и морально уничтожили.

Противник оказался опытным и умелым. Русский национализм тогда возродился уже в обличье советского, и высшим его проявлением стал сталинизм, за что и ненавидят Сталина русофобы лютой ненавистью (ненавидит и часть патриотов, по другим причинам).

Наш национализм ослаб и заболел в 60-е годы. Это было время кризиса всего нашего мировоззрения — Россия из крестьянской страны превратилась в городскую, и это надо было переболеть. Такой возможности нам не дали, к болезни примешалась инфекция — влиятельная часть интеллигенция опять повернулась на Запад, прильнула ухом к «Голосу Америки» и впала в космополитизм. «Немытая Россия» опять стала ей ненавистна.

Советский национализм сумели демонтировать уже мастера из команды Горбачева — Яковлева, и первым делом в столичных городах РСФСР. Империю развалили второй раз за столетие. Было ясно, что сохранение уцелевшего ядра бывшей империи, теперь под именем Российской Федерации, возможно лишь при пробуждении национализма русского. Это было ясно и тем, кто стремился сохранить и восстановить Россию, и тем, кто стремился ее ликвидировать. Тут и возникла «горячая точка».

Основные идеи доктрины борьбы против русского национализма выявились уже в первый срок Ельцина. За последние десять лет она дорабатывалась, внедрялись новые технологии, готовились новые кадры. Это особая большая тема. Сейчас мы только определим главный вопрос для нас самих.

Уже в древности, когда складывались большие народы, возникли два конфликтующих национализма (точнее, «народнизма»). Один можно назвать объединительным. Он стягивал родственные племена в народы, а народы — в цивилизации. Так возникли, например, Китай и цивилизация Древней Греции. Другой национализм — племенной, этнический. Он растаскивал народы, побуждал к вражде с соседями, к замкнутости «своих». Так оно и идет поныне.

Какой национализм укреплять, а какой тормозить — вопрос политики. Сегодня антироссийские силы взяли курс не просто на удушение русского объединительного национализ-

ма, а на то, чтобы направить его энергию в коридор национализма племенного, разделяющего и народ России в целом, и каждый из наших народов в отдельности.

Кризис и болезни общества

Спустя год немного утихли страсти после тяжелых событий в Кондопоге. Проведено следствие, наказывают виновных администраторов, идут судебные разбирательства. Можно поговорить о сути дела. В момент общего возбуждения лучше не лезть, не подливать масла в огонь, в такие моменты надо решать срочные задачи.

Но теперь надо сказать и о задачах общих, долговременных. Ведь Кондопога — не первая и не последняя точка на том пути, куда нас толкнула реформа и развал СССР. И в каждой точке от всех нас зависит, по какому пути пойдут события дальше, отведем ли мы этот путь от пропасти или проложим его круче под уклон.

Не будем заострять внимание на деталях, они затемняют суть дела. Были или не были приезжие с Кавказа в Карелии «незаконными» мигрантами? Это формальность, не в ней дело. Кто начал драку в кафе «Чайка»? Это важно для следствия, но тоже не меняет сути дела. Ведь в советском стабильном обществе речь бы шла о драке со смертельным исходом между *гражданами*, о преступлении, которое совершили такие-то и такие-то *лица*. Теперь же речь идет о конфликте *межнациональном*, на митингах требуют выселения «*кавказцев*», то есть коллективного наказания по этническому признаку. Кафе «Чайка» подожгли не потому, что его хозяин сам совершил преступление, а потому, что это «кавказское» кафе, а «кавказцы» соединены круговой порукой.

Попытки представить такие случаи как бытовые конфликты или «криминальные разборки» успеха не имеют. Эти конфликты «окрашены» национальной неприязнью. Откуда она и куда нас ведет?

Главная социальная, массивная причина, которая прямо затронула более половины населения Российской Федерации,

порождена реформой. Она подорвала хозяйство страны и ту плановую систему, которая не допускала региональных социальных катастроф. Она сломала и ту административную систему, которая регулировала перемещение больших масс людей по территории страны, не допускала внезапного и неорганизованного межэтнического смешения. Известно и из науки, и из опыта, что такое смешение неизбежно ведет к конфликтам, это определено самой природой *этноса* как типа человеческой общности. Вторжение в пространство такой общности большой массы «*иных*», не успевающих (или не желающих) следовать нормам местной культуры, неизбежно вызывает кризис, всплеск национального чувства. Это прекрасно знали в царской России и в советское время, но это игнорировала власть реформаторов 90-х годов.

Эта власть создала такой кризис межнациональных отношений, который в самом благоприятном случае придется преодолевать не менее десятка лет. Это надо понять и в своих действиях стараться хотя бы не навредить.

Всего кризиса мы касаться не будем, он велик и сложен. Часть его состоит в том, что ряд регионов Российской Федерации погрузился в социальное бедствие, которое вытолкнуло оттуда массы людей в поисках заработка. Когда в нашей среде оказываются приезжие русские или похожие на них чуваша, этого почти не замечают. Появление общины с Кавказа, людей иного этнического типа, с иными культурными особенностями и стилем поведения, вызывает болезненную реакцию даже независимо от сопутствующих факторов — таких, как экономическая конкуренция с местными, преступная деятельность «чужого типа» и пр. Возникает общая почва для конфликтов, и достаточно искры, чтобы он вспыхнул.

Уподобив общество организму, надо вспомнить, что даже ткани одного организма, все одинаково родные и необходимые, не должны «неорганизованно» проникать друг в друга. Когда это происходит при травме, возникает воспаление, их взаимное отторжение, чреватое гибелью организма. Даже несильный удар, вызвав излияние из лопнувших сосудов ничтожного количества собственной крови в соседние ткани,

вызывает местную болезнь и ее видимое проявление — сияк. А реформа просто разорвала ткани страны, перекрутила ее сосуды и сухожилия. Мы сейчас тяжелобольная страна, и пытаться облегчить нашу боль, создавая образ врага из наших же регионов и частей нашего же большого народа — значит помогать dokonать Россию. Многие в этом заинтересованы, но не русские и не кавказцы, способные взглянуть чуть-чуть в будущее.

Вторжение «иных» сверх критической массы всегда вызывает болезненную реакцию. Но она многократно усиливается, если и местная общность переживает кризис. Когда в доме беда, не до посторонних, их присутствие ранит. Даже благодушных иностранных туристов не хочется видеть. А ведь из районов бедствия (особенно с Кавказа) приезжают люди в далеко не лучшем состоянии — настороженные, взвинченные, озлобленные страхом и, у большинства, зверской эксплуатацией со стороны своих же хозяев. Многие из них ушиблены той антирусской пропагандой, которой промывают им мозги уже двадцать лет. Такова наша реальная обстановка — горячий и взрывчатый материал с обеих сторон. И множество бесов прыгает наготове, с запалами и керосином.

Как же, в целом, ведут себя в этой обстановке наши люди, вышедшие из советского строя? Они проявляют такой уровень терпимости, разумности и достоинства, какой и не снился «цивилизованным» обществам Запада. Наши СМИ, которые раздувают миф о ксенофобии русских (а тем более преступный миф о «русском фашизме»), ведут сознательную информационную войну против России. Те интеллигенты и политики из кавказских республик, которые этот миф поддерживают, ведут войну против своих народов. Если бы русские восприняли хотя бы ничтожную долю расизма и той ненависти к «мигрантам», которые пылают в сознании западного среднего класса, Россия уже была бы взорвана и забрызгана кровью и малых народов, и самих русских.

Эту ценность, которой мы живы и только с которой сможем вылезти из этой ямы, надо лелеять. Пока что так думает большинство, и этот рубеж надо держать.

Что такое ксенофобия?

Для русского уха слово это звучит как-то зловеще. Изначальный же смысл скорее должен внушать сочувствие. По-гречески «ксенос» — чужой (отсюда «ксения» — гостеприимство); «фобия» — страх, причем тягостный, навязчивый. Ксенофобия — боязнь чужого. Но изначальноный смысл никого не интересует, прикрываться им нельзя. В настоящее время слово это приобрело определенно отрицательный смысл и означает неоправданную неприязнь или даже ненависть к чужим и даже шире — к «иным».

В широком смысле слова под иными могут понимать себя люди иных социальных групп или культур. Можно с натяжкой назвать ксенофобией неприязнь к панкам или интеллигентам («Ишь, нацепил очки и шляпу!»), но это будет тонко. Главное употребление слова — неприязнь к этнически иным людям, к «другой нации». Иногда эта нелюбовь ограничивается интеллектуальной сферой — человек не любит «иных», думает об этом, рассуждает, но ведет себя с ними корректно и может даже при случае встать на их защиту от хулиганов. Другое крайнее выражение ксенофобии — агрессивная активность, вплоть до нападений, избиений и даже убийств. Понятное дело, имеются в виду акты насилия, не вызванные личной враждой по какой-то конкретной причине.

Ксенофобия — понятие широкое, родовое. Иногда она сводится к расизму — враждебности к людям иных рас («цветным»), иногда к национализму — нелюбви к гражданам других наций, даже независимо от их расы или этнической принадлежности. Для нас в России самым актуальным в данный момент видом ксенофобии стала враждебность к тем нерусским меньшинствам, которые антропологически отличаются от русских. То есть отличаются внешними признаками — цветом кожи, формой лица. На шведа не обратят внимания, а к таджику или индусу могут пристать. По существу, еще более актуальным видом ксенофобии в некоторых регионах Российской Федерации стала русофобия. Но о ней пресса и правозащитники молчат, да и мы пока трогать не будем — об этом надо говорить особо.

Не будем идти на поводу у демагогов и возбуждать страсти — ни в ту ни в другую сторону. Упорядочим вопрос хладнокровно.

Здоровое отчуждение от «иных» совершенно необходимо для существования любой человеческой общности и даже личности. Каждый человек имеет свое «пространство» и должен защищать его от непрошенных вторжений чужих людей. Даже соборная личность, при ее крайней всечеловечности, не может «слиться» с другими — или она перестанет быть личностью. К такому слиянию (впрочем, только со своей нацией) стремились фашисты — потому и одели своих приверженцев в одинаковые рубашки («одна рубашка — одно тело»).

Очень важно охранять свои границы для семьи. Есть нормы гостеприимства и отношений с чужими, свои в каждой культуре. Они имеют четкий предел, за который «посторонним вход воспрещен». Если он не соблюдается, семья гибнет. Ксенофобия — страж этого предела. У нас проблема в том, что для нынешней российской элиты, которой служат СМИ и большинство интеллектуалов, ксенофобия русских является пороком и преступной склонностью, а ксенофобия, скажем, англичан заслуживает всяческого уважения. «Мой дом — моя крепость», — ах, какие мудрые пословицы у этих англичан! Как нам еще далеко до Европы!

Этническое самосознание любого народа возникает при делении людей на «мы» и «они». Здесь всегда есть примесь ксенофобии. Требовать ее полной ликвидации — значит запретить народу обладать собственной идентичностью. Это — враждебная демагогия, не надо на нее уши развешивать.

Сложным становится эта проблема, когда ксенофобия приобретает болезненный, агрессивный и организованный характер. Особенно когда она политизируется, то есть организация, собравшаяся на платформе ксенофобии («борьбы с чужими»), претендует на политическое влияние и делает программные заявления. Явно или слегка прикрито она выдвигает проект жизнеустройства, на который вынуждены соответственным образом реагировать те народы, группы и личности, которые становятся объектом этой ксенофобии. Этот проект может иметь разрушительные последствия для страны, причем не толь-

ко для жертв ксенофобии, но и для тех, от имени которых он выдвигается (как, например, проект «Россия — для русских!»). Значит, агрессивная ксенофобия какой-то части народа может его раскалывать и даже вести к гражданским войнам большей или меньше интенсивности. Это — исторический факт.

Россия сейчас находится в состоянии глубокого и длительного кризиса, который создает массу веских причин для ксенофобии разных типов и разной степени. Если ее умело направлять, да к тому же слегка финансировать, она становится мощным политическим инструментом для разрушения даже великих и культурных стран.

Об этом поговорим отдельно.

Исдержки ксенофобии

Исторически русская культура всегда удерживала ксенофобию на низком уровне — в отличие от Запада, где рано начали складываться национальные государства на основе сплочения «против иных». Русские отличались большой уживчивостью, что и позволило им быстро прирастать в численности и расселиться по очень большой территории (включая Аляску и Калифорнию). Очень показательно поведение русских в зонах межэтнических контактов — на тех окраинах, куда крестьяне убегали в «казаки». Казаки быстро осваивали местные способы ведения хозяйства, одежду и утварь, заводили тесные дружеские отношения, осваивали язык местных народов. У них не было тех барьеров, которые создает избыточная ксенофобия.

Так ксенофобия, которая наблюдается в среде русских сегодня, является не нормой, а признаком болезни общества — аномалией. Она вызвана общим длительным кризисом. Но даже эта кризисная ксенофобия не идет ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в периоды кризисов на Западе. Когда на Западе зарождалась рыночная экономика, разорявшая большие массы крестьян, ремесленников и даже дворян, возникла острая вражда к носителям «духа рынка», финансистам и торговцам. Поскольку основную массу их составляли евреи, эта вражда принимала форму юдофобии (ксенофобии по отношению к евреям). Это приводило к тотальному изгнанию евре-

ев из страны (как в Англии, Франции, многих областях Германии и Италии, позже в Испании в 1492 г.) и преследованию тех крещеных евреев, которых подозревали в тайном исповедовании иудаизма — при этом изгнанные бежали в основном в славянские страны. О кризисной ксенофобии в Германии 30-х годов и говорить нечего.

Иногда говорят, что присущая кризисам ксенофобия имеет чисто социальные основания и является лишь средством сплотить свою этническую общность для решения экономических проблем (конкуренции). Да, такой мотив имеется. Но дело в том, что момент становления ксенофобии как явления и ее дальнейшее развитие — разные вещи, как и в любом конфликте. Выпущенный из бутылки джинн ксенофобии начинает жить своей жизнью. В России начала XX в. на окраинах произошли погромы, первый — в Кишиневе в 1903 г. Он был вызван экономическими причинами — торговцы-молдаване не могли конкурировать с евреями. Но затем порожденная конкуренцией ксенофобия оформилась как идеологическая доктрина и стала фактором политики. Возник обобщенный образ врага, дающий людям простое объяснение кризиса и вызванных им бедствий.

Когда такое объяснение становится стереотипом и начинает действовать автоматически, логика бывает бессильна. Политические цели, ради которых создаются идеологические стереотипы ксенофобии, могут быть различны. Иногда свои националисты пытаются с их помощью сплотить свой народ, иногда, наоборот, ксенофобия нагнетается врагами этого народа, чтобы загнать его в ловушку, расколоть и сравить с соседями. Например, разжигание русофобии на Украине — явная большая операция психологической войны против самих украинцев.

Можно принять как общее правило, что ксенофобия, вышедшая за рамки необходимого охранительного различия «свой — чужой», работает на ослабление народа. Подверженное агрессивной ксенофобии меньшинство создает вокруг всего народа зону отчуждения или даже активной вражды — ответной ксенофобии. Ущерб от нее велик, как бы ни были малы враждебные этнические общности, с которыми приходится жить вместе. Тут ссылаться на численное преимущество глупо. В Ис-

паний у сепаратистов-басков действует всего около сотни боевиков, но 35 миллионов испанцев живут в постоянном стрессе.

Напротив, сознательное ослабление ксенофобии дает народу большие выгоды. Вьетнамцы, ведя тяжелую войну с колонизаторами-французами, договорились не допускать антифранцузской ксенофобии. Редкий случай, но этим они получили мощную поддержку во Франции. Поражало и то, что и позже они во время войны не допустили вспышки ксенофобии по отношению к американцам. Это помогло и в войне, и в создании в США большой вьетнамской диаспоры. Такое же решение приняли в борьбе против англичан индусы — и смогли подключиться к английской культуре, науке, языку. Другие народы в своей борьбе сделали ставку на ксенофобию — и многое потеряли.

В целом, проблему ксенофобии надо брать как часть более широкой проблемы национализма.

Что такое «этнократия»?

Этнократия — это власть, господство элиты какого-либо этноса (народа, нации) над другими народами страны.

Поначалу, в Древней Греции, слова *демократия* и *этнократия* означали одно и то же — власть народа, племени. Потом этнократия стала означать власть части народа, обладающего особыми этническими признаками, при ущемлении власти представителей иных этносов — племен, родов. Этнократия — всегда неравенство политических прав разных народов, привилегия одних и дискриминация других.

Этнократия может быть жесткой — вплоть до геноцида и этнических чисток или апартеида. Если не говорить об острых кризисах (как в Югославии или Бурунди), то примерами жесткой этнокра-тии были в разные периоды своей истории США, ЮАР, Германия, Англия, не говоря о колониальных империях.

Этнократия — один из видов авторитарной власти и в то же время идеология, которая может присутствовать в любом типе власти вообще. Признанные демократическими режимы нередко следуют принципам этнокра-тии. Политическая система Израиля относится к жестким этнокра-тиям, чуть помягче — Молдавия, Латвия и Эстония. И все же они этнокра-тичнее, чем

режимы республик Российской Федерации, которые называют этнократиями.

Для нас это понятие особенно важно потому, что на большей части России разрушение СССР привело не к демократии, а именно к этнократическим режимам. Права этнократии были даны местным элитам уже в годы перестройки как плата за участие в развале СССР («берите суверенитета, сколько проглотите»). Считается признанным фактом, что антисоветская реформа пожертвовала демократией, открыв путь этнократии.

Этнократия — это власть не народа, хотя бы «избранного», а этнической элиты, захватившей власть как бы от имени «своего» народа. Нигде и никогда она не зарождалась «снизу», ее целеустремленно создает элита, используя кризисное состояние общества, чувство национальной ущемленности «своего» этноса. Общая черта этнократий — идеология этнонационализма и идея этнической государственности («Тува — государство тувинцев» и пр.).

Чаще всего власть «своих» князьков и феодалов была тягостнее, чем власть Москвы, что способствовало собиранию земель. Русь очень рано преодолела состояние этнократии — в ней возобладал принцип «служения». Россия расцвела, сумев приглушить или подавить хищность этнократий.

Этнократия служит экономическим интересам элиты: так возникают лозунги, что нефть Татарстана — «достояние татарского народа», газ Ямала — «достояние ненцев». На деле богатства регионов сначала присваиваются местными князьками, а потом перепродаются «олигархам».

Этнократия, чтобы укрепиться, ведет к архаизации власти и управления, возрождает клановость, влияние родоплеменных общностей (тейпов, джузов и др.). Она манипулирует с языком. Так, в Туве государственным признан «язык коренного населения». В Татарстане чиновникам дают надбавку за знание языка «титულიной нации». Этнократия создает круговую поруку, заполняя выгодные должности людьми из «своего» народа. Так, в Адыгее, где адыги составляют 20% населения, они занимают 70% руководящих постов. В Татарстане до перестройки только 2% предприятий возглавлялись татарами, а конце 1990-х годов — 65%. Это ведет к упадку и хозяйства, и культуры.

Этнократия формирует противостояние народов, интересов этноса и личности, ищет не их компромисс, а усиление противоречий. Этнократические режимы заинтересованы в конфликтах и в поддержании напряженности. Ее нередко доводят до открытых форм противостояния — этнофобии. В Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии возникли очаги военных конфликтов населения этих областей с этнократическими властями тех республик, в которых они оказались после развала СССР.

Когда после хаоса 90-х годов наметилось восстановление государственности России, местные этнократии стали лавировать. Попустительствуя радикальным националистическим движениям, сами они обретают облик умеренной и сдерживающей силы, «выгодной» федеральному центру и «некоренному» населению «своих» территорий.

Этнократия опирается на этнический национализм и становится врагом формирования российской гражданской нации. Изживание этнократий гораздо сложнее, чем предотвращение их появления. Пока что мы являемся очевидцами явных признаков растущего этнократизма. Нам придется еще долго расхлебывать последствия антинациональной политики Горбачева — Ельцина.

Сложность проблемы в том, что в момент острого кризиса сдвиг к этнонационализму у многих происходит как акт отчаяния. Люди ищут поддержки, спасение от хаоса через сплочение близких людей, и самой понятной и доступной часто оказывается близость этническая. Она воспринимается как близость «по крови». Когда кажется, что страна катится в пропасть и не может защитить тебя, спасение видится в том, чтобы теснее собраться в этническую общность, пусть и небольшую.

В момент разложения, когда ослабевают или рвутся связи, раньше скреплявшие все народы в огромную нацию и страну, этнонационализм становится убежищем, в котором можно пережить бедствие. Это убежище находится на тупиковой ветви исторического пути, этнонационализм блокирует развитие, затрудняет сотрудничество народов и собирание их в мощную нацию. Но бывают ситуации, когда и такое убежище необходимо. Главное, не засиживаться в нем, не допускать архаизации, не принимать вынужденный выбор за идеал.

То же самое можно сказать и об этнократии. Она может выражаться в том, что титульный народ, сплоченный этнонационализмом сильнее, чем другие проживающие в республике этнические общности, берет на себя роль силы, организующей жизнеустройство, в котором все население сможет с меньшими потерями пройти через кризис и сохранить потенциал развития. То есть, этот титульный народ берет на себя державную ношу в масштабе региона. А может, наоборот, выражаться в том, что титульный народ получает привилегии за счет других этнических общностей. А иногда и начинает дискриминацию «инородцев», их оскорбление и угнетение. Под одним названием могут быть разные по сути режимы.

Так, в 90-е годы была попытка строительства новой нации, собранной из крупных собственников, созданных в ходе приватизации. Эту «нацию» называли «новыми русскими», хотя она, как и «золотой миллиард», была интернациональной. В ней сразу обнаружились черты архаической этнократии — в РФ была искусственно создана прослойка «олигархов» из числа «новых русских». При этом «старые русские» (не деле — большинство многонационального народа) были лишены огромной собственности и сбережений, дискриминированы в распределении доходов и в доступе к базовым социальным и гражданским благам. Российское государство 90-х годов — жесткая этнократия под властью «новых русских».

Этот социальный и политический режим неизбежно порождал и поощрял этнократические проекты в регионах. Поощрял потому, что они разрывали связи советского народа и лишали его возможности сплотиться для сопротивления катастрофе. А порождал потому, что в условиях катастрофы малые народы искали способ закрыться от этнократии «новых русских» и «золотого миллиарда», надсмотрщиками которого они становились в России. Этнократическое прикрытие стало чрезвычайной мерой защиты нерусских народов, а русские такой защиты создать себе не могли и уже не успеют. У них больше шансов спасти себя как народ через восстановление державы.

Но в перспективе любая этнократия грозит народу большой бедой, ибо это — архаический режим, толкающий народ на путь регресса вплоть до отката к племенному сознанию. Это

парализует импульс к развитию и разрывает связи сотрудничества с людьми «чужого племени». Такие общности могут жить лишь при мощной подпитке извне (как Израиль). В России это нереально.

Русские и фашизм

Одно из важнейших сегодня понятий в манипуляции сознанием — **фашизм**. В информационно-психологической войне против русских оно применяется на двух направлениях. Первое — миф о принципиальном сходстве советского государства с фашистским. Второе — миф о русском фашизме. Это две большие программы, рассмотрим их порознь. Но сначала о самом фашизме.

О нем надо говорить серьезно. Это явление огромное и загадочное — припадок Запада, нами плохо понятый. Призрак фашизма так и бродит по Европе, но теперь он в маске, в пиджаке и галстуке демократа — толкует о глобализации и расе избранных («золотом миллиарде»).

Идеологи глобализации искажают реальный образ фашизма, вычищают из него суть и заостряют внешние черты так, чтобы ярлык фашизма можно было прилепить к любому обществу, который не желает раскрыться Западу. Как только Россия попытается снова завладеть своими собственными ресурсами, ее станут шантажировать этим ярлыком. И на это мы не можем наплевать и забыть. Война идей и образов нам навязана, в ней надо хотя бы обороняться.

Ярлык фашизма — мощное оружие. Преступления немецкого нацизма оставили в памяти такой глубокий след, что слово «фашизм» стало очевидным и бесспорным обозначением абсолютного зла. Политического противника, которого удавалось связать с фашизмом, сразу очерняли в глазах общества настолько, что с ним уже можно было не считаться. Он уже не имел права ни на трибуну, ни на диалог. Он получал «черную метку».

Так, фашистом называли Саддама Хусейна, хотя для этого не было никаких оснований, кроме того, что он «кровавый мерзавец» и не давал установиться в Ираке демократии — а там все о ней только и мечтали. Ну и, конечно, нефть не давал

выкачивать. Но на Западе даже помыслить нельзя было, чтобы не то что Саддаму, а вообще любому иракцу дали выступить по телевидению или в газете. Фашист!

Идеологам, чтобы использовать ярлык фашизма, надо сохранять это понятие в расплывчатом виде. Если ярлык описан нечетко, его можно приклеить к кому угодно — если контролируешь СМИ. Поэтому не найти серьезного и доступного труда, который бы всесторонне осветил сущность фашизма. На знание о фашизме, этой позорной болезни Запада, наложен запрет, которого никто не осмелился нарушить. Когда спрашиваешь об этом на Западе, там отвечают, что не хотят «ворошить свое собственное дерьмо». Это ерунда. Всякого дерьма у них много, и они любят его поворошить. Но не фашизм!

Был у наших идеологов такой «прокол» лет десять назад. Тогда в Российской Федерации раскручивали психоз «русского фашизма» и хотели принять драконовский закон «об экстремизме». Кто-то сдуру надоумил Ельцина поручить Российской Академии наук дать внятное определение фашизма. Как академики ни бились, прилепить этот ярлык ни к какому русскому движению не удалось — и больше об этом поручении и о подготовленном Академией докладе ни разу не упоминалось.

В коротком тексте мы не можем описать все родовые признаки фашизма. Укажем главные. Берем формулы видных западных философов. Фашизм — это гипертрофированный либерализм, то есть либерализм, доведенный до логического завершения. Он во всей полноте выражает идею конкуренции. Предшественник фашизма Шпенглер говорил: «Человеку придает высший ранг то обстоятельство, что он — хищное животное». Но и как хищные звери люди не равны. Фашизм исходит из идеи *сверхчеловека* — «белокурой бестии», которая имеет право грабить другие, низшие народы («*недочеловеков*»)

Фашизм есть крайний расизм, для него человеческий род не един, а делится на высшие и низшие расы. Шпенглер писал: «Существуют народы, сильная раса которых сохранила свойства хищного зверя, народы господ-добытчиков, ведущие борьбу против себе подобных, народы, предоставляющие другим возможность вести борьбу с природой с тем, чтобы затем ограбить и подчинить их».

Фашизм — тоталитарный ответ на притягательный образ СССР, который считался «Востоком». Фашизм означал войну, цель которой была ограбить и уничтожить славян («низшую расу»). Философ В.Шубарт в книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока».

Все устои и смыслы русской культуры несовместимы с фашизмом. У русских — свой тип национализма или тоталитаризма, но ничего общего с фашизмом он не имеет. Миф о «русском фашизме» — идеологическая антирусская диверсия. По ней можно судить, «кто есть кто».

Почему невозможен русский фашизм

То вспыхивая, то затухая, разворачивается тема «русского фашизма». Это — большая операция психологической войны. Нам надо отбиваться как внутри страны, так и в мире. Относиться халатно к ярлыку фашиста и просто фыркать на «дураков», которые его нам приклеивают, не следует.

Для начала разберемся сами, почему фашизм не может быть русским.

И добро, и зло каждого народа вырастает из его культуры, его мировоззрения. Пробежав по главным родовым свойствам фашизма, мы увидим, что в русской культуре ему места нет, хотя иных видов зла и у нас хватает. В чем несовместимость?

Фашизм — не просто особый жестокий вид тоталитаризма, который нанес нам много ран. Это глубокая, даже трагическая болезнь всей западной цивилизации, которая не излечена и грозит проявиться в новых формах.

Фашизм был болезненным припадком *группового инстинкта*, подавленного в атомизированном человеке, который страдал от тоски одиночества. Это был припадок общества, как случаются болезни и припадки (например, эпилепсии) в отдельном человеке. Русский человек не испытывает этой тоски и не может страдать этой болезнью — потому что в России не произошло рассыпания народа на индивидов. В разных вариациях наше общество всегда было образовано из соборных личностей.

Солидарность фашизма внедрена с помощью идеологического гипноза в сознание человека, который уже много поколений осознает себя индивидом. Стремление плотно сбиться в рой одинаковых людей достигло в фашизме крайнего выражения — все надели одинаковые коричневые рубашки. Они были символом: *одна рубашка — одно тело*. Отсюда и название фашизм: по-латыни *fascis* значит *сноп*.

В России никто не звал к сплочению в рой, ибо для этого люди должны были бы сначала пройти до конца атомизацию, превратиться в индивидов. У нас не было болезненного приступа инстинкта группы, ибо он постоянно и незаметно удовлетворялся через полноту солидарных связей соборной личности. «Русскому тоталитаризму» не нужно было одной рубашки, чтобы выразить единство. Оно культурно унаследовано от множества поколений.

Фашизм вырос из идеи конкуренции и подавления друг друга — только перенес это с уровня индивида на уровень расы и народа. Русская культура стоит на идее любви и взаимопомощи людей и народов. Фашизм есть принцип разделения народов. Он «превратил борьбу классов в борьбу наций».

Русским для сплочения народа не нужно было факельных шествий, средства *фанатичной* спайки. Даже официальные советские праздники были *гуляньями*, дети ехали на отцовских шеях, при остановках колонны появлялась гармошка, под которую плясали старики. Нам были чужды пессимизм и «воля к смерти», присущие фашизму. Там режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние ритуалы, связанные со смертью и погребением. Молодежи внушили идею «преодолеть» смерть, самим став *служителями* Смерти. Так фашисты создали особый, небывалый тип армии — СС. Русское мироощущение *жизнерадостно*. Мы верили и верим в добро. С этим и эсэсовцам накостыляли.

Теперь о расизме. Нам говорят: кто бьет негров, тот расист, кто хвалит свой народ — националист. Это не так. Суть — во взглядах на человека. Русский хулиган может обругать негра. Но он обругает его как *человека*, как бы он его ни обзывал. Он не расист, а лишь выражает, в тупой и грубой форме, неприязнь к *иному*. Фашизм мыслит иначе.

Когда немцы в 1941 г. вторглись в СССР, наши поначалу кричали из окопов: «Немецкие рабочие, не стреляйте. Мы ваши братья по классу». Потом из оккупированных деревень стали доходить слухи, что немцы, не стесняясь, моются голыми и даже справляют нужду при русских женщинах. Не от невоспитанности, а потому, что не считают их вполне за людей. Фашист верит, что он — сверхчеловек, а другие — недочеловеки.

Фашизм означал соединение «избранного народа» — против низших рас, которым предназначалось рабство. Это и есть национал-социализм — для немцев социализм, а другие — «внешний пролетариат», работающий на немцев. Русские видели социализм как желанный образ жизни для всех людей на земле, как соединение всех во вселенское братство. Под этим — православное видение человека.

У русских фашизоидные черты проявляются лишь у отщепенцев, которые заразились болезнями Запада. Да и то они больше притворяются, пока это выгодно — относиться к большинству русских как к низшей расе. Эту дурь из них вытряхнем.

РУССКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Россия между молотом и наковальней

Мы собрались не для того, чтобы вести благодушный разговор о странах и народах — немного похвалить русских, немного поругать других, не забыв при этом напомнить, что нет плохих народов, что в каждом народе есть свои мерзавцы и праведники. Такой разговор — для благополучного момента. А сейчас мы переживаем бедствие, да к тому же плохо понимаем его корни.

В такие моменты людям нужно жесткое, холодное знание, как от разведки. И люди начинают искать корни явлений, ставить исходные вопросы. Прежде всего, вопросы о самих себе. Кто мы? Откуда? Куда мы идем?

Это — вопросы о пути, а не о виде транспорта. Сначала надо определить, куда двигаться, а не спорить о скорости и удобствах передвижения. От таких вопросов нас и стараются отвлечь. Нет у нас для них газет и телевидения, пойдем понизу.

Все мы знаем притчу об Илье Муромце. Пребывал он в параличе тридцать три года — без сил, без движения. Дали ему силу калики перехожие, и совершил он множество подвигов, защищая землю русскую. Понадобилось для этой защиты сверхусилие — и собрались силы.

Так ведь и сам русский народ возник. Тогда, на рубеже второго тысячелетия, одновременно «вышли из берегов» и Запад, и Восток. восточно-славянские племена оказались зажаты, как выразился Д.И. Менделеев, «между молотом Запада и наковальней Востока».

Участь западных славян была перед глазами. Хотя все они были христианами, их объявили язычниками и уничтожали «как жаб и червей». Православие объявили языческой ересью, и рыцари очищали землю от славян, следуя указаниям св. Ав-

густина — поступать с ними так же, как евреи с египтянами, то есть «обирать» их. Очистка Центра Европы от славян продолжалась четыре века — с кровавых походов Карла Великого.

Уцелеть восточные славяне могли только собравшись в большой народ. И только около такого большого народа могли сохраниться соседние народы поменьше. За последнюю тысячу лет именно так организовалось человечество. Сейчас имеется десяток больших народов, составляющих вместе примерно половину населения Земли, около 60 средних по величине народов (еще 30% населения), и множество малых народов. Кое-кто, правда, лелеет сегодня планы глобализации, в ходе которой всю эту систему упростят, собрав мировую элиту в одну новую расу («золотой миллиард»), а остальные будут в дымном загоне хлебать безнациональную баланду и смотреть голливудские фильмы. Но об этом особый разговор. Сейчас речь о том, что было толчком к собиранию русского народа.

Превращение Запада в империю нового типа, соединенную всепроникающей централизованной Римской церковью, сделало для славянских племен объединение в сильный народ вопросом жизни и смерти. С Востока же им угрожала Хазарская империя, тоже объединенная сильной религией, иудаизмом. Исторический вызов, угроза уничтожения в самом простом смысле слова — вот матрица, на которой началось стягивание наших предков в народ.

Нам говорят, что это — предание старины глубокой, что его надо забыть, подавить в себе эти комплексы. Это наивные речи (если искренние). В истоках каждого народа лежат предания. Время отбирает те из них, смыслы которых подтверждаются жизнью. Допустим, 30-томная «Всемирная история», по которой учатся студенты всего Запада, основана на преданиях. Предание — крестовые походы XII века против славян и разграбление крестоносцами Византии, предание — уничтожение рыцарями Альберта Медведя и Генриха Льва моравов и сербов. Но ведь это — их предания. Они в них верят и называют Наполеона, идущего на Россию, «воскресшим Карлом», а в 1942 г. пышно празднуют 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца». А наше предание — о том, как войско Александра

Невского утопило крестоносцев-тевтонов подо льдом Чудского озера. Не на Рейне, а под стенами русского Пскова.

Эти предания проверены жизнью и проверяются сегодня. Перед тем как бомбить сербов, западная пресса говорила о них в тех же терминах, что и аббаты крестоносцев. Это, мол, «жабы и червяки», которых НАТО должно насадить на свое высочоточное копье.

И приходится вспомнить о преданиях, потому что наш Илья Муромец что-то опять впадает в паралич. Но тридцать три года нам без него не протянуть.

Империя или национальное государство?

В явном виде или про себя русские люди ведут разговор о том, каков будет образ будущей России, когда она выйдет из нынешнего кризиса. Всем ясно, что мы сегодня на распутье. В нашей коллективной исторической памяти запечатлен образ России как *империи*, которая раскинулась на просторах Евразии. Даже когда русские оказались под игом монгольских завоевателей, они ощущали этот простор своим. Наши князья ездили в Каракорум к великому хану, русские полки были в гарнизоне Пекина. Огромные пространства были связаны сетью почтовых станций (ямов), и ямщики перевозили людей и письма с невиданной для Европы скоростью и надежностью.

Потом положение вывернулось, столицей стала Москва, татары пошли на службу в русскую конницу, землепроходцы и казаки дошли до Тихого океана и по пути ставили русские крепости. Потом они пошли дальше — на Аляску и в Калифорнию. Россия соединила воедино три цивилизации — лесную, земледельческую и степную.

Имперский тип государства, соединивший вокруг русского ядра большую «семью народов», казался нам единственно возможным. Когда империю разогнала Февральская революция, народы окраин везде принимали русскую Красную армию как свою — и не поддерживали «своих» националистов, снова собрались в империю, теперь под названием Советский Союз.

Но обе эти империи были устроены совсем иначе, чем другие, европейские империи. Те создавались по принципу «на-

циональное ядро (метрополия) — колонии». Колонии были заморскими территориями или зависимыми от метрополии землями с усеченными правами (как славянские провинции Австро-Венгрии). Россия — единственная империя, рожденная традицией сосуществования народов на евразийской равнине. Здесь все подданные имели равные базовые права, метрополия не эксплуатировала народы окраин. Скорее, «инородцы» имели привилегии, и волнения на национальной почве происходили оттого, что их пытались уравнивать в правах с русскими (например, обязать нести воинскую повинность).

В этом была уникальность России, из которой проистекала большая сила в одних обстоятельствах, но слабость в других. Имперская конструкция России была сложной и требовала постоянного внимания и скрупулезного управления. Русский народ стал одним из десятка больших народов мира благодаря империи — он «впитал» в себя часть людей из всех народов России. Они охотно «русели», тем более, что их к этому никто не принуждал, а в русской среде их принимали по-братски.

Русская культура и русское государство было открыто для всех — дворянство народов, входивших в состав России, становилось частью российского дворянства, так что половина потомственных дворян были из «инородцев». Русские полки водил грузин Багратион, а сын имама Шамиля, взятого в плен после долгой и тяжелой Кавказской войны, становился генералом российской армии.

Это — вовсе не военная хитрость и не обычная вещь. Когда в 70-е годы XIX века происходило присоединение к России Средней Азии, индийские наблюдатели писали, что в России какой-то генерал — мусульманин, а другой — армянин, и командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови».

Так русские создали империю *неколониального* типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Земли шли в общий котел, а народы принимались в общую семью. Это было выгодно и отвечало идеалам всех народов, кроме тех, кто считал себя частью Запада и тяго-

тился такой общинной жизнью (Финляндия, Польша, часть народов Прибалтики).

Но в холодной войне с Западом наша империя два раза понесла поражения. Сначала она была демонтирована либералами-западниками Керенского, но вновь собрана в ходе Гражданской войны советской властью. В самом конце XX века уже «советская империя» вновь была расчленена пришедшими к власти либералами-западниками из команды Горбачева — Ельцина.

Сейчас мы понемногу собираемся с мыслями и силами. И перед нами встает большой вопрос: на какой основе строить нашу новую государственность. Вопрос встает потому, что в некоторой части общества, в том числе среди русских, усилились антиимперские настроения. Людям хочется разойтись по национальным (этническим) квартирам и притаиться, пережить назревающий мировой кризис.

Вопрос стоит так: империя или развод на национальные государства. Надо выложить на стол все за и против каждого варианта, по возможности спокойно и честно объяснить.

Что такое «интеграция»

Интеграция дословно значит соединение, образование чего-то целого из частей. Еще древние греки говорили: «Целое больше суммы его частей». Это значит, целостная система означает нечто совершенно иное, нежели куча не связанных между собой «деталей». Целое, как говорили греки, имеет особую силу, «душу» — энтелехию. Живой человек или его расчлененный труп — вот разница между целым и суммой его частей.

Интеграция, создание целого, наполнение его жизнью и силой всегда считались великим творческим делом. Вот сказки: лежит убитый предателями богатырь, тело рассечено. Ворон приносит мертвую воду — тело срастается, окропили его живой водой — вернулась душа в тело, встал богатырь.

Историческую Россию, которую мы помним в образе СССР, убить не убили, но предательски расчленили. Жизнь теплится, но порознь куски России выжить, похоже, не смогут. Кого-то, может быть, заберут в Запад, они там прирастут к другому телу. Кто-то к другому телу не желает, а кого-то и не возьмут туда.

В нынешнем искалеченном состоянии страна долго не протянет, это состояние ненормальное, нестабильное. Неминуемо пойдет или интеграция, или дальнейший распад с новой пересборкой. Как бы ни злобствовали планировщики Нового мирового порядка, интеграция стоит в национальной повестке дня России.

Россия изначально собиралась иначе, чем страны Запада. Там пошли по пути ассимиляции — поглощения и «переваривания» небольших народов главным, «государствообразующим». Не все там удалось, но в целом возникли более или менее однородные нации — французы, немцы, англичане. Собрание России, напротив, было интеграцией — каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности и самобытности. Каждый народ, входя в Россию, придавал этому целому какое-то свое качество. Это труднее, чем ассимиляция, система получается гораздо сложнее. Но разнообразие — великая ценность и порождает свойства, незаменимые в трудные моменты.

Из больших народов русские выделяются замечательной способностью к интеграции, к уживчивости с другими и умением привлечь их к общему делу. Потому-то они и стали большим народом и освоили огромные просторы Евразии. Потому Россия и стала большой цивилизацией, по своей сложности и потенциалу сравнимой с Западом. Примем это как факт, о корнях надо говорить особо.

Можно говорить об объектах и пространстве интеграции. Для нас, например, актуальна экономическая интеграция некоторых постсоветских республик вместе с Российской Федерацией — в одно экономическое пространство. Идет работа и по интеграции вооруженных сил дружественных республик в объединенную систему безопасности. Интеграция есть, если соединение частей создает *систему*, качественно новую целостность. Иные проблемы встают при попытке Российской Федерации интегрироваться в энергетическую систему Запада, стать ее частью. Другое пространство, другая система, тут пытаются обмениваться акциями компаний, совместно владеть трубопроводами, делать наши поставки незаменимыми для Европы.

Для нас важно, что интеграция не достигается просто путем обмена — ты мне, я тебе. Между продавцом и покупате-

лем на рынке, конечно, возникает взаимодействие, но это связи слишком временные и слабые, рынок не соединяет части в целое. Интеграция — это всегда создание какого-то «общего котла», в который каждая часть вносит свою лепту. Например, семья в отличие от рынка — сильно интегрированная система. Здесь каждый ее участник делает свой вклад, и все они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, они качественно так различны, что выразить их в единообразной форме, например, денежной, трудно или невозможно.

Когда во время перестройки производили *дезинтеграцию* СССР, то есть расчленение системы на части, то напирала на экономическую выгоду или невыгоду. Это был подлог, и только тотальное господство клики Горбачева в СМИ не позволило вовремя его разоблачить. Потеряв целостность страны, мы утратили такие огромные выгоды (энтелехию), которые никакими деньгами не оценить.

Так же заинтересованные силы отводят нас от интеграции России и Белоруссии, напирая на то, что невыгодно продавать ей газ по заниженной цене, надо перейти на исключительно рыночный обмен.

Чтобы понять смысл интеграции, поговорим о дезинтеграции.

Что такое дезинтеграция

Это процесс, противоположный интеграции — разделение целостной системы на части, активное расчленение целого, при котором устраняется тот «кооперативный эффект» (синергизм), который и придает главную ценность системной целостности.

Этот кооперативный эффект может достигать огромной величины, придавая системе чудесную, внешне необъяснимую силу. Вот многим очень знакомая вещь — «ерш». Смешай умело водку с пивом, и опьяняющий эффект можно увеличить до пяти раз. А если умелый врач прописывает принять сразу три антибиотика, он может достигнуть и стократного эффекта в по-

давлении микробов (но мы часто по незнанию проводим дезинтеграцию этой системы и принимаем антибиотики по одному). Куда ни глянь, мы видим эту чудесную силу. Звено истребителей по силе несравнимо с двумя одиночными пилотами. Сыгранная команда побеждает созванную на один матч сборную «звезд», которая не успела интегрироваться в систему.

Все это прекрасно знают политики, с древности усвоившие принцип: «Разделяй и властвуй!» Это значит, что в любом противостоянии (войне любого типа) важнейшие боевые операции имеют целью **нарушение системной целостности** противника. В этом деле главную роль играют не громилы, а вдумчивые аналитики. Для них найти «слабое место» у противника — значит нащупать в его системе тот узел связей, который соединяет его усилия в механизм с кооперативным эффектом. Кольнул в это место булавкой — и чудесной силы как не бывало. Иногда такие уколы приходится долго готовить, но расходы окупаются. Не оценить в деньгах потери России от того, что значительную часть украинцев сумели настроить против русских. Это была операция высшего класса.

Но такими уколами дело не ограничивается. Война — это дезинтеграция противника во всех измерениях. Первым делом воздействуют на связи, а не на внутренне сплоченные элементы систем. Так на фронте слабые места — стыки и фланги, то есть участки, где части связаны друг с другом. В больших кампаниях бьют типам связей. Из экономии, конечно, стараются ослабить или разорвать связи, играющие критическую роль, а дальше возникший кризис рвет и калечит остальные связи сам.

Для нас главные системы — это страны и народы (можно сказать, что это ипостаси одной системы). Мы пережили дезинтеграцию СССР и наблюдаем вялотекущую дезинтеграцию Российской Федерации. Процесс у нас перед глазами, можем учиться. Без этого знания не собрать страну и народ.

Расчленение страны — всегда бедствие для ее жителей (радуются только отщепенцы и мародеры). Нас стараются убедить, что это произошло самопроизвольно, говорят: «распад СССР». Это обман или ошибка, речь идет о развале, об активной программе дезинтеграции. Даже размолоть камень — требуется много усилий, а сложные «живые» системы скреплены

комплексом связей с огромным разнообразием. Довольно легко перечислить примерно сотню типов таких связей, а для простоты объединить их примерно в десяток «пучков».

Пройдя мысленно по их перечню, мы и увидим, программу дезинтеграции. Это полезно сделать, чтобы договориться о том, какие связи надо защищать, укреплять, восстанавливать, какие надо строить заново и по-другому, какие в новой реальности никуда не годятся, так что остатки их надо обрезать и зачистить. Опыт разрушения систем дает колоссальное знание, и раз уж над нами такой жестокий эксперимент история поставила, надо из него выжать максимум информации.

Разрушение каждого пучка связей — особая программа и особая тема. Здесь просто назовем некоторые из них. Важнейший пучок связей создает государство — едиными законами, общим языком и идеологией, своими символами, множеством систем, соединяющих людей и территории (например, армией и школой). Подорвать авторитет государства, подтачивать те связи, которыми оно стягивает страну и народ — вот первое измерение дезинтеграции.

Страна — географическая целостность. Но для ее поддержания нужны большие системы — транспорта, связи, охраны границ, энергосетей и пр. Вот, например, в 1999 г. морским транспортом в районы Крайнего Севера было завезено в 8 раз меньше грузов, чем в 1991 году (а в 2004 г. в 7,3 раза меньше) — и связность Севера с Россией резко ослабла. Число пассажиров, перевезенных воздушным транспортом, за годы реформы сократилось в Российской Федерации в 4 раза. А, например, в аэропорту Вологды за 6 лет реформы количество авиапассажиров упало в 13 раз, а в Йошкар-Оле — в 21 раз. Это — дезинтеграция.

Страна связывается общим образом жизни. Мы же видим, как регионы «расслаиваются» по доходам, по типу потребления людей, по доступу к образованию и культуре. Они растаскиваются реформой, теряют единый цивилизационный облик. Это — дезинтеграция.

Во всем этом нет ничего естественного и ничего мистического. Это нормальная работа геополитиков и системотехни-

ков. Если мы будем апатично наблюдать за их манипуляциями, то свою работу они доведут до конца. Сами собой разорванные связи не срastутся. Тут нужны знания, воля и действие.

Возможна ли реинтеграция исторической России?

Расчленение Российской империи в результате Февральской революции 1917 г. было краткосрочным. В ходе Гражданской войны она была опять собрана почти на той же территории (не считая Польши и Финляндии, которые входили в империю условно). В 1939 г. были возвращены и потерянные в 1917—1920 гг. западные земли.

Такое быстрое воссоединение расчлененных частей страны можно назвать **реинтеграцией**. Части срослись по линиям разрыва — разделенные поверхности еще не «окислились». Сейчас врачи могут даже пришить отрезанную пилой руку — если ее сразу положить в лед и поскорее доставить к хирургу.

Конечно, реинтеграция России в образе СССР происходила с обновлением многих систем, при общем подъеме и наличии принятого большинством населения и народов общего национального проекта. Имелся манящий образ будущего и вера в его достижимость. Опыт нейтрализации национализма этнических элит и очень быстрой реинтеграции страны в виде СССР считается блестящим достижением советской доктрины государственного строительства. В 90-е годы эти самые этнические элиты очень старались этот опыт опорочить, но под их дудочку плясать не стоит — их цель в том, чтобы подавить интеграционные проекты сегодня.

Подавить эти проекты — сложная задача проектировщиков Нового мирового порядка. Части расчлененной России обнаружили очень сильную тягу к реинтеграции. Мало кто вообще считает Российскую Федерацию «окончательной» конструкцией новой России — скорее, это переходная, промежуточная форма, которая будет где-то наращиваться, а где-то, быть может, и сокращаться. Процессы интеграции, реинтеграции и дезинтеграции продолжаются.

Об этом помалкивают, многих сторон этих процессов мы не видим, многие из них идут странным, неожиданным обра-

зом (например, принятие Латвии в ЕС побуждает молодых латышей учить русский язык — в Европе больше ценятся специалисты, воспитанные в большой культуре, а не люди из небольшого этноса с плохим знанием английского).

В какой же мере возможна реинтеграция — сращивание разорванных связей? В начале 90-х годов многие надеялись на такой ход событий. Старики в Таджикистане многозначительно предсказывали, что «СССР будет восстановлен через 7 лет», в Москве собирались съезды «Союза советских граждан». Но это не удалось. Силы дезинтеграции были намного, несоизмеримо мощнее. Сrostись обрубкам не давали этнические элиты, дорвавшиеся до богатств «независимых» государств (прежде всего, в самой Российской Федерации), местные этнократические кланы, заинтересованные в разрушении всех целостностей и в изоляции своих новых феодальных владений, всякие заокеанские «друзья» вроде Бжезинского и Мадлен Олбрайт.

Общий вывод таков: в целом время, за которое была возможна реинтеграция, истекло. Уже нельзя «зачистить контакты», соединить те же провода — и машина заработает. Нужна новая программа интеграции, новое строительство целого, создание стыковочных узлов, производство материала для связей нового типа, новый язык и новые символы интеграции. Значит, нужен и новый уровень **разнообразия** интеграционных связей.

Новая программа гораздо труднее, чем восстановление, но она открывает и новые возможности. Появляются новые **субъекты** интеграции. Например, Приднестровье — новая страна, новый народ, новая культура. Его интеграция с Российской Федерацией даст новое качество. То же самое — Абхазия. Она уже будет интегрироваться с Россией не как часть Грузии, а как народ с качественно новым самосознанием.

Более того, даже то направление интеграции, о котором мы больше всего думаем — с Белоруссией, уже возможно лишь как строительство нового Союза, а не как реинтеграция двух союзных республик. Ведь для нас Белоруссия сейчас ценна не просто как кусок земли, населенный братским народом. Это — важнейший плацдарм в нашем контрнаступлении на страшный кризис. Белорусы выработали оригинальный национальный

проект, сплотились вокруг него и почти вылезли из кризиса, внеся множество важных творческих изменений в структуры советского типа. Повторить этот проект в Российской Федерации сейчас невозможно — Дерипаски и Абрамовичи оседлали экономику и держат в своих руках многие другие рычаги. Но когда мы их переварим, сохраненные и обновленные в Белоруссии структуры будут нам необходимы, от других мы такой помощи не получим.

А значит, нельзя допускать реинтеграции Белоруссии и Российской Федерации, потому что тогда наши Дерипаски эти структуры, сохраненные белорусами, затопчут и задушат. Нужно строительство новых интеграционных связей, гарантирующих сохранение плацдарма, его защиту от объятий российских олигархов.

И такие проблемы у нас — по всему пространству. Простор для творческой работы!

Что такое холодная война?

Понять состояние нашей государственности невозможно без учета того факта, что она складывается в условиях поражения Советского Союза в холодной войне.

В 1946 году Запад объявил холодную войну Советскому Союзу. Черчилль произнес в г. Фултоне (штат Миссури, США) историческую речь и заявил: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился через весь континент». СССР и Восточная Европа были отделены от Запада линией фронта. Метафора «железного занавеса» считается самой удачной находкой в политической карьере Черчилля.

Для ведения войны Запад создал НАТО, в противовес ему возник Варшавский договор, сплотились два противостоящих блока, которые и вели между собой холодную войну. Почти полвека эта война была главным фоном всей общественной жизни СССР. Как и во время всякой войны все остальные политические, экономические и социальные процессы определялись этим фундаментальным условием.

В холодной войне СССР в конце 80-х годов потерпел поражение, в результате чего был ликвидирован сложившийся

вокруг него блок государств. Затем был распущен сам Советский Союз, ликвидирован существовавший в СССР общественный строй и политическая система, начата форсированная деиндустриализация и демодернизация страны. Сегодня на Западе совершенно открыто говорится, что Россия — побежденная страна и выплачивает законную контрибуцию победителю, чем и обусловлены ее беды. Фактически идет уничтожение исторической России как большой страны и как «геополитической реальности», причем создаются такие условия жизни населяющих территорию СССР народов, чтобы сильная независимая держава не могла возродиться.

СССР, который в 1946 г. был, как писали на Западе, «нацией вдов и инвалидов», делал много попыток предотвратить холодную войну, в частности, через расширение экономических связей с США (на очень выгодных для США условиях). С января по сентябрь 1945 г. переговоры об этом вели лично Молотов и Сталин. Предлагались и политические уступки — вывод советских войск из Восточной Европы. США на это не пошли. Выбор между войной и миром был сделан на Западе.

Какова природа холодной войны? Опубликованные в последние годы документы доктрины холодной войны, выработанной во второй половине 40-х годов в США, показывают, что эта война с самого начала носила характер «войны цивилизаций». Разговоры о борьбе с коммунизмом были прикрытием. Эти программные документы наполнены ненавистью к России. Вот как она трактуется, в важном документе 1948 года: «Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». Никакой связи с коммунизмом здесь нет. Это именно тотальная война, причем война на уничтожение.

Холодная война Запада имела мессианский, почти религиозный характер. Противник в ней был назван «империей зла», а победа в ней названа «концом истории». Главный философ неолиберализма Лео Страусс определил цель этой войны так: «полная победа города над деревней или Запада над Востоком». Этот мессианизм не направлен к светлому будущему, он проникнут абсолютным пессимизмом. Л. Страусс дал такое по-

яснение смыслу победы: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада, и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего».

Таким образом, уничтожение «империи зла» виделось как конец этого света и конец этого человечества. Из этого вытекают мистические, на грани безумия, нынешние утопии Нового мирового порядка, глобализации, поиски нового мирового зла и откат Запада от привычных норм международного права и морали, на которых мир стоял последние три века.

Планы ведения войны поначалу также были безумными. Власти США, тогда монополиста в обладании атомным оружием, предполагали сбрасывать на СССР атомные бомбы «без колебания». Высший военный руководитель США, генерал-лейтенант Дулитл в публичной речи заявил, что американцы «должны быть физически, мысленно и морально готовы к тому, чтобы сбросить атомные бомбы на промышленные центры России при первых признаках агрессии. Мы должны заставить Россию понять, что мы это сделаем, и наш народ должен отдавать себе отчет в необходимости ответа такого рода».

Привести верхушку США в чувство удалось благодаря подвигу советских ученых, инженеров, рабочих и управленцев, которые совершили подвиг, быстро создав ядерное оружие, а затем и надежные средства доставки — баллистические ракеты.

Советская идеология и печать искажала образ холодной войны, многократно занижала опасность, чтобы не нагнетать страхи и не разжечь психоз в стране. Это позволило нашему народу восстановить душевные силы после войны, воспитать три спокойных поколения. Но это и разоружило общество — оно не чувствовало и не осознавало опасности.

Холодная война: доктрина и первая кампания

Война, начатая речью Черчилля в 1946 г., на деле была лишь кампанией в столетней горяче-холодной войны Запада против России. Но когда же началась эта большая холодная война? Кончилась ли она? Нам надо разместить ее во времени.

Трудность в том, что Россия с XVI века была тесно связана с Западом — догоняла его и убегала от него одновременно. Поэтому власть никогда не позволяла раздувать антизападные настроения, а в элите всегда выставляла вперед ширму в виде слоя «западников». О намерениях Запада в отношении России не сообщали ни цари, ни генсеки, ни нынешние президенты. Но сейчас мы попали в столь критическое положение, что обязаны сами, «внизу», трезво взглянуть на эти намерения. Именно трезво, не нагнетая страсти, но без розовых очков.

Как же было дело? Главный американский историк холодной войны В. Лафебр в своей книге «Конец какой холодной войны?» объясняет, что холодных войн было *три*: 1) после окончания Первой мировой войны — против Советской России, 2) после окончания Второй мировой войны — против СССР, 3) в настоящее время, после ликвидации СССР — против постсоветской России.

Все эти войны велись и ведутся против *России*.

А некоторые европейские историки считают, что холодная война началась еще до 1917 г., с самого начала XX века, и что русско-японская война 1904 г. была организована уже как операция холодной войны — чтобы ослабить Россию. Из этих трудов, кстати, видно, что выражение «холодная» война смягчает реальность. Эта война всегда была «горяче-холодной», только ее горячие эпизоды США старались вести чужими руками, держа, однако, наготове свой бронированный кулак.

Любой войне предшествует выработка *доктрины*. Исходной для внешней политики США была доктрина Монро — о господстве США над Латинской Америкой. В начале XX века они распространили эту доктрину на весь мир. Главной проблемой была Россия. Согласно теории английского геополитика Мак-Киндера, та страна, которая установит господство над Россией (ее называли Heartland — «Хартлэнд», сердцевина Земли), будет господствовать над всем миром. Одним из первых идеологов холодной войны был историк Адамс. В 1901 г. не только, он обосновал неизбежность грядущего столкновения с Россией и предвосхитил сам тип «холодной войны», подготовил первый стратегический документ.

Формулируя стратегию захвата Евразии Америкой, Адамс писал: «Американцы должны понять, что это будет война не на жизнь, а на смерть — борьба уже не против отдельной нации, но против целого континента. В мире нет места двум центрам богатства и империи. Один организм должен победить и уничтожить другой».

Во время Первой мировой войны в США была создана специальная правительственная комиссия по геополитике (позже Совет по международным делам). Главную роль в ней играл Исайя Боуман — выдающийся политический стратег США. Он предложил план расчленения России на суверенные государства, которые окажутся под влиянием США. На основе этого плана был выработан секретный протокол, а Госдепартамент США подготовил карту будущего разделения российской территории.

Еще одна редакция карты была секретной. В ней «Велико-россия» стягивалась до Среднерусской возвышенности. «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждая со своей экономической жизнью, — писал Боуман. — При этом ни одна область не должна быть настолько самостоятельной, чтобы образовать сильное государство». (Позже, в 1989 г., этот план почти буквально воспроизвел А.Д. Сахаров в своей «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии»).

В начале 1918 года были готовы планы отделения Сибири. Автор этого плана полковник Гауз писал, что Россию ни в коем случае нельзя оставить нерасчлененной: «Она слишком велика и слишком гомогенна для нашей безопасности. Я бы хотел видеть Сибирь как отдельное государство, а Европейскую Россию расчлененной на три части». Госдепартамент разработал полную программу экономического освоения сибирских территорий на несколько лет вперед.

16 августа 1918 г. войска США высадились во Владивостоке и взяли под контроль Транссиб и КВЖД. Во Владивостоке и Благовещенске были открыты филиалы американских банков и компаний. Их поддерживала японская армия (73 тыс. штыков). Мурманск заняли объединенные силы США, Британии и Франции. Они повели наступление на Севере. Западные политики

считали, что Советская Россия не сможет оказать сопротивление и раздел России будет произведен без войны.

В тот раз они ошиблись. Красную Армию удалось собрать очень быстро, а в Сибири ее поддержало массовое партизанское движение. Белые терпели поражения. Летом 1919 г. начался вывод войск США с севера России, а к апрелю 1920 г. были выведены войска с Дальнего Востока. Первую кампанию столетней холодной войны пришлось свернуть.

Слегка обновленную доктрину Исайи Боумана положили в основу второй кампании — когда США уже обладали атомным оружием.

Технология холодной войны

Половина населения России — живые свидетели холодной войны. Мы должны кратко обобщить наш опыт как урок на будущее. В новой кампании этой войны против России будет использовано и создаваемое сегодня, и уже испытанное оружие.

Поражение СССР было нанесено в общественном сознании — прежде всего, в сознании правящей и культурной элиты. Первый урок на будущее: для такой войны привлекаются крупные культурные силы и ресурсы. Для противостояния тоже нужна серьезная культурная база, дубиной тут не можешь. Оборона СССР слабела по мере того, как его культурная элита перевербовывалась врагом.

Вот мелочь — запущенная Черчиллем художественная метафора «железного занавеса». Она умело отобрана из большого культурного арсенала, накопленного на Западе в борьбе против России. Проведенная Черчиллем линия «железного занавеса» («от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике») была прочерчена в XVIII веке, когда Запад «изобрел» Восточную Европу как санитарный кордон, отделявший от него Россию. Но, оказавшись за этим «занавесом», интеллигенция Восточной Европы превратилась в «пятую колонну» в войне против России. Она стала чувствовать себя как «похищенная у Запада» Россией. И ублажить ее было уже невозможно.

Поражение СССР в холодной войне не было вызвано отставанием в военной области (в ее традиционном понимании). На-

против, СССР разбил сильнейшую армию Германии и ее сателлитов, поддержанную ресурсами всей Европы, а потом добился надежного военного паритета с Западом, имел сильную боеспособную армию и самое современное вооружение. Сама возможность уничтожить СССР военным путем была на Западе снята с повестки дня как стратегическая линия холодной войны.

Один из интеллектуальных авторов доктрины холодной войны Дж. Кеннан сказал в 1965 году, что план войны имел две главных линии: «абсолютное военное поражение Советского Союза или фантастический, необъяснимый и невероятный переворот в политических установках его руководителей». Военное поражение СССР оказалось невозможным, но второй вариант — предательство верхушки КПСС — осуществился, несмотря на то, что в 1965 г. он считался невероятным.

Но войну «за умы» Запад выиграл прежде всего у себя в тылу — левая интеллигенция перешла на антисоветские позиции и отказалась от социалистических идеалов. Начался большой откат (неолиберальная волна), стерлись различия между левыми и правыми. На партийную номенклатуру СССР нового поколения установки западной левой элиты оказывали сильное воздействие. Горбачев и его интеллектуальная команда прямо следовали идеям *еврокоммунизма*, и, с отставанием в 10 лет, тоже стали «пятой колонной» Запада в холодной войне против СССР-России.

Принципом холодной войны было непрерывное балансирование на грани войны горячей. Считалось, что это изматывает СССР, истощает его экономику гонкой вооружений. По всему периметру границ СССР была создана сеть военных баз, непрерывно велись провокации с инцидентами на границе, локальные войны, в которые втягивался СССР (в Корею, в Египте, во Вьетнаме). Но после укрепления военного потенциала СССР эти действия служили скорее прикрытием. Центр тяжести переместился в ведение войны *информационно-психологической*. В силу инерции нашего мышления мы понимаем эти слова как метафору. Но речь идет о настоящей войне, которая давно стала особым видом боевых действий, имеет свои виды оружия и свой род войск.

Эта война и стала важнейшим содержанием всей совокупности действий холодной войны против СССР. Этот опыт надо изучать, масштабы гонки вооружений здесь огромны. По оценкам экспертов, суммарные ежегодные затраты ведущих западных стран только на *разработки* в области информационного оружия в начале этого десятилетия превышали 120 млрд. долларов.

«Технологически» разрушение советского строя шло через подрыв идеологического стержня общества. «Молекулярная агрессия» в сознание велась с начала 60-х годов на фоне широкого (обязательного в среде интеллигенции) инакомыслия, а начиная с 1985 г. — открыто средствами идеологической машины КПСС.

Особо надо сказать о войне *психологической*. Наставления США дают ей такое определение: «Планомерное наступательное воздействие политическими, интеллектуальными и эмоциональными средствами на сознание, психику, моральное состояние и поведение населения и вооруженных сил противника». Именно такое воздействие и оказывалось на население СССР. В американском руководстве 1964 г. по психологической войне сказано, что ее цель — «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению».

Но машина этой войны не остановлена с ликвидацией СССР, главное направление ее удара сегодня — Россия и постсоветские страны.

Угрозы для постсоветской России и русских

Мы переживаем Смутное время, а это — разброд и шатания. Но есть тема, о которой думают все — «что же будет с Родиной и с нами?» И есть в этой теме общий подход — люди пытаются разглядеть и понять *угрозы для России*. Предупрежден — значит вооружен. Это оружие всем нам необходимо, чтобы провести через цепь опасностей и Родину, и наших близких, за кого мы в ответе.

Говорить об угрозах надо трезво — без «торговли страхом» и без бахвальства. Преувеличенный страх сам становится

ся источником опасности. Создание панических настроений и отвлечение внимания от реальных опасностей — важные операции в психологической войне. А Россия — давно уже объект такой войны. На нас испытывают новейшие системы оружия массового психологического поражения.

Будем говорить о тех угрозах, которые составляют ядро системы опасностей для России. Какие-то мы унаследовали от «проклятого прошлого», которое уходит в туманные времена Киевской Руси, но большая часть порождена на наших глазах, за последние двадцать лет.

Доктрина реформ, начатых в конце 80-х годов XX века, предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении «империи зла» — задача для следователей. Нас же интересует суть дела: как угрозы зарождались и развиваются, по каким признакам их можно обнаружить и оценить, каков потенциал каждой из них и с какой скоростью он наращивается, в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

В целом, мины, заложенные при Горбачеве и Ельцине, дозревают до того, чтобы начать рваться, только сейчас. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, проявились. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Исследования, «беспокоящие» реформаторов, были свернуты, специалисты разогнаны. Не сложилось интеллектуального сообщества, которое могло бы судить об угрозах, исходя из норм научной добросовестности. Ячейки таких исследований «ушли в катакомбы».

Перечень угроз можно сделать длинным или коротким — на деле все они есть просто разные грани большой угрозы бытию России. Но сначала надо сказать об фоне, на котором зреют угрозы. Свойство разумного человека — способность *предвидеть* угрозы. Для этого необходим навык *рефлексии* — «обращения назад». Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и рефлексии — как будто в конце 80-х годов кто-то сверху щелкнул выключателем. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

На всех уровнях общества всегда имеется «карта угроз», как-то выраженная. Она всегда не вполне достоверна и отстаёт от жизни. Но в моменты резкого слома порядка эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит угроз, они возникают внезапно.

Это и есть база нашей проблемы, ее нулевой уровень — наше сознание утратило навыки предвидения угроз. Мы стали отключать системы сигнализации об угрозах, одну за другой — чтобы не мешали «празднику жизни». Ликвидировали структуры, созданные для обнаружения и предотвращения угроз. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь он и выражается в отключении первого контура системы иммунитета — механизма распознавания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

В стране отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые службы и испорчены инструменты. С учетом этого и начнем разговор.

Угрозы: сбой мировоззрения

В 90-е годы прошлого века наше общество утратило навык предвидения угроз настолько, что в обиход вошел термин «синдром самоубийцы». Операторы технических систем совершали цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Его просто отключили. Не помогло, сигналы бес-

покоили — и последовательно отключили 23 анализирующих устройства.

Так вели себя люди в самых разных делах, это был признак *общей* беды. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев у нас стало гибнуть очень много людей — по 400 тысяч человек в год. Заговорили даже, будто дело в нашей природной неспособности жить в мире техники. Это ерунда, речь идет об общем кризисе индустриального общества. Нас от этого отвлек социальный кризис 90-х годов, но пора задуматься.

Техносфера, в которой живет человек, созрела до такой плотности, что опасностям в ней стало «тесно», и они полезли из нее, как перекишее тесто. В Европе сейчас только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология может быть превращена в оружие массового уничтожения. Но беда не в технике, а в том, что городской человек не умнел в том же темпе, что росли опасности — и сейчас его сознание не соответствует структуре и масштабам угроз.

В чем же дефект? В том, что в основу *индустриального разума* была положена иллюзия, что мироздание — это машина. Все в ней предопределено и поддается расчету. Бог-часовщик завел пружину мироздания и больше не вмешивается, часы тикают в полном порядке. Возникла теория рынка как такой машины, эта же модель положена в основание конституции США — сдержки и противовесы держат ее в равновесии. Такой машиной, наподобие часов (или насоса) представлялся и человек. Это мировоззрение породило *безответственность*. Если вокруг — простые машины, все предсказуемо, то нечего опасаться, невидимых угроз мир не таит.

Так возникла цивилизация *огня и железа*, ее кумиром стал Прометей — титан, воплощение культа силы и техники. Человек считал себя всесильным, вновь обрел свое языческое Я. Так был выброшен дар предвидения угроз. Идея свободы затоптала ответственность, идея прогресса — память. Слепые вели слепых, и мир свалился в яму нынешнего кризиса. В России все кризисы Запада происходят в самой бурной форме. Те-

перь глотнули неолиберализма, больного учения уже больного Запада. Судя по всему, поправимся, но сильно исхудаем.

Для начала требуется обратиться к устоям своей культуры, которая выросла на Православии и русском космическом чувстве. С этим ядром совместимы взгляды народов, что собрались в Россию. Механицизм мы используем как научный инструмент. Но мир — не машина, а Космос, хрупкая Вселенная. Процессы в ней часто *необратимы*, так что по незнанию или сдуру можем совершить *непоправимое*. В обществе и человеке много такого, что нельзя рассчитать. А значит, что-то менять, а тем более ломать, надо с большой осторожностью — а тут кувалдой страну перестраивают. Вот и встают угрозы.

Чтобы их увидеть и нанести на карту, надо изменить тот фон, на котором разыгрывается наша драма. Нужно отремонтировать нашу мировоззренческую матрицу — вернуться к принципу минимизации рисков, к тому космическому чувству, из которого русская наука черпала идеи для понимания катастроф, борьбы порядка и хаоса, от которой мы не можем ни дезертировать, ни откупиться.

Фундаментальные угрозы

В России — системный кризис. В ходе таких кризисов страдают и элементы, и связи всех систем страны. Сильнее всего — самая уязвимая часть систем — *связи*. Угрозы каким системам являются критическими, то есть могут повлечь лавинообразные цепные процессы распада, угрожающие гибелью целого? В ходе обсуждений составлен такой перечень из дюжины фундаментальных угроз.

1. Демонтаж народа

Это разрыв связей, соединяющих людей в народ, а также порча механизмов, которые ткут эти связи, «ремонтируют» и обновляют их.

Ядро России — русский народ, который и сам подобрал в себя множество племен. Их «сплавило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура. Операция по демонтажу советского народа с конца 80-х годов ударила по его русскому ядру. Эта

операция продолжается и порождает главную на сегодня угрозу для России. Народ — субъект истории и держатель страны. Разрушение его связности лишает его надличностной памяти, разума и воли. Отсюда — кризис всех других систем.

Демонтаж народа проводится посредством экономической и информационно-психологической гражданских войн. Сейчас размонтированы верхние слои связей, основа цела, но угроза нарастает.

2. Демонтаж общежития народов

Россия создала особый его тип. Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ собрать на огромном пространстве империю неколониального типа. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, не было планомерной ассимиляции, не создавался «этнический тигель», сплавляющий всех в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. С 90-х годов один из главных ударов направлен на механизм, что скрепляет эту систему. Вызревают две угрозы: превращение этнического сознания нерусских народов из «русоцентричного» в этноцентричное; нагнетание русского этнонационализма, ведущего к разделению и архаизации народов. России грозит «молекулярная» этническая война всех против всех.

3. Подрыв рациональности

Для земной жизни нужны инструменты рационального мышления — точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы. Сейчас сознание общества и особенно элиты хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Дальнейшая деградация рационального сознания — всеобщая угроза.

4. Ухудшение «личного состава» страны

Реформа нанесла тяжелый урон населению. Ухудшилось физическое и психическое здоровье большинства граждан России всех возрастов и социальных групп — народ болен в прямом смысле слова. Быстро снижаются формальные и качест-

венные показатели уровня образования, наступает невежество и мракобесие. Упала до красной черты и продолжает падать квалификация главных групп работников. Подорваны нормы человеческих отношений и способность к самоорганизации. Возникли «малые народы», подгрызающие структуры цивилизации («гунны»). Наступает «цивилизация трущоб», привыкающая к своей культуре.

5. Внедрение системы потребностей, несовместимых с реальностью России

Это — один из главных видов оружия колонизаторов против «дикарей». Теперь оно применяется против России. Когда в стране «ускользает национальная почва из-под производства потребностей», народ чахнет и впадает в тоску. Им овладевает «воля к смерти». Парень не может ездить на «жигулях», без иномарки ему не жизнь. Эта большая операция информационно-психологической войны против России продолжается и разрывает связи солидарности людей, без которых не вылезти из кризиса.

6. Деградация системы власти и управления

Страна — как самолет, а власть и управление — его экипаж. От его квалификации, здоровья и совести зависит жизнь страны. За 90-е годы произошло катастрофическое падение качественных характеристик и кадров управления, и всей системы в целом. Когда в 1988 г. Горбачев совершил первый погром кадров (как водится, под флагом борьбы с бюрократизмом), от начальников пошли бумаги, которые вызывали шок. Невозможно было понять, что произошло, не верили глазам. Они сошли с ума? На высокие посты пришли люди, не имевшие представления о системах, которыми они должны были руководить, причем люда агрессивные. За 90-е годы было еще несколько таких погромов — «чистка кадров». Отмечено уникальное и даже аномальное явление — в управлении экономикой стали приниматься решения, *наихудшие из всех возможных*.

Из всех социальных групп именно у состава высшего эшелона управления произошло самое глубокое поражение рационального мышления. Иногда министры притворяются безумными, но это не только маска. Их мышление действительно оторвано от здравого смысла. К тому же в безвыходный пороч-

ный круг госаппарат загнан коррупцией — начальники оказались «на крючке».

Потрясает живучесть страны, а также государственный инстинкт чиновников среднего звена, которые продолжают тянуть лямку, хотя и приворовывая. Однако эта угроза нарастает, поскольку процесс деградации вышел в режим самоускорения, а программы лечения нет. Само появление такой программы уже требует чрезвычайных мер.

7. Кризис легитимности власти и угроза «оранжевых» переворотов

Постсоветская власть не может преодолеть кризиса легитимности — нехватку авторитета, уверенности граждан в том, что эта власть гарантирует жизнь страны и народа. Как следствие, недостаточно активная поддержка власти со стороны большинства. До предела сузилась социальная база власти — ее кадры отбираются из узкого слоя «своих». Ясно, например, что в интересах дела надо было бы убрать от власти людей вроде Зурабова или Чубайса. Но верховная власть не может этого сделать — слишком все повязаны теневыми отношениями.

Признак кризиса — высокий рейтинг символического лица (президента) при очень низком уровне доверия ко всем другим институтам власти. Множество опросов последних лет показали крайнюю степень отчуждения населения от власти. По множеству проблем в населении сложилось единодушное мнение: власть действует не во благо народа, а во вред ему.

Возникло неустойчивое равновесие, дестабилизация которого может быть достигнута сравнительно небольшими воздействиями. Культура и квалификация властной верхушки и ее интеллектуальных бригад не отвечают тем вызовам, которые содержатся в современных «оранжевых» технологиях. Эти технологии позволяют недорого создавать контролируемые кризисы. Единственный способ для власти преодолеть эту угрозу — пойти на честный и открытый диалог с народом и почиститься. Но это означает глубокий конфликт с правящей верхушкой США, на который власть не может решиться.

Арсенал «оранжевых» технологий широк и пополняется усилиями научных центров ЦРУ США. Скорее всего, лобовой атаки (по типу «оранжевых» революций в Грузии и на Украи-

не) в Российской Федерации не будет, но власть можно измотать непрерывной чередой политических провокаций и спектаклей. Угроза, что РФ столкнут в новый виток хаоса, велика.

8. Раскрытие России и высасывание ее ресурсов

До последнего времени экономика России складывалась по типу «семейного хозяйства», которое принципиально отличается от «рыночной экономики». В семье ресурсы и усилия не продаются и покупаются, а складываются.

Реформа 90-х годов не смогла полностью преобразовать тип хозяйства России. Но хозяйство семьи нельзя «раскрывать» внешнему рынку — он высосет из семьи все средства. Раскрытие семейного хозяйства сразу превращает его в руину — это знают все, у кого в семье есть пьяница, который «тащит из семьи». А сын-наркоман разоряет даже состоятельную семью всего за год.

У нас перед глазами — катастрофа советского хозяйства, которое в 1989—1991 гг. было обескровлено, казалось бы, безобидными «ошибками» Горбачева. Была устранена монополия внешней торговли, а на заводах учреждены «кооперативы», которые гнали продукцию за рубеж. Тогда внешний рынок высосал треть продукции, и внутри страны «товары сдуло с полок». О сырье и говорить нечего, перекачка нефти и солянки за рубеж сразу создала прослойку миллионеров и нехватку горючего для весенних работ.

Это была акция экономической войны против СССР. Сегодня готовится еще более мощная акция экономической войны против Российской Федерации — вступление в ВТО. Его нормы сметаю последние, уже и так очень хлипкие, системы защиты отечественной промышленности и сельского хозяйства. Для прокорма нашей больной семьи, в составе 143 млн. человек, останутся лишь крохи доходов от Трубы — если олигархи раздобьются.

9. Угроза утраты национальной школы и науки

Школа — «генетический механизм» национальной культуры. Ее главная задача — не обучение техническим навыкам, а воспитание — передача следующему поколению неявного знания и нравственных устоев, накопленных за века его народом. Так, русская школа обучает детей быть русскими. Российская

школа, в основу которой положена модель, выработанная за полтора века в русской культуре, строит и воспроизводит большую российскую нацию. Попытка слома национальной школы приводит к тяжелейшему культурному кризису и длительному хаосу. Такая попытка и предпринята в Российской Федерации с начала 90-х годов.

Смысл школьной реформы — заменить культурный и социальный тип русской школы на тип западной школы, выработанный в ходе Великой Французской революции. Западная школа воспроизводит не народ, а классы. Это «школа двух коридоров» — один для производства «элиты», другой — для «массы». Выходят из школы люди двух разных культурных типов. Ликвидации русской школы сопротивляются и учителя, и родители. Это сопротивление стихийное и неорганизованное, но упорное. Если его одолеют, нас ждет поистине общенациональная трагедия.

То же самое можно сказать и о науке. Свою отечественную науку Россия выращивала 300 лет. Она устроена по-иному, нежели на Западе. Русская наука — замечательное культурное явление, достояние человечества. Она выработала особый «русский стиль» в науке, который сделал возможными и успехи в развитии России, и ее военные победы. Теперь наука — один из необходимых устоев нашей цивилизации, без нее нам уже не сохраниться. Очень многие виды знания, которое добывают и хранят ученые России, нельзя купить за границей ни за какие деньги. За 90-е годы нашу науку почти задушили, но ее еще можно возродить. Однако начинается новый виток «реформы» с целью сломать культурный генотип русской науки и превратить ее в «маленький рентабельный бизнес». Это грозит нам полной утратой независимости с неопределенными перспективами.

10. Деградация производственной системы

Реформа привела к спаду производства примерно вдвое (в машиностроении в 6 раз). Последние 8 лет имелся прирост — но лишь потому, что были незагруженные мощности. На деле идет неумолимый процесс старения и выбытия этих мощностей при отсутствии инвестиций для их восстановления и модернизации. Техника изношена до предела, квалифицированные рабочие не готовятся. Еще хуже положение на селе — треть паш-

ни утрачена, земля истощается без удобрений, ресурс техники почти исчерпан, племенной скот вырезан, потребление электроэнергии в производственных целях сократилось в 4 раза. Чтобы вновь «запустить» производство на основе рыночных отношений, как запускают заглухший двигатель, нужно вложить около 2 триллионов долларов.

Такова цена разрухи 90-х годов. Но не видно признаков того, что кто-то собираются такие деньги вкладывать. Инвестиции, о которых мы слышим, несоизмеримы с масштабами провала. Латание дыр и чрезвычайные аварийные меры и в малой степени не компенсируют массивных процессов старения и деградации. Вложения в Трубу, даже при высоких ценах на нефть, дадут кусок хлеба лишь небольшому меньшинству. Программы восстановления всей производственной ткани страны нет.

11. Деградация систем жизнеобеспечения

По своему типу это такой же процесс, как и разрушение производственной базы. Разница в том, что при остановке многих производств мы можем сколько-то времени протянуть за счет продажи нефти и газа, а при массовом отказе теплоснабжения замерзнем в первую же холодную зиму. А на грани такого отказа — целые блоки ЖКХ. За 90-е годы из ЖКХ изъяли почти все амортизационные отчисления, поэтому не велся капитальный ремонт жилья, не перекладывались трубы водопровода и теплосетей. Без ремонта все ветшает в несколько раз быстрее, и в 1999 г. мы перешли порог — износ резко ускорился. Только на стабилизацию положения в ЖКХ требуется более 200 млрд. долларов, а стоимость полного восстановления даже не называют. Попытка переложить эти расходы на население или местное самоуправление наивны, привлечь к этому делу частный капитал невозможно — прибыль не светит.

Разумный выход — правительству честно объясниться с народом и начать большую восстановительную программу (источник средств — проблема баланса сил и политической воли). Альтернатива — разделение народа на меньшинство в коттеджах с автономным жизнеобеспечением и большинство в трущобах. Результат — трущобы сожрут коттеджи, но Россия опять умоется кровью.

12. Угроза ликвидации русской армии

Армия — ключевая опора любой цивилизации. Это — важная ипостась народа. Свою современную армию Россия выращивала, как и науку, 300 лет. В армии воплощены главные смыслы и коды русского мировоззрения. В ней, как иголка Кашея в утином яйце, спрятана жизнь России. Поэтому такую ненависть возбуждала наша армия у «демократов», поэтому уже Горбачев начал ее ломать и растлевать. С 1991 г. пытаются изменить культурный тип русской армии, превратить ее в карательную «силовую структуру», лишенную совести и равнодушную к проблеме добра и зла. Армию — защитницу народа хотят переделать в профессиональное охранный предприятие, враждебное народу.

Это пока не удастся и, скорее всего, не удастся. Но измордовать армию, вынуть из нее духовный стержень и лишить боеспособности, похоже, реформаторы смогут. Она действительно превратится в больной организм, от которого будет бежать молодежь. Так получилось во многом потому, что мы не желали понять, чем наша армия отличается от наемных западных армий, что именно в ней так стремятся сломать.

Все мы должны понять цену этой угрозы — потери своей национальной армии. Поймем — сможем договориться о способах помочь ей пережить грядущий трудный период, бережно отнестись к ней, как к больному родному человеку. Если мы не защитим армию сегодня, никто не защитит нас завтра.

ДЕМОНТАЖ НАРОДА: ЧТО РАЗДЕЛЯЕТ РУССКИХ

Народ — сложная развивающаяся система. в нем все время возникают противоречия, расколы, социальные и культурные конфликты. В норме эти процессы *разделения* уравновешены с процессами *соединения*: противоречия разрешаются, конфликтующие стороны приходят к компромиссу, возникают и укрепляются новые связи, так что детям даже непонятны распри отцов. Но иногда распад резко усиливается — под влиянием кризиса или перерастания противоречий в холодную гражданскую войну. А уж если в этом заинтересованы мощные внешние силы, то ведется целенаправленная программа демонтажа народа — расколы создаются и углубляются с помощью сильных технологий (политических, экономических, культурных).

Удар такой программы приняли на себя русские — не будучи к ней готовы. Они понесли большие потери, однако смогли оказать стихийное вязкое сопротивление. Теперь надо организовать это сопротивление более рационально и творчески и готовиться к контраступлению.

Разделение и объединение

Первым делом для этого нам надо знать, в чем состоит то разделение, которое необходимо преодолеть. Между кем и кем это разделение? В чем противоречие разделившихся частей? Через какие трещины и пропасти надо перекинуть мосты, какие рвы засыпать? Надо ли соединять то, что разделилось, или лучше отпустить друг друга с миром и найти способ дальнейшего мирного сосуществования?

В этой книжке мы собрались обсудить все эти вопросы в спокойном предварительном разговоре, не навязывая друг

другу готовые идеологические схемы. Кто собрался? Те, кто чувствует тревогу оттого, что мощные силы расщепляют, растаскивают то, что можно назвать *русским миром*. Это сложный, обобщенный образ всего того, что мы воспринимаем как *русское*. В дальнейшем надо будет строить и дополнять этот образ, касаясь то одной, то другой его стороны. Сейчас скажем только, что ядро его, его создатель и держатель — русский народ. Именно на это ядро и направлены сейчас центробежные, разделяющие силы.

Надо ли им противодействовать, надо ли препятствовать разделению? Конечно! Ничто сложное и красивое не уцелеет, если иссякнут силы, противодействующие распаду и разложению — даже в неживой природе. Народы, которые в какой-то момент утрачивали ощущение угрозы разделения или не находили средств преодолеть эту угрозу, просто исчезали с лица земли, растворялись в других, более умелых народах — или просто вымирали. «Народ, разделившийся сам в себе, не устоит» — эту библейскую мудрость забывать нельзя, она проверена опытом тысячелетий.

Любая человеческая общность, даже такая маленькая, как семья, в ходе своего развития изменяется. Какие-то связи ослабевают или даже рвутся, другие возникают или укрепляются. Идет каждодневное обновление, ремонт, пересборка. Это не природный естественный процесс, тут нужны усилия ума и души, творчество и воля. Бывают моменты кризиса, когда обновление и созидание подавлены, а разрывы и отчуждение нарастают. Как правило, находятся и отравители, которые подливают яда ревности, соблазняют «сбросить узы», готовы плеснуть керосина на тлеющие угли взаимных обид. Это — вечная угроза для семей и народов. Но бывает, что развод и разделение необходимы и даже спасительны. Понять это — нужна мудрость и дар предвидения, суметь перейти через драму разделения с минимальным ущербом — большое искусство. Еще большее искусство — преодолеть разделение, если оно было ошибкой. Об этом и разговор.

Мы считаем, что русский народ, наша драгоценная соборная общность, испытал за XX век тяжелейшие удары, которые нанесли ему тяжелые раны и повлекли за собой глубокие рас-

колы. Очень многие раны мы сумели залечить и трещины заделать. Даже братоубийство Гражданской войны мы смогли искупить огромным трудом и общенародным подвигом Великой Отечественной войны. Мы вновь осознали себя одним русским народом, гражданами одного государства. Но в конце XX века, в очень сложной обстановке быстрых перемен и внутри страны, и в мире, мы выпустили из рук нить своей судьбы, были сбиты с толку. И сразу получили серию таких ударов, к которым не были готовы и смысла которых даже не смогли быстро разобрань. Мы опять погрузились в Смуту, главный результат которой — разделение народа.

Это разделение идет по стольким направлениям и с такой скоростью, что связность русского народа приближается к той критической черте, за которой начинается распад. Это выражается в множестве признаков — и в хозяйстве, и в культуре, и в хаотичности сознания, и в политической беспомощности населения. Да взять самое наглядное, как на ладони, разделение — пространственное. Множество русских, миллионы, остались за рубежами той России, которая сохранилась как ядро после развала Советского Союза. Но ни мы в Российской Федерации, ни они, за ближними границами, не можем наладить тесного взаимодействия ни в какой области. Мы даже плохо знаем, как они живут, что думают, как видят будущее. А ведь современность дает новые средства общения, которые неподвластны политическим границам. Разве не обязаны мы найти способы объединения в сложившихся новых условиях! Мы же должны питать друг друга культурой, языком, опытом — мы нужны друг другу как части одного народа, который попал в большую передрыгу.

Но это разделение — очевидность. Важнее и глубже разделение русских «в себе самих», ослабление или разрыв всех главных связей, соединяющих нас в народ. При этом каждый, укрывшись в «своей хате с краю», по каплям утрачивает свою русскость, ибо поодиночке ее не уберечь. Ее хранит народ в целом.

Давайте проведем техосмотр всех этих главных связей, одну за другой. Тогда и станет виднее, что надо связывать, что зачищать, что сваривать.

Кризис и связность народа

Почему возникла задача **соединения** русского народа? Потому, что в ходе тяжелого кризиса оказались ослаблены или разорваны многие связи, соединяющие людей в народ как особую общность, «большую семью». Народ разрыхлился, рассыпался на мириады малых групп разного рода. Русские люди остались, а «большой семьи» нет. А значит, и русскость их постепенно слабеет, не подпитываясь общей народной памятью, совестью, разумом.

Вновь соединить русских людей в народ — значит, восстановить и укрепить разорванные или ослабленные связи, заменить и обновить ветхие и потерявшие силу. Для этого помимо желания и воли нужно знание. В прошлом это знание накапливалось опытом ошибок, побед и поражений, передавалось от поколения к поколению, откладывалось в традиции. Оно относилось к категории «неявного» знания. За последнюю сотню лет развилась наука, которая собирает и проверяет это знание и опыт многих народов, придает ему явный и четкий характер, излагает в научной и учебной литературе. Это большое подспорье, и русским сегодня надо на это знание опираться. Образования и способности здраво мыслить у нас для этого хватит. В серии этих коротких текстов мы изложим некоторые достаточно надежно установленные правила, которые нам полезно знать для работы по восстановлению связности и единства русского народа.

Любой кризис жизнеустройства народа затрагивает механизмы созидания и воспроизводства связующих сил. Кризисы, как и болезни у человека — неизбежная и необходимая часть жизни народов. Но иногда кризис принимает такую форму, что обновление механизмов созидания подавляется, а ослабление и разрыв связей продолжают. Хорошо видимыми симптомами такого незаметного вначале распада большого народа служит обострение этнического чувства живущих с ним в одной стране малых общностей — при ослаблении защитной силы большого народа люди мобилизуют этничность близкого окружения. Это мы сегодня видим и на Кавказе, и в Сибири.

При этом происходит «разукрупнение» народов, они как бы возвращаются на уровень племенных союзов. Одновременно идет откат назад этнического самосознания, начинаются поиски древних корней, споры о происхождении, попытки возрождения язычества. Элементы национального сознания народа вытесняются сознанием племенным. Известно, что народ в большей степени смотрит в будущее, чем в прошлое. Он непрерывно себя *строит*. Племя как продукт распада народа «смотрит в прошлое», сплачивается мифом о «золотом веке».

Такое воздействие кризиса в России наблюдается во многих народах. Так, долгий процесс сближения родственных народностей мокша и эрзя почти соединил их в большой единый мордовский народ. В ходе кризиса между ними стала нарастать отчужденность, они стали замыкаться в себе. То же самое мы видим у ряда других народов. В периоды такого недомогания от всех требуется чуткость и осторожность, как к человеку во время болезни.

Возникают и расхождения, по ряду вопросов, между русскими и проживающими рядом с ними представителями других народов — хотя раньше таких расхождений и не предполагалось. Кризис обостряет *этническое* сознание нерусских народов — при том, что у русских преобладает *гражданское* сознание. Происходит расщепление региональной общности, у двух основных групп населения нарастает различие в их самосознании. Даже на выборах большинство нередко начинает голосовать по национальному признаку. Это ослабляет в целом соединение населения в народ России.

Сохранение традиций и недопущение быстрой глубокой ломки жизнеустройства — залог сохранения этнических связей народа. Сергей Есенин сказал:

Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново.

Тем более это можно сказать о народе. Перемена устоявшихся порядков — всегда трудный процесс, но когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это наносит народу тяжелую травму. Такую

травму мы получили в 90-е годы. Теперь надо залечивать ее и производить «ремонт» всей системы связей.

И мы сами, и патриотическая часть госаппарата должны знать, чего нельзя делать, чтобы еще больше не ослабить связность нашего народа, и что надо делать, чтобы ее укрепить.

Какие трещины разделяют русский народ

Утверждение о необходимости укрепления связности русского народа многих удивляет. Разве требуется объединять русских? Разве они не соединены накрепко уже самим своим именем *русские*? Соединены, но недостаточно, имя — одна из множества нитей, которые связывают людей в народ. Иначе бы никогда не пришлось русским стрелять в русских, и на поле боя, и у стенки.

Люди стягиваются в народ множеством типов связей — только самых важных можно набрать до сотни. А если собрать все связи в «пучки», то главных пучков будет около десятка. Это пучки связей через государство и хозяйство, через язык и культуру, через общий взгляд на мир (и религиозный, и научный), через память и родство — обо всем этом нужен большой разговор.

В жизни народа постоянно какие-то связи ослабевают или рвутся, их все время надо чинить, укреплять, протягивать новые. Этим занимается, того не осознавая, весь народ — каждый русский, как ткачиха у станка, все время бегаёт, завязывая оборвавшиеся нити. А кто-то этим занимается сознательно и усиленно, по долгу службы — государи и учителя в школе, священники в церкви, писатели и журналисты, офицеры в своих ротах и полках. Но есть и такие, кто, спрятав бритву между пальцами, подрезает, а в удобный момент и с маху рубит эти нити.

Бывают тяжелые кризисы, когда этот ткацкий станок идет вразнос и не то что нити, а прямо ткань кромсает. В народе возникают мелкие и глубокие трещины, потом разломы. Если их рост не остановить, может образоваться пропасть, через которую уже не перекинуть мост — расколотые части народа скатываются к гражданской войне.

Кризисы обычно сначала поражают верхушку, она первая перестает восстанавливать ткань народа и даже сама рвет

ее на части. Такой кризис мы и переживаем вот уже двадцать лет — он то подведет нас к краю пропасти, то слегка отпустит. Тут и нужна самоорганизация тех, кто пытается скрепить связи народа, не дать трещинам превратиться в разломы, а разломам в пропасти. Мы «снизу» пытаемся затормозить процесс распада, соединить, какие возможно, порванные нити.

На какие типы расколов надо направлять усилия в срочном порядке?

Грубо говоря, есть два типа трещин, которые разделяют сегодня народ. Одни из них, мелкие, покрыли всю ткань нашего народа. Они разделяют всех, все наши классы, сословия, профессии на мелкие группы и группки, на клики и кланы — в пределе, на семьи и даже одинокие личности. Они превращают всю глыбу народа в кучу песка. Конечно, до этого дело не доходит, но уже сейчас глыбу нашу разрыхлили до опасного состояния.

Другой тип — разломы народа на большие куски, на части, которые отдаляются друг от друга. Между ними растет отчуждение, потом неприязнь, а у особенно активных даже и ненависть.

В работе по объединению надо иметь в виду оба эти типа разделений. Надо не только восстанавливать тонкие нити «молекулярных» связей между личностями, семьями, группами, но и обязательно наводить мосты между расходящимися частями, пока не образовались пропасти. Если этого не будет, то начнется процесс объединения внутри разных частей, но уже на почве ненависти, через создание образа врага в лице другой части нашего народа. Когда маховик такого «разделяющего объединения» раскрутится, остановить его будет очень трудно. Дело пойдет к катастрофе.

Пока что большинство русских такому ходу событий сопротивляется. Но ведь не только большинство решает исход дела. А в том меньшинстве, которое взяло курс на отщепление от народа, которое перекачивает свои шальные деньги за рубеж и отправляет туда жен и детей, похоже, идет процесс сплочения именно на основе социальной ненависти, которая легко может превратиться в национальную.

По нашим расчетам, ни один разлом в России еще не достиг того порога, за которым будет необратимый разрыв. Но времени мало, действовать надо в аварийном режиме.

Линии главных разломов

Мы начали разговор о том, где прошли по русскому народу трещины и разломы, что мы можем поправить или хотя бы сгладить острые углы. Сказали, что главное разделение прошло между всеми и каждым. Люди съжились, сплотились семьями и маленькими группами, отдаляются друг от друга, как разбегаются атомы газа в пустоте.

Но сначала народ раскололи на большие блоки — и так умело раскололи, что мелкие трещины прошли и по всем частям. Значит, надо определить, на какие блоки нас разделили. В каких же плоскостях прошли разломы? В двух — *социальной* и *национальной*. Это — те плоскости, в которых уложены пучки главных связей, соединяющих людей в народы. Связей общего хозяйства, общей культуры, общей памяти.

Для России обе эти плоскости были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску — и наоборот. Так же и достижения. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы. Какие-то обвалы были устроены диверсантами — когда в стране разлад, они лезут через все щели. Не в них сейчас дело, а в той лавине, которая струнулась от всех мелких взрывов. Вниз мы сползаем все вместе, но уже разделенные на части. Между какими же частями возникли самые острые противоречия?

И наши, и западные социологи непрерывно изучают этот вопрос, нас облепили электродами и датчиками, как испытуемых. Людям предлагают десяток типичных «межгрупповых противоречий» и просят указать, по мнению опрашиваемых, главные. Самым острым население считает противоречие между *богатыми* и *бедными*. Второе место — противоречия между *русскими* и *нерусскими*. Вот два главных разлома, их видят все — богатые и бедные, русские и нерусские. Не будем, как страус, прятать голову в песок от этой тяжелой реальности.

Но не будем и рвать на груди рубаху, возбуждая эмоции. Эту реальность надо понять — и найти способ ее преобразовать. Причем преобразовать, не доводя дело до катастрофы тотальной, которая всех испепелит. Это мы всегда успеем.

Верными стали старые слова: никто не даст нам избавления — ни Бог, ни царь и ни герой. Бог от нас, похоже, на время отвернулся, что неудивительно. Царя пока еще нет в Кремле. А герои... Лучше бы пока без них, они ведь если начнут, их уже не остановишь.

В чем дело, почему противостояние богатых и бедных? Разве, когда ломали советский уравнилельный порядок, было непонятно, что произойдет социальное разделение народа? Чего ожидали люди, голосуя за Ельцина?

Дело прошлое, но точку поставить надо. Правящая верхушка и ее подручные совершили подлог. Того, что они натворили с народным хозяйством, никто не обещал, а мы не ожидали. Народ был обманут, и за это рано или поздно жулики получат по заслугам. Но и сам народ, и его интеллигенция оказались слишком простодушными, они дали обвести себя вокруг пальца. Признаков подлога было достаточно, но их не желали видеть, поверили краснобаям — сначала Горбачеву, потом Ельцину. Так хозяйство наше было отдано на поток и разграбление. Мало того, что ценная его часть была продана за рубеж и деньги утекли туда же, так еще управляющими новые собственники оказались никудышными. Они угробили хозяйство второй в мире экономической державы. При этом ведут себя по-хамски, тычут людям в глаза свое несправедное богатство, читают им мораль.

Народным достоянием завладела часть общества, начисто лишенная созидательного инстинкта. А человек труда, который обустроивал и содержал страну, втоптан в нищету и несправедливость. Вот в чем национальная трагедия. И разделение народа произошло вовсе не потому, что бедные завидуют богатым и хотели бы отнять у них кошелёк. Дело в том, что нищета честных трудящихся людей, часто высокой квалификации, есть нестерпимое надругательство над разумом и совестью. Такое состояние разрушает народ и страну.

На этом пути выхода из кризиса не будет, нефтедоллары — временная передышка. Они даны нам свыше для проверки — задумаемся ли мы, сможем ли разумно истратить эти шальные деньги? А жить можно только своим производством, а не красть у детей и внуков.

Есть ли возможность воссоединить две части разорванного народа? Мы считаем, что такая возможность еще есть. Эти части социально разделены, но они еще не стали враждебными расами (классами). Половина богатых сознает, что это их богатство — плод уродливых социальных условий. Как граждане, они тоже считают, что *проиграли* от реформ. Эти люди не стали ни извергами, ни изгоями, они будут работать на восстановление страны. Отщепенцев, которые поклоняются маммоне, среди русских еще немного. Они не решат нашу судьбу, если мы найдем разумное, приемлемое для подавляющего большинства решение.

Это решение и надо вырабатывать совместно всем тем, кто желает объединения.

Богатые и бедные — линия раскола русских

Уже говорилось, что сегодня самым глубоким расколом население России считает разделение между *богатыми* и *бедными*. Диалог об этой линии раскола — важная тема в национальной повестке дня русских. О богатстве и бедности говорят даже на Всемирном русском соборе в Храме Христа-Спасителя.

Но разговор больших политиков и иерархов Церкви в таком высоком месте ограничен нормами этикета. Мы должны сформулировать тему на своем языке. Обратим внимание на ту сторону проблемы, от которой уходят и наверху, и внизу. Суть ее такова: по достижении некоторого порога в разделении богатых и бедных (в социальном расслоении) это разделение смыкается с разделением на русских и нерусских. И тогда образуется пропасть, навести мосты через которую становится уже очень трудно.

Речь идет о том, что в один народ собираются люди, ведущие совместимый, понятный всем *образ жизни*. Иными словами, социальное расслоение народа не может быть слишком

глубоким. Когда оно достигает «красной черты», разделенные социально общности начинают расходиться по разным дорогам и приобретают черты разных народов. Богатые становятся **новыми русскими**, что равносильно **нерусским**. Если от большинства («тела народа») отходит небольшая общность, в народе считают ее «отщепенцами» (а иногда и «врагами народа»). Если оказывается, что эта общность отделяется не по своей воле, а в силу созданных властью и обществом условий, ее называют «отверженными» или «изгоями». В любом случае речь идет о **разделении народа**.

Это мы и переживаем сегодня, но подобные драмы наш народ переживал и в прошлом. Они кончались трагедиями. Наложение этнических и социальных признаков — общее явление. **Этнизация** социальных групп — важная сторона политических процессов. В начале XX века социальный конфликт в России «рассек народ на части» — вплоть до гражданской войны. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга.

Крестьяне сравнивали помещиков с французами 1812 года. Так, сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал в наказе 1906 г.: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков».

Как дошли до этого, хорошо известно — отделяться от русских начала элита, богатое меньшинство. А.С. Грибоедов писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами».

На деле крестьяне долго противились такому расколу, но стоило им поднять голос, элита метнулась от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». То же произошло и с рабочими. После 1905 г. привилегированные слои стали относиться к

ним как к враждебной расе. Пролетарии и буржуа на этапе становления капитализма были двумя разными *этнoсами*. Отношение между капиталистом и рабочим по типу было в тот период частным случаем межэтнических отношений — отношений между колонизатором и колонизуемым.

В результате в первую русскую революцию «народ-крестьянство соединился с народом-рабочим». Возникло уточненное понятие «трудовой народ». После 1916 г. буржуазию и помещиков стали называть «внутренними немцами» — народом-врагом. Но к этому привели те, кто считал себя «белой костью». Они и стали отщепенцами. Надо бы из их опыта извлечь урок, но сегодня «белая кость» с помощью телевидения сумела обратить гнев сытых как раз на крестьян и рабочих. Видно, на чужих уроках учиться мы еще не научились.

Психология высшей расы

В народе возникают расколы, когда какая-то его часть резко меняет важную установку мировоззрения — так, что остальные не могут с этим примириться и не имеют времени и сил договориться. Тут речь не о мелочах, а о вещах, которые для людей считаются главными. Так, например, произошел раскол в русской церкви. Так мусульмане раскололись на суннитов и шиитов, а немцы при Реформации погрузились в Тридцатилетнюю войну, которая стоила им 2/3 жизней. Такие расколы нарастают медленно, заинтересованные силы могут рану растрепать (как это мы видим в Ираке).

Расколы, возникающие как будто из интереса, даже чисто экономического, на деле тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с *представлением о человеке*. Что есть человек? В глубине это вопрос религиозный, но в наше время его обычно маскируют учеными рассуждениями.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, «братья во Христе». Отсюда «человек человеку брат» — как отрицание языческого (римского) «человек человеку волк». Православие твердо стоит на этом, а в важной ветви протестантизма (у кальвинистов) было принято учение о предопределенно-

сти. Согласно ему Христос пошел на крест не за всех, а лишь за **избранных**. Остальные (**отверженные**) остались с неискупленными грехами и уже при рождении осуждены на вечные муки. Видимым признаком избранности стало считаться богатство, признаком отверженности — бедность.

Это соединилось с интересом богатых и породило целую идеологию. Мол, человеческий род не един, а разделен, как у животных, на разные виды. Из расизма, который как раз в то время изобрели, чтобы оправдать обращение в рабство и ограбление «цветных», в социальную философию Запада перенесли понятие «раса бедных» и «раса богатых» (рабочие тоже считались особой расой). Возник **социальный расизм**. Потом подоспел дарвинизм, и эту идеологию украсили научными словечками (это «социал-дарвинизм»).

Русская культура отвергла социал-дарвинизм категорически, тут единым фронтом выступали наука и Церковь (этот отпор вошел в мировую историю культуры как выдающееся событие). Но когда крестьяне в начале XX века стали настойчиво требовать вернуть им землю и наметилась их смычка с рабочими, русское либеральное дворянство и буржуазия качнулись к «народоненавистничеству». Будучи западниками, они получили оттуда готовую идеологию и вдруг заговорили на языке социал-дарвинизма. Большая часть элиты впала в социальный расизм. Рабочие и крестьяне стали для нее **низшей расой**.

Это сразу вызвало культурный раскол во всех слоях народа (хотя и в разных пропорциях). Потому и вся революция пошла не по Марксу — боролись не классы, а части расколотого народа, как будто разные народы.

Основная масса народа долго не могла поверить в расизм элиты, считала его проявлением сословного эгоизма. Ответный расизм возник только к концу Первой мировой войны, а проявился уже после Февраля 1917 г., летом.

Эта история для нас урок. Сегодня она повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей поддались, тем более что она подкреплялась шансами пожить за счет «низшей расы». Этот резкий разрыв с традиционным русским и православным представле-

нием о человеке проложил важную линию раскола. Она накладывается на другие, более мягкие линии разделения (например, между поколениями, социальными группами, профессиями), и тем укрепляется.

Теперь, в отличие от начала XX века, часть тех, кто возмнил себя «белой костью», а остальных «быдлом», количественно довольно велика, больше и агрессивность. Достаточно почитать в Интернете рассуждения этой «расы», чтобы оценить, как далеко она откатилась и от русской культуры, и даже от современного Запада. Мы имеем дело с социальным расизмом без всяких украшений. И в то же время каким-то детским, нерасчетливым.

Большинство «ребят» забрело в этот тупик от того идейного хаоса, что создан кризисом. Потащились за дудочкой совратителей. С ними надо налаживать разговор, пока они не зашли слишком далеко и пока не возник ответный расизм, делающий их изгоями. Тогда преодолеть этот раскол будет очень трудно. Материал «расовой» ненависти должен будет выгореть и сожжет многих.

Бедность и расщепление народа

Мы говорили, что в эпохи кризисов происходят такие расколы народов: от них отщепляются социальные группы, которые начинают осознавать себя особыми народами, иногда «новыми» (как «новые русские»). Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Это так бросалось в глаза, что премьер-министр Англии Дизраэли говорил о «расе богатых» и «расе бедных». Отцы политэкономии учили, что первая функция рынка — через зарплату регулировать численность расы бедных.

Люди богатых «иных народов» по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, начавшие говорить по-французски).

Но «этнизация» социальных групп, то есть их самоосознание как особых народов, происходит не только сверху, но и *снизу*.

зу. Совместное проживание людей в условиях бедности порождает самосознание, близкое к этническому. Крайняя бедность изолирует людей от общества, и они объединяются этой бедой. В периоды длительного социального бедствия даже возникают кочующие общности бедняков, прямо называющих себя «народами», даже получившими собственное имя.

Переплетение социальных и этнических способов сплочения наблюдаются при внедрении в «национальные» государства Запада мигрантов из других стран. Даже во Франции, которая гордится своим опытом объединения множества народов в единую нацию французов, интеграция мигрантов не удалась — их загоняли в *гетто*. Французская нация, ее социальный строй и государство *не справились* с задачей интеграции мигрантов в общество.

Пестрая смесь негров, арабов и азиатов образовала особый социальный класс. А во втором поколении, говорящие уже по-французски подростки, дети из этого класса, объединенные общим социальным положением, превратились в совершенно новый *народ*. Это называют новый «трайбализм» (от слова *tribe* — *племя*). Дети иммигрантов уже не следуют традициям или религиям своих отцов и дедов, они — не арабы или лаосцы, не мусульмане или буддисты. Эта молодежь, выросшая во Франции и говорящая по-французски, но не ставшая французами, сплотилась как племя, враждебное французам.

«Трайбализм обездоленных» приобретает на Западе радикальные формы. «Племена» начинают время от времени показывать свою сплоченность и степень своей вражды. Например, полтора года назад произошел взрыв ненависти такой молодежи в предместьях Парижа. У этого племени нет ни программы, ни конкретного противника, ни даже связанных требований. То, что они делают, на Западе уже десять лет назад предсказали как «молекулярную гражданскую войну» — войну без фронта и без цели, войну как месть обществу, отбросившему часть населения как обузу. Десять лет назад эта война виделась как социальная, но теперь она приобрела черты войны этнической.

У любого народа важным является представление о *бедности* — отношение к тому, что часть соплеменников живет в нищете. Русские культурные установки, выводимые из крестьян-

янского общинного коммунизма и Православия, исходили из того, что бедность есть порождение несправедливости и потому она — зло. По типу распределения благ русский строй жизни и в царское, и в советское время резко отличался от Запада — в нем были сильны уравнилельные принципы, предотвращающие крайнюю бедность. Во время нынешней реформы эти принципы были отвергнуты, и именно Запад был взят за образец «правильного» жизнеустройства, устраняющего ненавистную «уравниловку». Отрицание уравниловки и есть оправдание бедности, придание ей законного характера.

Реформа действительно делит наш народ на две расы, живущие в разных мирах и как будто в разных «Россиях» — на богатых и бедных. Тонкая прослойка «среднего класса» уже не может их соединить, и они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не свершился окончательно, но мы уже на его пороге.

От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности. В результате реформ в Российской Федерации образовалось «социальное дно», составляющее около 10% городского населения или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети и уличные проститутки. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее. Такого «дна» не бывало в истории человечества ни в одной стране.

Сложился и слой «придонья», размеры которого оцениваются в 5% населения (7 млн. человек). Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди «испытывают панику» — они еще в обществе, но с отчаянием видят, что им не удержаться в нем. Постоянно испытывают чувство тревоги 83% неимущих россиян и 80% бедных.

Общий вывод социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования» таков: «В обществе действует эффективный механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан».

Это — образование пропасти, отделяющей от русского народа общность величиной около 18 миллионов человек. При этом и большинство становится не вполне русскими — признать нищету ближних как норму жизни значит отвергнуть русскую культуру и Православие.

Представление о человеке и духовный раскол

Ответ на вопрос «Что есть человек?» лежит в ядре культуры любого народа и предопределяет облик всего национального жизнеустройства. Приняв какую-то определенную «модель человека», народ наращивает на нее все остальное — понимание прав человека и его обязанностей, благодати и греха, правильных, предосудительных или преступных отношений с другими людьми, с семьей, с государством и даже с природой. Все это формирует и этническое (или, в современности, национальное) самосознание — представление о человеке *своего* народа и его отношениях с людьми *других* народов.

С момента возникновения человека его осознание самого себя именно как **человека** складывалось коллективно в виде мифа, а позже в форме религиозного представления. Образы человека в разных религиях и даже в разных конфессиях одной и той же религии сильно различаются. Религиозные представления, на основе которых и складывались все большие культуры, и до сих пор задают нам главные контуры образа человека, хотя мы редко это сознаем. «Наш», русский образ уже отпечатался в подсознании и кажется нам «естественным». Поэтому мы так болезненно воспринимаем попытки его разрушить или переделать.

С образом, уходящим корнями в религию, в нашем сознании сосуществуют научные представления. Они не конфликтуют, поскольку культура выработала способы не смешивать разные способы видеть мир (хотя иногда конъюнктурные моменты порождают всякие «кампании»).

Надо принять и обдумать тот факт, что представление о человеке входит в «культурный генотип» народа и потому очень *устойчиво*. Но в то же время оно и *подвижно*, на него влияет и

наше бытие, и наше сознание — а они, несомненно, изменяются. Вот эту подвижность мы обычно недооцениваем.

Значит, русские представления о человеке, которые нас в первую очередь интересуют, надо брать исторически. Ясно, например, что представления славянских племен, из которых позже был собран русский народ, принципиально изменились после принятия христианства — по мере того, как оно проникало в души и разум людей. Короче, для нас актуально развитие представлений о человеке в русской культуре начиная с XVI века, вместе со строительством и укреплением Российской империи.

Описание представлений о человеке, которые сложились в разных культурах, занимается наука *антропология* (предмет *этнографии*, которая с антропологией тесно связана — описание обычаев и материальной культуры народов). Подавляющее большинство исследований в этнографии и антропологии сделано учеными Запада (или получившими образование на Западе). Это знание было насущно необходимо Западу со времени Великих географических открытий, а потом для управления колониями, а потом для борьбы с антиколониальными движениями, а потом для эксплуатации «третьего мира». Знаешь, как в народе представляют себе, что такое человек, — имеешь ключик к этому народу. В США говорилось, например, что их антропологи были причастны к свержению правительства Альенде в Чили — советовали, как надо действовать именно среди чилийцев. В 70-е годы в США работали две трети антропологов и этнологов всего мира. Они имели достаточно ресурсов, чтобы вести работы во всех частях света.

При таком положении дел любое исследование в антропологии представляло собой контакт западного и незападного обществ и всегда включало в себя их сравнение. Любой отчет, статья или книга о таких исследованиях представляли нам два образа, с выявлением их различий, часто очень тонких. Вот так видят человека в западных культурах, а так — китайцы, индусы, русские и пр.

По каким путям пошли представления о человеке после раскола христианства на Западное (Католическое) и Восточное (Православие)? Пережив Средневековье, Возрождение и Про-

свещение, западная культура прониклась «духом капитализма». Здесь произошла глубокая духовная революция — Реформация. Ее значение далеко выходит за рамки религии. Здесь вспомнили и модернизировали римскую формулу: «Человек человеку волк». На языке науки человек был назван *индивидом*. Мы тоже привыкли к этому слову и забыли, что оно означает. Ин-дивид это перевод на латынь греческого слова а-том, что означает *неделимый*.

Смысл «атомизации» человека был в разрыве всех общественных связей. Индивид, как идеальный атом, свободен, самодостаточен и находится в постоянном движении. Он «неуязвим для удара и неспособен испытывать никакого воздействия». Каков же индивид в отношениях с другими людьми «по своей природе»? Эту модель разработал Гоббс. Он утверждал, что атомы равны друг другу, но вот в каком смысле: «Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Природное состояние людей-атомов — *«война всех против всех»*. У цивилизованного человека, который живет в правовом государстве, эта война принимает форму конкуренции.

Антрополог М. Салинс (США) говорит об этом представлении: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма... В сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством».

В русской культуре было иное представление. Человек — не индивид, а личность, включенная в Космос и в братство всех людей. Она не отчуждена ни от людей, ни от природы. Личность соединена с миром — *общиной* в разных ее ипостасях, *народом* как собором всех ипостасей общины, всемирным *братством людей*.

Тут — главное различие культур Запада и России, остальные различия надстраиваются на это. На одной стороне — человек как идеальный атом, индивид, на другом — человек как член большой семьи. Понятно, что массы людей со столь разными установками должны связываться в народы посредством разных механизмов. Например, русских сильно связывает друг с другом ощущение родства, за которым стоит идея православного религиозного *братства* и тысячелетний опыт крестьянской *общины*. Англичане, прошедшие через огонь Реформации и раскрестынивания, связываются уважением *прав* другого. Оба эти механизма дееспособны, с обоими надо уметь обращаться.

Представление о человеке как о хищном животном на Западе то скрывалось, то выходило наружу. Ф. Ницше писал в книге «По ту сторону добра и зла»: «Сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация». Так дошли до идеи высших и низших рас, а потом до «человекобожия» — культа сверхчеловека.

Идеолог фашизма Розенберг уже писал: «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если он не может светить, то и Евангелия умерли... Теперь пробуждается *новая вера*: миф крови, вера вместе с кровью вообще защищает и божественное существо человека. Вера, воплощенная в яснейшее знание, что северная кровь представляет собою то таинство, которое заменило и преодолело древние таинства... Старая вера церквей: какова вера, таков и человек; северно-европейское же сознание: каков человек, такова и вера».

В споре с этими взглядами вырабатывалась православными философами в первой половине XX века «русская модель» человека как *соборной личности*. Она была принята за основу и советской антропологией (в других терминах).

Когда во время перестройки начали со всех трибун проклинять якобы «рабскую» душу русских и требовать от них стать «свободными индивидами», это в действительности было требованием отказаться от культурной идентичности русских. Под давлением соблазнов и новой идеологии часть русских,

особенно молодежи, пыталась изжить традиционное представление о человеке, но утрата собственных культурных черт все не приводила сама по себе к приобретению правового сознания англичан. Результатом становилось разрыхление связей русского народа (и даже появление прослойки людей, порвавших с нормами русского общежития — изгоев и отщепенцев).

Теперь для объединения народа русским надо решать трудную задачу ужиться двум частям, которые по-разному отвечают для себя на главный вопрос культуры.

Каждый — перед выбором, и надо определяться

Мы говорили, что корень нашей нынешней Смуты в том, что стало меняться представление русских о том, «что такое человек». Тут наше национальное сознание дало сбой. Нам казалось, что оно очень устойчиво, что в нем есть как будто данное нам свыше жесткое ядро. Оказалось, что оно подвижно и поддается воздействию образа жизни, образования, телевидения.

Смута привела к краху советского строя и затяжному кризису, разъединившему народ. Как это случилось?

Безымянные миллионы творцов советского строя исходили из того представления о человеке, которым был проникнут общинный крестьянский коммунизм. Они верили, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу — таков уж его «национальный характер». А поскольку все эти качества считались сущностью русского характера, данной ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно.

Эта вера породила ошибочную антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа, которые были присущи ему в период становления советского строя, были приняты за его природные свойства. Считалось, что их надо лишь очищать от «родимых пятен капитализма». Задача «модернизации» этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной вой-

ны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев!

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило на 4—5 поколений. Люди рождения 50-х годов вырастали в новых условиях, их культура формировалась под влиянием кризиса массового перехода к городской жизни. Одновременно шел мощный поток образов и соблазнов с Запада. К концу 70-х годов на арену вышел культурный тип, отличный от предыдущих поколений. Если бы советский строй исходил из реалистичной антропологической модели, то за 50—60-е годы вполне можно было бы выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, мы преодолели бы кризис и продолжили развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории.

С этой задачей советский строй не справился. Он потерпел поражение и сдал страну «новым русским». Следствием этого срыва являются не только разрушение Империи (СССР) и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания русской культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в «ловушку». Прежняя траектория исторического развития опорочена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего не получает поддержки у массы населения.

Вопреки разуму и совести большинства, с нынешнего распутия идет сдвиг русских к *эгоцентризму* (к человеку-«атому»). Этот дрейф к «Западу» начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой «стариков» подавить его негодными средствами. В 80-е годы этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС.

Что значит этот «сдвиг к Западу»? В кальвинизме, который дал религиозное оправдание рыночной экономике, люди изначально разделены на избранных и отверженных. Одни спасутся от геенны, другие нет (а кто конкретно, неизвестно). Их соединяет не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. Вебер пояс-

няет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему..., а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню».

Это и стало в раннем капитализме основанием для социального расизма — богатые и бедные разделились, как две враждебные *расы*. Потом их называли «классами», потом, разбогатевав, смягчили и классовую вражду, но разделение этой ушло вглубь, а не исчезло.

Человек мыслит в тех понятиях, которые ему навязала культура. На Западе четыре века человеку твердили: «Ты — индивид!» Он так и стал думать о себе и о других (о меньшинстве инакомыслящих не говорим). Раз индивид, то чуждается *общности*. Даже когда индивиды собираются в ассоциации для защиты своих интересов (партии, профсоюзы, корпорации), то это общности конкурирующих *меньшинств*. Вебер цитирует авторитетного богослова: «Слава Богу — мы не принадлежим к большинству». Наоборот, русский человек стремился быть «со всеми», в нашей культуре это качество считалось необходимым.

Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 г.: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче — быть с теми или другими. «А как же, — сказал он, — быть ни с теми, ни с другими, как?» — «С самим собою». — «Так это вне ответственности!» — ответил таким тоном, что о существовании вне общности он не хочет ничего и слышать».

Но последние 50 лет наша культура менялась, возник раскол. Он углубляется и расширяется. Тут — главная проблема разделения и объединения русских. Открыто обнаружился этот раскол весной 1991 г., когда готовилась приватизация. Горбачевская пресса тогда стала говорить о большинстве русских буквально на языке кальвинистов XVIII века — как о «расе отверженных» (лентяи, рабы, социальные иждивенцы, пьяницы и т.д.). Тогда казалось, что это просто идеологическая ругань, получают они вождеденную собственность, и это пройдет. Ну, будет русская буржуазия нас понемногу эксплуатировать, но все же народ не разделится.

На другой стороне думали иначе. В феврале 1991 г. газета «Утро России» (партии Новодворской) предрекала гражданскую войну. Кого с кем? Вот кого: «Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов».

От слов перешли к делу, старых русских вытеснили из их социального жизненного пространства. Крестьян оторвали от земли, из 10 млн. работников колхозов и совхозов сохранили свои рабочие места менее 2 миллионов. Половину рабочих и инженеров (10 млн.) выбросили с заводов. Эти «лишние люди» в массе своей терпят бедствие. Но мы говорим не о социальной стороне дела. Старые русские оказались в массе своей угнетенным и обездоленным народом, поскольку к концу XX века современное механизированное и высокотехнологичное хозяйство и научно-техническая деятельность стали основой *национального* типа хозяйства русских. Они уже не смогут вернуться к сохе и ремеслу как норме.

А те, кто пошел по дороге социального расизма, в виду этого бедствия стали звереть и в поисках оправдания еще сильнее раскручивать свою ненависть к «лузерам». На множестве сайтов и в «живых журналах» о бедной половине русских говорят уже как о недочеловеках. Обращаться к логике и совести «новых» бесполезно. Мы с ними — уже не один народ, изжито то «горизонтальное товарищество», что соединяет людей в нацию, делает их «своими». И раскол этот не совпадает с социальным расслоением — среди бедных тоже немало таких «кальвинистов», просто они считают, что им лично пока что не везет. А среди богатых немало типичных «старых русских», которые, доведись до «гражданки», будут вместе с нами.

Самое сложное — с той третью русских, у которых закружилась голова. В душе, как и раньше, они «с обществом», но под давлением идеологии начали говорить на языке индивидуализма и завидовать успеху «предпринимателей». Вот с кем надо разговаривать и не доводить расхождения по частным вопросам до раскола. Глупо русскому человеку напяливать на себя маску крутого индивидуалиста. Это проигрышный выбор.

Сейчас поддерживается неустойчивое равновесие. Если на него не воздействовать, сдвиг продолжится в сторону распада русского народа и государства. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным. В целом прогноз *тревожен*. Массовое сознание в России движется в тупик. Главное, что угроза вырождения России воспринимается большей частью русских как *вполне реальная и приемлемая*. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов).

Обрезав советские корни, русские не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Когда они дойдут до нужной кондиции, их богатства и человеческий материал будут потреблены более жизнеспособными цивилизациями. Многих в нынешней России такой вариант устраивает, поскольку они питают иллюзию, что они лично (их дети) попадут в число избранных.

Но исход вовсе не предопределен. Если русская молодежь хочет выжить как этническая общность, она должна хладнокровно рассмотреть все варианты будущего и определиться. Уйти от ответственности не выйдет.

***«И, пьяные, с улицы смотрим,
как рушатся наши дома»***

Эти грустные строки написал Александр Блок в 1908 году, размышляя о кризисе, который привел к революции. Они перекликаются с тем, что происходит с нами сегодня — в буквальном смысле.

Мы не раз подходили к вопросу о том, какие связи соединяют людей в народ. К ним относятся и общее мировоззренческое ядро, и общий язык понятий и смыслов, и наличие непрерывного низового обмена мнениями о важных общих делах, и способность собраться для того, чтобы отвести опасности, угрожающие общему пространству своего народа. Укреплять все эти связи — и значит *объединять* наш народ, который разделяет, растаскивает нынешняя реформа.

Мы видим, что деиндустриализация выталкивает русских из их цивилизационного пространства и рассыпает народ. Да, система трудовой (и прежде всего сложной производственной) деятельности — важный механизм создания и укрепления связей национальной солидарности. Но не менее важной частью русского цивилизационного пространства является и та культурная среда (техносфера), в которой протекает обыденная жизнь нашего народа вне труда — его *быт*.

В этой среде происходит, наверное, $\frac{3}{4}$ жизни человека — его детство и старость, семейная жизнь и большая часть досуга. Эта часть искусственного мира культуры развивается примерно в том же ритме, что и производство — и система связей народа развивается вместе с ними.

Устройство быта людей — один из механизмов, непрерывно плетущих этнические связи между людьми. Резкие и глубокие изменения нарушают этот механизм, а иногда могут и перепрограммировать его на *разрыв* связей народа — на отрыв одной части от другой, а потом и на «рассыпание» большинства.

Раньше это значение быта было вбито в коллективную память, и каждый народ охранял традиции своего быта как залог этнического существования. Эти традиции стремились сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII — начала XX веков на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по несколько лет жить в землянках, копи деньги на «дом», но не строили саманные мазанки, как местное население.

Но, как мы уже говорили, народ — сложная система, он живет в развитии или угасает. Наряду с устойчивостью традиции ему необходима способность к обновлению, изменению. Главное — не нарушить баланс устойчивости и изменчивости.

Русский народ пережил в XX веке тяжелейшую травму *урбанизации* — за короткий срок десятки миллионов человек переселились в города, их быт сильно изменился. В ходе этого болезненного процесса русская культура проявила удивительную пластичность, которая позволила избежать многих социальных болезней и рассыпания народа. Прежнее поколение

сумело перенести в город очень многие черты деревенского общинного быта, они помогли сделать приспособление к городу более плавным. Соответственно строились и наши городские системы, в них был усилен *коммунальный* (т.е. общинный) характер.

Взять хотя бы общее («централизованное») отопление, устройство дворов, целые рощицы деревьев между домами, межпоколенный состав окружающих со школами и детскими садами рядом с жильем. А главное, отсутствие гетто, разделяющих людей по социальному и национальному признаку.

Все это придавало нашим городам особый национальный характер, их облик и устройство «работали» на укрепление связей народа. Западный город построен во многом по-другому, он настроен на укрепление связей *их* народов.

Реформа угрожает не просто подорвать, но и разрушить до основания всю систему русского быта, уже устоявшуюся как современного городского, но именно русского быта. Вся доктрина реформирования ЖКХ написана как будто с тайной целью разорвать все взаимные связи русских, порождаемые бытом.

Полным ходом идет «геттоизация» социальных групп — появляются «элитные» дома и микрорайоны, коттеджные поселки. Вокруг них высокие ограды с кодовыми замками. Реклама обещает обитателям этих гетто охрану и автономное водо-, тепло- и энергоснабжение. Эта часть населения России отделяется от основной массы русских осознанно и почти необратимо — как в начале XX века европейцы отделялись в Китае от китайцев в точно таких же «элитных» кварталах.

Но для нас более важен не этот отрезанный ломоть, а судьба целого. Что ждет 90% домов, в которых живут люди с «нормальными» доходами? Судя по всем главным показателям, их ждет демодернизация — быстрый износ зданий и инфраструктуры до такого состояния, что многие черты современного цивилизованного быта будут нами утрачены. Мы с тревогой смотрим на грядущее изменение образа жизни большинства народа, но лишь через призму социальных прав и интересов. Но еще более важно, что это скажется на связности народа как национальной общности. Регресс быта столь же опасен для рус-

ских (как народа), как и регресс производства. Нас вышибают и из этой цивилизационной ниши.

Довольно быстро большинство русских сдвигается к быту *трущобного* типа — с плохим отоплением, с отказами водопровода и канализации, с отключением электричества. Это тяготы и неудобства, их можно пережить в войну. Другое дело — когда рядом вырастает «элитный» район. Тогда меняется психология, формируется сознание отверженных. Но это трущобное сознание перестает быть *национальным*. Посмотрите на крайний контингент в этом ряду — *бездомных*. У них уже нет национального чувства, они — *иной народ*.

Зародыш этого взгляда на мир будет нарастать у всех нас, по мере того, как будут ветшать наши дома, ставшие безмолвной жертвой реформы.

Еще одна межа в народе: деиндустриализация деревни

Мы говорили, что народ, как большая система, может или развиваться и укрепляться, или переживать *регресс* и слабеть, разрыхляться. Слабеть и разрыхляться — первая стадия болезни народа, не всегда очевидная. За ней идет деградация и разрыв связей, соединяющих людей в народ. В случае тяжелых кризисов дело доходит до *архаизации* — таком откате назад, что часть населения утрачивает те черты хозяйства и образа жизни, которые были присущи всему народу. Она отдаляется от него, приобретает черты племени, выпадающего из цивилизации.

Эти тяжелые, опасные для русского народа процессы были запущены во время кризиса 90-х годов, и маховик их еще не остановлен. Сейчас для нас важно вспомнить те доводы и логику, с которыми нас убедили поддержать, хотя бы пассивно, изменения в жизнеустройстве страны, толкнувшие нас на путь регресса и архаизации. Обдумать это нужно всем нам, в том числе и тем, кто агитировал за эти изменения. Будем считать, что многие из них делали это искренне, не предвидя последствий. Их ответственность этой искренностью не снимается — горе слабым, которые впадают в соблазны, но вдвойне горе тем, через которых соблазны приходят.

Здесь вспомним один из мифов, на которые опиралась доктрина *деиндустриализации* России, хотя он был направлен на деревню. Это миф о том, что частное хозяйство на маленьком участке эффективнее и выгоднее современных сельскохозяйственных предприятий. Под этим лозунгом и было проведено разрушение колхозов и совхозов и приготовлена к скупке земля. Надо подчеркнуть, что поддержали эту акцию исключительно горожане, а среди сельских жителей при большом опросе в 1989 г. частное предпринимательство и иностранный капитал одобрили лишь 3 и 0%, соответственно.

Пропаганду начали кое-кто из историков, и проявили крайнюю недобросовестность. А.С.Ципко писал: «В годы нэпа, в условиях семейного производства на земле, темпы прироста сельскохозяйственной продукции намного опережали те темпы, на какие оказались способны насильственно созданные колхозы».

Это ложь. Нэп был необходимой передышкой, но импульса к развитию он не дал. К 1928 г. посевы зерновых на душу населения сократились на 9% (в сравнении с 1913 г.), производство товарного зерна составило 48,4% от уровня 1913 г., доля занятых в сельском хозяйстве возросла до 80%, а в городе пришлось ввести карточки. Какие тут «темпы прироста продукции»!

В 90-е годы американские экономисты с помощью математического моделирования рассчитали шансы на успех продолжения нэпа без коллективизации. Они исходили из допущения, что СССР не проводил индустриализацию, грядущая война в учет не бралась. Оказалось, что при самом щадящем варианте, без изъятия из села средств для индустриализации, темп развития был бы слишком низким. Село не перешло бы к травопольным севооборотам и интенсивному хозяйству.

В модели ввели данные о земельном фонде, рабочей силе, численности лошадей, реальные погодные условия 1928—1940 гг. Критическим фактором оказалось поголовье тяглового скота. Его максимальный рост был рассчитан, с учетом всех условий России, на основе данных с 1882 по 1928 г. Вышло, что с 1928 к 1940 году численность рабочих лошадей выросла бы на 40%, но на их прокорм ушел бы весь прирост урожая. Россия

осталась бы с сохой, без промышленности и без атомной бомбы. Это был бы тупик.

В 90-е годы поддержка доктрине архаизации нашего села шла и справа, и слева. Писатель Д.Балашов в статье «Наших бьют!» («Советская Россия», 26.10.2000) пишет: «Не надо забывать про минувшие 70 советских лет, за которые нашу страну превратили в колониальный сырьевой придаток Запада... Да, конечно, — спутники и все прочее. Но! 80% продуктов в стране производилось на приусадебных участках... Эти несчастные «сотки» занимали всего 4% пахотной земли! И обрабатывались в основном тяпкой, мотыгой и граблями. То есть — наша милая власть сумела отбросить наше земледелие на тысячи лет назад, в прошлое, к временам мотыжного земледелия». 80% продуктов производили на «сотках», мотыгами! Какую чушь печатала газета!

Реально «сотки» давали к 1990 г. 26% всей продукции сельского хозяйства России (по фактическим ценам). Эта доля непрерывно уменьшалась по мере развития технологии крупных хозяйств. Снижалась и роль «соток» в бюджете колхозников, их доля в доходах семьи в 1989 г. составила 24,9%. Да и этого не было бы без колхоза! Оттуда получали трактор вспахать «сотки», горючее и удобрения, грузовик отвезти картошку на рынок.

Колхоз и «сотки» не конкурировали друг с другом. Это были две неразрывно связанные части одной производственно-бытовой системы. Пытаясь развеять миф о «сотках и мотыгах», в печати выступали видные организаторы сельского производства. Они объясняли, что противопоставлять колхоз и «сотки» глупо, что продуктивность «соток» основана на взаимодействии с большим хозяйством. Нет, наш средний горожанин уже не мог подняться на уровень мышления, каким владели колхозники.

«Сотки» специализировались на том, что позволяло лучше использовать ресурсы. Никому и в голову не приходило сеять на них пшеницу — с «мотыгой». Зачем, если колхоз производил зерно с затратами труда всего 1,2 человеко-часа на центнер? «Сотки» давали почти исключительно картофель. Уборка его приходилась на дождливое время и велась в основном вручную, хранилась большая его часть в личных погребах. Потому-

то около половины картофеля выращивалось на «сотках». Это позволяло вовлечь всех членов семьи и получить доход.

А производство мяса, молока и яиц на подворье быстро сокращалось, слишком это трудоемкая вещь по сравнению с колхозом, где на производство центнера молока затрачивалось в 1987 г. всего 8 человеко-часов труда, а на производство 1 тысячи яиц 15 часов. Поэтому доля производства молока на «сотках» упала за 1960—1990 гг. с 48% до 23,8%, а яиц с 78% до 21,6%. Те, кто знал село, культивировали миф о том, что Россия кормится с «соток», злонамеренно, а не по ошибке.

От реформы 90-х годов «село отступило на подворья» — по дворам разобрали колхозный скот, инвентарь, часть техники. Это был регресс, переходящий в архаизацию — трагедия для села и для всей России. В 2006 г. на «сотках» произведено 52% всей продукции сельского хозяйства — 90% картофеля, 78% овощей, 51% молока. И все это вручную, без помощи колхоза — чтобы выжить.

Эта беда имеет свое экономическое и социальное измерение. Но надо вспомнить и о национальной стороне дела. Отодвинутые от машин, электричества и современной агротехники жители деревни «выдавливаются» из цивилизации. А значит, истончаются их важные связи с остальными частями народа. Деревня отдалается от города, ее образ расплывается в тумане.

Когда уничтожали колхозы и совхозы, людей убеждали, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут *фермерские* хозяйства. Их пропагандой занимались поэты и эстрадные певцы, идеологи широкого диапазона — от Новодворской до члена Политбюро КПСС Яковлева. Вранья было очень много — со ссылками и на Столыпина, и на мудрых американцев. Но мы возьмем только главный лозунг, которым полоскали наши мозги: «Фермер накормит Россию!»

Что же мы имели через 17 лет «фермеризации всей страны»?

В 2006 г., когда была проведена Сельскохозяйственная перепись, число фермерских хозяйств составило 255,4 тыс., а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий — 21,6 млн. га (со средним размером земельного участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн. га. Это около

15% всей пашни в России. На этой земле фермеры произвели в 2006 г. 6,5% всей сельскохозяйственной продукции России. У них сильно отстает трудоемкая часть сельского хозяйства — животноводство. Здесь они дали только 3,3% от общего производства. За последующие годы положение принципиально не изменилось — в 2008 г. фермерские хозяйства произвели 8,1% всей сельскохозяйственной продукции, владея 18,6% всех посевных площадей России.

Каковы же перспективы в нынешней системе хозяйства? Очень небольшие. По данным Сельскохозяйственной переписи, из имеющихся фермерских хозяйств *сельскохозяйственную деятельность* осуществляли в 2006 году только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относятся к категории *«прекративших сельскохозяйственную деятельность»*. Еще 21,4 тыс. хозяйств считаются *«приостановившими сельскохозяйственную деятельность»*. Выходит, половина фермеров, получив землю, сами на ней хозяйства не ведут! Знают ли об этом русские люди, которые недавно были частичными собственниками этой земли?

Почему же фермеры прекратили пахать и сеять? В чем же дело? В том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным хозяйством без очень больших бюджетных дотаций. Это надежно установлено и в столыпинской реформе, и мудрыми американцами.

А обещанных дотаций фермерам не дали. Когда проводилась кампания *«фермеризации»* российского села, были обещания, что тем гражданам, которые выйдут из коллективных хозяйств и совхозов и заведут собственное хозяйство, будет оказана государственная поддержка. В конце 90-х годов около 80% фермеров не смогли получить такой помощи. Они работали себе в убыток, с огромной самоэксплуатацией. Сейчас, с ростом цен на зерно, финансовое положение фермеров немного улучшается, но в целом это не меняет дела.

В результате к 2006 г. 50,6% всей земельной площади занимали фермерские хозяйства, владеющие более чем 1000 га земли. Таковых было 4466 хозяйств — на всю Россию. Среди них выделялись 101 хозяйство, владевшие более 10 тыс. га ка-

ждое (в среднем по 56 тыс. га). Это российские латифундисты, уклад «третьего мира». Возник и слой малоземельных и безземельных фермеров, как ни странно это звучит. Из всех фермерских хозяйств в 2006 г. 17,4% вообще не имело земельных участков, и еще 20,5% имели участки до 3 га (в среднем по 1,7 га).

Важно, что наши фермерские хозяйства не приобрели образа капиталистической фермы, поэтому к их названию и добавилось определение «крестьянские». Выходит, «новая столыпинская реформа» опять провалилась.

Хозяйства эти, в основном, являются *семейными*. По сути дела, речь идет о трудовых крестьянских хозяйствах с очень малой долей наемного труда. Согласно изучению 187,6 тыс. хозяйств, в 1999 г. всего в них было занято 235,8 тыс. наемных работников (в среднем 1,3 работника на одно хозяйство), причем в среднем один работник за год отработал только **43,9 человеко-дня**. Реально, это батраки-сезонники. Затраты на оплату труда с социальными отчислениями составляли в структуре расходов фермерских хозяйств всего 10%.

Дальше хуже. В 2006 г. общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем **по одному работнику на 3 фермерских хозяйства**. Остальные — поденщики или сезонники. Таким образом, после 1999 года фермерские хозяйства в России в целом стали еще менее «капиталистическими». Тогда ради чего крушили имевшиеся развитые хозяйства?

Те фермы, которые ведут сельское хозяйство, имеют *руководителей*, их 146 тысяч. Это — отечественная сельская элита, фермерством занялась верхушка колхозно-совхозной деревни. Из этого числа руководителей 86 тыс. проработали в сельском хозяйстве более 20 лет. Мало того, это самый образованный состав — 34,2 тыс. (23%) руководителей имеют высшее профессиональное образование. Это агрономы, инженеры, зоотехники. Еще 4,8 тыс. имеют незаконченное высшее образование, а 46,6 тыс. (32%) — среднее специальное.

Изъятие из сельскохозяйственных предприятий такого числа опытных и высокообразованных специалистов и пре-

вращение их в мелких хозяев на клочке земли — колоссальный удар по отечественной экономике и по российской деревне. Это наша национальная беда, которую мы не поняли и к которой остались равнодушны.

Конечно, к старым колхозам не вернуться, но ошибку надо исправлять, искать новые формы соединения трудовые крестьянские хозяйства с крупными предприятиями, совместно модернизировать их. Это — национальная проблема русского народа, и уже ее обсуждение послужит его сплочению.

Малые города и связность народа

Малые города России... Простые три слова, а сколько в них чувства!

Но вернемся на землю. Мы обсуждаем проблемы сплочения всех частей русского народа, которые растащила, принизила и смутила реформа. Говорим и о социальном здоровье этих частей, и об укладе жизни.

Малые города — особая часть страны. Ведь страна живет в трех пространствах — пространстве деревни, малых городов, больших городов. Как опирается Россия на малые города и что с ними происходит сегодня, как это влияет на связность русского народа?

В городах с числом жителей от 10 до 100 тысяч проживают в России 32 млн. человек. Но дело не в массе, а в той особой роли, которую играют малые города. Они смыкаются с деревней, с сельским образом жизни. И в то же время это город, так что уклад жизни людей следует нормам не деревни, а города. Так в культурном пространстве малых городов соединяются крестьянское и городское мироощущение. Возникает мировоззренческий сплав — космическое чувство крестьянина тесно переплетено с присущими горожанину рациональностью и расчетливостью. Жители малых городов — особый культурный тип.

Народ устойчив, когда соединяет множество культурных типов, отвечающих социальным группам, поколениям, местностям. Культура малых городов — особый срез этой системы. Он

стал одним из главных устоев нашей цивилизации, соединяющих нас в народ. Если эта часть была бы выдернута из нашего культурного ядра, то все оно рассыпалось бы. Это была бы катастрофа распада культуры. Именно культурный тип малых городов придавал ей гибкость и устойчивость. Тотальное преобладание крестьянского видения мира затруднило бы модернизацию. Полный отрыв города от земли привел бы к свойственному мегаполисам космополитизму — и мы бы не устояли против Запада. Малый город соединял деревню и город, держал их в лоне быстро развивающейся русской цивилизации.

Зачем русским космическое чувство крестьянина? Ведь поднялся Запад через раскрестьянивание. И ничего — все умеет подсчитать, взвесить, разделить. Да, многим нравится западный тип жизни, это дело вкуса. Но теперь глупо переживать, судьба наша была определена тысячу лет назад, и уже в XVI веке мы стали для Запада «хуже турка». Пришлось идти своей дорогой, а она такая, что нам надо было за десять лет решать те задачи, на которые Западу история дала сто лет. А уж это никак было бы не осилить, если бы утратили космическое чувство и ощущение святости Общего дела.

Запад, усевшись на шею колоний и «третьего мира», мог стать безрелигиозным, а у нас каждое серьезное дело было не бизнесом, а подвижничеством. Весь труд русского пахаря — подвиг. Как говорят богословы, его труд имел литургическое значение — крестьянин, ведя свою борозду, был в прямом общении с Богом. Иначе ему было не справиться. Огромная масса людей в нашей истории вошла в современные виды труда и службы через культуру малых городов. А попади они из деревни сразу в мегаполис, и могли бы сломаться, сойти на дно.

Малые города воспитали большую часть тружеников русской науки. Здесь ставился их разум, острота взгляда и упорство. Этому помогала и близость Природы, и образ жизни. Другая похожая на науку служба, которая питается из малых городов — воинская. Отсюда черпало свое пополнение русское офицерство и во времена дворянства, и в советское время.

Но в то же время тесен мир малого города для многих людей, которые именно здесь начинают свой путь «наверх». Они

страдают от узости возможностей, задыхаются в полукрестьянском укладе. «В Москву! В Москву!» — стонали чеховские три сестры, Москва для них была образом Европы, и их европейская душа не находила себе пищи в провинциальном городке.

Индустриализация СССР поневоле опиралась на крупные города. При острой нехватке ресурсов только здесь можно было создать необходимую плотность культурных и трудовых сил. «Одноэтажный» СССР отставал в развитии. Но уже с 60-х годов велась целевая программа по расширению социальных возможностей малых городов. Здесь создавалась сеть современных предприятий — отделений крупных заводов и комбинатов. Молодежь получила рабочие места с высокой технологией, увеличилась и подвижность работников — стали много ездить к смежникам, на обучение, для наладки и ремонта у пользователей. Эти десятилетия были и временем бурного развития научно-технической системы страны, строительства больших сооружений, освоения Севера, так что много молодых людей уезжали на учебу, стройки, в экспедиции. Кризис оторванности малых городов от большого мира был предотвращен.

Все эти каналы социальной мобильности были моментально, катастрофическим образом перерезаны рыночной реформой 90-х годов. Именно малые города оказались самой незащищенной против такого удара частью страны. Каково их положение сегодня и какие меры необходимы исходя из национальных интересов русского народа, мы обсудим в следующем тексте.

Судьба малых городов

Как реформа изменила уклад малых городов России? Внешне кажется, что деревня обеднела в ходе реформы гораздо сильнее, но формальные показатели обманчивы. Деревенский двор стоит на земле, его главное средство производства и предмет труда — вот они. Да, тип труда изменился, когда реформа придушила крупные сельские предприятия. Регресс налицо, но нет здесь той безысходности, как в малом городе, где

останавливается единственное современное предприятие или цех парализованного реформой большого комбината. Отсутствие заработка и перспектив здесь оказывается тотальным, и ощущение безнадежности давит на людей невыносимо. Они начинают метаться, ездить за тридевять земель выполнять любую работу в большом городе, бродить по стране. Молодые люди сбиваются в стаи, стоят кучками в городском сквере. В руке бутылка пива, в глазах тревога. Работодателем для них становится криминальный мир.

Давит и демонстрационный эффект большого города. Он всплыл, как будто оттолкнувшись ногами от тонущих малых городов и села, растлевают и одновременно обозлят заехавших поглядеть на «настоящую жизнь» молодых людей. Ведь ножницы в возможностях, которые предоставляют столицы и райцентры, раздвинулись до размера пропасти. Как будто у больших городов образовался свой «третий мир». Он еще не свалился до уровня бразильской фавелы, но во многих регионах к этому дело идет. Когда в репортажах по телевидению показывают котельную или канализацию, на которых произошла авария в малом городе, то жуть берет. Где взять средства заменить эти полностью изношенные трубы и насосы?

Да и между самими малыми городами возникли разрывы. У одних заработало предприятие или возникли модные дачные места на водохранилище — тут жизнь задышала. Торговля, транспорт, охранные предприятия. Через тридцать километров другой такой же городок — погружается в трясины. Распадается ткань всей сети малых городов, которая скрепляла страну.

Пока что средой обитания десятков миллионов жителей этих городов поддерживает инерция старых систем — осталось какое-то производство, школы, больницы, воинская часть. Стоят еще дома, хотя уже валится с потолка штукатурка, работает водопровод, хотя и с перебоями. Но не видно никакого импульса к возрождению, в брошенных цехах уже и стекла из окон разворовали. Будет ли это скольжение в никуда остановлено? Нет, не видно ни силы, ни воли для такого усилия!

Эта безысходность чревата потрясениями, и они зреют, как нарыв. Какое-то время люди надеялись, что эта напасть временная и жизнь наладится. Сейчас видно, что положение ста-

билизируется именно в этом гнилом состоянии. Даже золотой дождь нефтедолларов не дает ни капли для оживления малых городов как системы. При нынешнем рынке они действительно превращаются в «третий мир» с его порочными кругами. В то же время телевидение с его рекламой и наглым образом живущей столицы разбудили в молодежи малых городов болезненные и несбыточные желания и иллюзии.

Отброшены свойственные малым городам неприязнительность и спокойствие жизненных планов, кризис заставляет хватать наслаждения здесь и сейчас. Возник «культ иномарки», молодые люди убивают время и скудные деньги, покупая, ремонтируя и продавая поношенные «тойоты» и «фольксвагены». Но этот суррогат деятельности не успокаивает. Закупоренные наглухо каналы социальной мобильности создают у молодежи ощущение, что она навсегда заперта в каком-то гетто, что их город как будто выброшен из страны на обочину жизни. И никаких форм борьбы против этой наползающей серой мглы нет. Даже политика, какая-никакая, — там, в Москве, этом «сияющем городе на холме». Там шумит Жириновский, там гусары президентского полка.

Инерция старых норм и старой культуры иссякает, и ее тормоза скоро откажут. Тогда и прорвется нарыв. Как прорвется, мы не знаем. Никто не мог предугадать, что подростки малых городов, спутников Парижа, станут для психологической разгрузки жечь автомобили. Кто-то им посоветовал такой сравнительно безобидный, но зрелищный способ. Что придумают авторитеты для наших подростков, пока не известно.

Говорят, что в городках Франции машины жгли темнокожие подростки, а у нас таких нет. Но это ложное успокоение. «Новые гунны» в предместьях Парижа вовсе не выражали чувства арабов или мусульман. Нет у них ни национальной, ни религиозной, мотивации. Гетто, из которого нет нормального выхода в большой мир, сформировали из них что-то вроде особого племени, не имеющего национальной принадлежности. Это племя враждебно окружающей их цивилизации, у него нет ни программы, ни конкретного противника, ни даже связанных требований. То, что они делают, на Западе уже десять лет изучают как «молекулярную гражданскую войну» — войну без фронта и

без цели, войну как месть обществу, отбросившему часть населения как обузу.

Разве мы не переняли у Запада этой его болезни, отягощенной у нас разрухой хозяйства? И главное тут не распад социальной системы. Часть молодежи, лишенная социальных перспектив, отделяется от народа, от его культуры и общего взгляда. Это — еще одна трещина, которая углубляется. И ни увеличением штата МВД, ни песенкой о «равных возможностях» этого процесса не остановить.

Равные возможности надо реально создавать — это и должно стать нашим срочным «национальным проектом».

Разделенные русские

С развалом СССР русский народ оказался разделенным между разными государствами. Это — очевидное и важное разделение в двух главных координатах нашей жизни, пространстве и времени.

С пространством ясно — основная масса русских оказалась в Российской Федерации, но большие части народа на территории других государств. Кто на Украине, кто в Латвии или Казахстане. В начале 90-х годов это казалось абсурдом, который вот-вот должен быть устранен. Латвия и Эстония вообще возникли в лоне Российского государства. В XIII веке славяне, латгальцы и эсты жили вперемешку, воевали то с Ливонским орденом, то со шведами, то между собой. Нынешняя Латвия вообще из-за ошибки в переводе старых ливонских хроник взяла себе славянский флаг — особый бело-синий флаг славянских дружин, которые входили в союз с немецким орденом. И вот, потомков тех славян оторвали от их народа и сделали гражданами (или даже не-гражданами) Латвии. Можно ли принимать это всерьез?

В 1991 г. это можно было не принимать всерьез — по инерции. Но сегодня мы должны оценить роль *времени*. Народ — система, находящаяся в непрерывном развитии. Она устойчива, но в то же время изменчива. Если существенно меняются условия жизни, меняется и этнический облик общности. В какой мере сказались последние 16 лет на облике русских, остав-

шихся за пределами Российской Федерации? В общем, очень значительно, хотя и в разной степени в зависимости от места. Что послужило самыми мощными силами, которые заставляли русских измениться?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, какие силы формируют этничность, то есть ту матрицу, на которой воспроизводится народ. Во-первых, это *государство*. Особую роль государство играет, конечно, на стадии «рождения» народа. Потом он может даже утратить свою государственность, но продолжать свое существование в лоне другого государства, если оно это допускает. Например, под давлением обстоятельств Грузия вошла в состав России, и это было спасением для грузин — они сохранились и укрепились как народ. Россия и СССР этому не препятствовали. Теперь положение русских в различных республиках вне Российской Федерации различно. Например, в Латвии государство явно стремится ослабить и «потушить» этническое самосознание русской части населения.

В какой степени русские могут сохранить в этих условиях свою «русскость»? В большой степени, но все равно это уже будет иная русскость. Государство воздействует на сознание человека огромным числом явных и невидимых сил, и уклониться от этого воздействия нельзя, а защититься трудно. Приходится идти на множество компромиссов. Например, не могут школьники не учить ту историю, которую им дают по программе, утвержденной государством. Как ни отвергает ее сознание подростка, заученные образы действуют на подсознание.

Этническое сознание складывается под воздействием *пространства*. Русский в Латвийской ССР ощущал как свое пространство всего Союза — как и русский в РСФСР. Теперь положение этих двух русских общностей резко различается. Для русского в Латвии «своим» все больше становится пространство Евросоюза.

Ясно, как важен для поддержания этнического сознания *язык*. Казалось бы, кто может запретить человеку думать и разговаривать с близкими на родном языке — хоть в Грузии, хоть в Латвии (хотя в Испании при Франко, например, запрещали разговаривать на языке басков). Но языковая среда для русских в Российской Федерации и в Латвии очень различается. В Латвии

русский язык вытеснен из многих сфер жизни, он не заполняет пространство, как раньше. А значит, какие-то части его засыхают, съеживаются.

Важнейшее воздействие на этническое сознание оказывают контакты с *«иными»*. Но у русских в Российской Федерации и в Латвии состав «иных», которые с ними тесно контактируют, резко различается. Соответственно, расходятся и профили этничности, которая формируется под влиянием этих контактов.

Наконец, мощной силой «созидания этничности» служит *хозяйство*. При том, что хозяйство и Российской Федерации, и Латвии вроде бы переходит на схожие рыночные рельсы, различия по структуре и масштабам экономики, типу отношений, образу жизни и множеству других признаков у русских по обе стороны границы различаются очень сильно.

И это — лишь малая часть «сил», которые лепят этнический тип русских, оказавшихся в разных государствах. Какие выводы из этого следуют? Прежде всего, надо отказаться от ложного убеждения, что все русские остались теми же, что и раньше, что между этими частями разделенного русского народа различия несущественны. Мол, «русский и в Африке русский». Лучше исходить из реальности и изучать, чем отличаются разные части русского народа и каковы тенденции этих различий.

Второй вывод: сохранение и воспроизводство «русскости» отделенных от главного тела народа частей требует специальных и творческих усилий. Самопроизвольно этничность не сохраняется и не воспроизводится, она угасает. Если мы хотим держать Русский мир, требуется воля, труд и средства.

Линия потенциального раскола: религиозное и рациональное сознание

Мы говорили о тех линиях раскола в русском народе, которые вызваны расхождениями в позиции по какому-то важному вопросу мировоззрения. Например, в понимании, что такое человек или что такое справедливость в отношениях людей. Совокупность этих важных вопросов и есть та мировоззренческая матрица, на которой собран народ. Эта матрица — сложная система, составленная из блоков, а те — из элементов.

Те расколы, о которых сказано выше — следствие конфликтов **внутри** одного блока мировоззренческой матрицы. Но и **между** блоками всегда есть противоречия. В стабильные периоды жизни народа эти противоречия сглажены, условия их сосуществования основаны на компромиссе, на разграничении сферы влияния каждого блока. В моменты кризисов компромиссы рушатся, может вспыхнуть борьба, создающая новую линию раскола в народе.

Объединительная деятельность в том и состоит, чтобы выявлять зоны потенциальных конфликтов, вводить их в разумное русло, прерывать их лавинообразное развитие. Это сделать легче, чем потом наводить мосты над пропастью.

Зонай такого потенциального конфликта в наше время становится взаимоотношение между центральными блоками мировоззрения — **рациональным и религиозным** сознанием. Это одна из самых деликатных проблем, но говорить о ней приходится — не вдаваясь, конечно, в сокровенную суть религиозной веры и научного знания, а рассуждая о жизни грешных людей на грешной земле. То есть, о делах общества.

Суть проблемы такова. От начала рода человеческого и поныне человек обладает двумя уникальными способностями — сознанием религиозным и сознанием рациональным. Первое позволяет его мыслям проникнуть в «потусторонний мир», познать великие истины через Откровение. Второе — познавать «естественные» законы земного бытия, открывать причины вещей и использовать это знание в обыденной жизни; для этого разум выработал много методов и инструментов (четыре века назад и такой мощный метод, как **наука**).

Спор о том, какой тип сознания человеку нужнее, смысла не имеет. Без каждого из них человека просто не существует, хотя он не всегда отдает себе отчет о значении того и другого. Хороший пример — атеизм или «вера в то, что Бога нет». По своему типу сам атеизм относится к числу религиозных воззрений. Богословы иногда применяют даже понятие «естественный религиозный орган» человека — его неуничтожимая способность видеть мир в понятиях, не сводимых к инструментам рационального мышления, ощущать **святость бытия**.

Одинаково важны оба типа сознания для соединения людей в племена, народы и нации. Именно религиозная мысль породила первые **общественные** представления и соединила людей в этнические общности, отличимые от других. Религиозное чувство стало и тем корнем, из которого возникла культура. Если взять поздние этапы развития человечества, то увидим, что народы и нации сложились в культурах, питающихся от великих мировых религий. Можно сказать, что русский народ создан Православием, как арабские народы — Исламом.

Сегодня даже можно слышать, что «русскость — это Православие». Но это — поэтический образ. Признать это значило бы «национализировать» религию, лишить ее вселенского смысла. «Создавая» народы, религия переплетается с множеством нитей из чисто «земного» материала. Так возникают православные русские и православные греки или румыны.

В моменты кризисов эти нити в местах соприкосновения испытывают отторжение — возникает раскол. Мы знаем о расколе русских, вызванном противостоянием двух ветвей в самом Православии. Другой, не столь глубокий, раскол возник в начале XX века из-за конфликта религии с идеологией в период революционного потрясения — они оказались по разные стороны фронта. Это два разных блока мировоззрения. Сейчас назревает новое разделение — по линии раздела между религиозным и рациональным сознанием. Его признаком служат, например, споры о преподавании в школах эволюционного учения о происхождении человека.

Это разделение во многом вызвано тем, что к религии прильнула большая доля интеллигенции, воспитанной в научном мышлении. У этих людей возникла сложная проблема совмещения веры и знания. Духовный кризис приводит к шатаниям и крайностям, к попыткам «рационализации религии» или, наоборот, внедрения религии в рациональность. Такое смешение порождает расколы, которые русским сегодня совершенно не нужны.

Философ, который много об этом думал, — Ницше. Многие его установки мы не принимаем. Но он хорошо выразил общее правило: «Высшая культура должна дать человеку двойной мозг, как бы две мозговые камеры: во-первых, чтобы вос-

принимать науку и, затем, чтобы воспринимать не-науку; они должны лежать рядом, быть делимыми и замыкаемыми и исключать всякое смешение; это есть требование здоровья. В одной области лежит источник силы, в другой — регулятор».

Запад и расколы русских

Люди осознают себя как народ в сравнении с другими народами, как «мы» и «они». Для сравнения в качестве «иных» берутся народы, которые оказывают большое влияние на «нашу» судьбу. Начиная с XVI века такими для русских стали народы Запада («немцы»). С Запада приходили теперь захватчики, несущие главные угрозы для России, отсюда же приглашали учителей. К Западу русские относились с напряженным вниманием, перенимая у них многие идеи и технологии. По поводу отношения к Западу среди русских шел непрерывный диалог и возникали конфликты, так что даже оформились два течения — западники и славянофилы.

Ненависть к Западу никогда не была стержнем самосознания русских. От этого нас уберегла история — во всех больших войнах с Западом русские отстаивали свою независимость, а в двух Отечественных войнах одержали великие победы. Это укрепило не только русский народ, но и ту нацию, которая складывалась вокруг него в России и СССР. Кроме того, самосознание русских в их сравнении с Западом укреплялось успехами в культурном строительстве — большинство русских чувствовали себя, в главном, на равных с Западом..

Не слишком задумываясь об этом, русские считали себя самобытной цивилизацией, как это принято и в мировой науке. К концу XX века мы подошли с определенным мнением о Западе, и особенно о США, как об *ином*, задающем координаты для нашего самоосознания. Это мнение выражали духовные авторитеты народа, начиная с Гоголя и Пушкина.

Да, многое есть у Запада, чем можно восхищаться, но есть и неприятие, возникшее с отходом его от православного представления о человеке. Это сочетание делало вдвойне важной роль Запада как *иного* для самосознания русских, поднимало его образ на высокий уровень.

Антиправославный дух Запада играл в нашей жизни большую роль. Особым воздействием «заразительного дыхания» Запада на Россию были провоцируемые им расколы общества и, говоря современным языком, национальные предательства тяготеющей к Западу части элиты. Вторжение в русскую жизнь западного капитализма с конца XIX века вызвало особенно тяжелый раскол и довело до революции.

Таким образом, Запад и его наиболее «чистое» воплощение — США — были для русских важнейшей системой координат, в которой они понимали сами себя. В 70-е годы XX века в сознании части интеллигенции возник кризис, эта часть в холодной войне встала на сторону Запада против СССР. Так, А.Д. Сахаров, признанный духовный лидер нашей демократической интеллигенции, стал открыто бороться с нашей «империей зла». Он завалил президентов США требованиями о введении санкций против СССР и даже о бойкоте Олимпийских игр в Москве в 1980 г. В 90-е годы демократы этим хвастались, теперь помалкивают, но надо же вспомнить урок.

Урок в том, что Запад по-разному действовал на разные части нашего народа и «растаскивал» его. Так он действует и поныне. Очевидно, что никаким примером благородства и гуманизма Запад служить для русских не мог и не может. Во время бомбардировок Сербии и Ирака большинство русских это осуждало, подавляющее большинство западных обывателей поддерживало. Значит, прозападная часть нашего общества в этот момент откалывалась от народа.

Более того, все 90-е годы правящая верхушка требовала от русских принять Запад как идеал гуманизма и демократии. Это нанесло тяжелый удар по мировоззренческой матрице народа. Нам ломали устои нравственности и совести, критерии различения добра и зла. То, что мы считали у Запада для нас неприемлемым, теперь требовали считать образцом для подражания. Власть обрушала здание национального самосознания. Было невозможно перенести, что тот Новый мировой порядок, который США стали лихорадочно строить после 1990 г., был официально одобрен самим российским государством.

Этот порядок был противен совести нашего народа и главным устоям русской культуры, так что его одобрение создава-

ло конфликт между этой совестью и государством, что разрушало важную систему «народообразующих» связей. На деле власть и элита вели *демонтаж* народа, ибо переделать его мировоззрение политики не могли, но подорвать его связность им было по силам.

Сегодня мы понемногу выбираемся из этого опасного состояния, восстанавливаем в этом вопросе свою идентичность. Задача в том, чтобы на этом пути не сорваться ни вправо, ни влево и не породить без необходимости новых расколов внутри себя в связи с отношением к Западу.

РУСОФОБИЯ

В нынешнем собирании и укреплении русского народа всем нам придется столкнуться с важным противодействием в духовной сфере — *русофобией*. Этим словом обозначают широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским — от страха до ненависти. Чтобы овладеть этим сложным и неприятным обстоятельством, нужно иметь о нем хотя бы минимальный запас знания и не поддаваться эмоциям.

Русофобия — зарождение и истоки

Наиболее важной для нас является в данный момент русофобия Запада (своя, *отечественная русофобия* — особая проблема). Она имеет примерно тысячелетнюю историю и глубокие корни. Это большая и сложная идеологическая конструкция, составная часть *евроцентризма* — лежащей в основе западного мировоззрения концепции, согласно которой в мире имеется одна *цивилизация*. Эта цивилизация — *Запад* (не в географическом, а в культурном смысле). Он якобы берет свое начало от Древней Греции и Рима (античности) и прошел в своем историческом развитии единственно правильный путь («столбовую дорогу цивилизации»). Остальные народы («варвары») отстали или уклонились с этого пути.

Всякого рода *фобии* — страхи и ненависть к *иным* — стали с раннего Средневековья важным средством в формировании самосознания народов Запада. Это были прежде всего фобии к тем, от кого исходил вызов («варвары на пороге»), и к тем, кого Запад подавлял и угнетал — и потому ожидал угрозы, которая до поры до времени таится под маской покорности.

Например, программа выработки интеллектуальных и художественных оснований *русофобии* началась на Западе, когда Россия возродилась после татарского ига в виде Московско-

го царства. О ней надо помнить без эмоций, хладнокровно — ведь так европейцы защищали свою идентичность, боялись не только силы русских, но и духовных воздействий, *соблазна русскости*. Но и игнорировать этот их способ защиты нельзя.

Однако русофобия возникла и развивалась на более раннем основании — на ненависти к Восточному христианству (Православию), от которого с VII века стала отходить Западная (католическая) церковь. В 1054 г. римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга анафеме — произошел формальный раскол (схизма). Эта анафема была «предана забвению» только в 1965 г. — папой и константинопольским патриархом.

Под этим расколом лежала и более широкая причина — разделение в IV веке на Западную и Восточную Римские империи означало расхождение двух больших цивилизаций. Наследницей Восточной, Византийской империи и считала себя Россия (в духовно-религиозном смысле Москва была названа «Третий Рим» — а «вторым» и была Византия).

Ненависть раннего Запада распространилась на *славян* — большое число племен и народов, обитавших на Балканах, по Дунаю и к востоку от Лабы (Эльбы). Они тяготели к Восточному христианству, что давало идеологическое обоснование ненависти (а значит, и завоеванию). Еще в XVIII веке все восточноевропейские народы обозначались на Западе понятием «скифы», пока историк Гердер не позаимствовал у варваров древности имя «славяне», благодаря чему Восточная Европа обрела образ *славянского края*. Славяне долго еще были для западных европейцев скифами, варварами, *Востоком*. Отправляясь из Вены в Прагу, Моцарт считал, что едет *на Восток*, к славянам (хотя Прага находится *западнее* Вены).

Систематическая очистка земель от славян продолжалась четыре века — с кровавых походов короля франков Карла Великого (VIII век). В хрониках, которые писали сопровождавшие его аббаты, славяне назывались не иначе как жабами и червями. Остановили этот напор Александр Невский на севере и монголы в Венгрии в XIII веке. Главы западных учебников всемирной истории о том, как Альберт Медведь и Генрих Лев очи-

щали от славян центр Европы, читать страшно. Хотя моравы, венды и сербы уже были крещены, их уничтожали в качестве **язычников**.

Православие было объявлено языческой ересью, и норманны опустошали побережья Византии и Балкан, следуя указаниям св. Августина: поступать с язычниками так же, как евреи с египтянами — **обирать** их. В XII веке начались **крестовые походы** против славян, и дело поставили на широкую ногу.

Важнейшим для русской истории стал IV Крестовый поход в 1204 г. — против Византии, христианского государства. С ним прямо связано историческое решение и подвиг Александра Невского.

Русофобия: Запад и Византия

Одним из первых истоков русофобии западных европейцев было представление о русских как религиозных отступниках. Русь приняла христианство от Византии. Из этого факта выводилось мнение об «азиатскости» и даже язычестве славян, которые стягивались в русский народ.

В среде просвещенных западников в самой России духовная связь Руси с Византией также считалась причиной «умственной незрелости» русских. Чаадаев, который считается первым русским философом, писал: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими [западными] народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания». Эта мысль свербит у наших западников и сегодня. Новодворская оплакивает Россию: «Нас похоронила Византия, и геополитика нас отпела».

Историк Н.И. Ульянов пишет в эмиграции: «С давних пор отшлифовался взгляд на сомнительность русского христианства, на варварство и богопротивность его обрядов, на отступничество русских, подлость их натуры, их раболепие и деспотизм, татарщину, азиатщину, и на последнее место, которое занимает в человеческом роде презренный народ московитов».

Так вспомним судьбу самой Византии. Чем была вызвана ненависть к ней Запада, сейчас понять трудно. В XI томе «Все-

мирной истории», по которой сегодня учатся на Западе, дается такое объяснение: «При виде богатства греков латинский мир испытывает восхищение, зависть, подавленность и ненависть. Комплекс неполноценности, который будет удовлетворен в 1204 г., питает его агрессивность по отношению к Византии».

Давайте прочтем в XIII томе «Всемирной истории», чем кончился в 1204 г. IV Крестовый поход против Византии, христианского государства. Описан он с множеством оправданий оголодавших рыцарей, но от документов самих аббатов не уйдешь. Вот что было после того, как штурмом был взят и сожжен Царьград: «Наконец рыцари и солдаты дали выход традиционной ненависти латинского мира к грекам. Грабежи, убийства и изнасилования охватили город. Невозвратны были утраты сокровищ искусства, накопленных в стенах Византии за ее почти тысячелетнюю историю. Целиком сжигались библиотеки, из церковных предметов были выломаны драгоценные камни, переплавлено в слитки золото и серебро и разбит мрамор.

Воины, начавшие свой поход как крестоносцы, не уважили религию: монахини были изнасилованы в монастырях; в соборе Святой Софии пьяные солдаты разбили молотками и топорами алтарь и серебряный иконостас; проститутка уселась на трон патриарха и распевала французские песни, вино пили из священных сосудов».

В отдельной хронике описано, как аббат Мартин из Эльза-са, угрожая настоятелю церкви Пантократора смертью, заставил его открыть тайник с реликвиями и «набил карманы своей сутаны» сокровищами. Он вывез 52 бесценные реликвии, список которых прилагается. Венецианцы увезли бронзовую квадригу, которую император Константин установил в своей новой столице. Сегодня она украшает вход в собор Св. Марка в Венеции. Хроники отмечают, что когда в 1187 г. сарацины захватили Иерусалим, они не тронули христианских храмов и разрешили христианам выйти из города со всем их имуществом.

Все это прекрасно знал Александр Невский (многие монахи, свидетели дел крестоносцев, ушли в Россию). А наши демократы его поносят за то, что он не сдал Русь тевтонам. С чем же шли на Русь тевтоны? В булле от 24 ноября 1232 г. папа Гри-

горий IX призвал ливонских рыцарей-меченосцев идти в Финляндию «защитить насаждение христианской веры против неверных русских». В булле от 9 декабря 1237 г., после объединения Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, этот же папа призывает организовать «крестовый поход». В походе должны были участвовать датские крестоносцы в Эстонии, тевтонцы и шведские рыцари. В этой кампании и произошла битва со шведами 1240 г. на Неве, за которую Александр получил свой титул. Он опередил немцев, которые шли на соединение со шведами. В булле от 6 июля 1241 г. Григорий IX просит и норвежского короля присоединиться к «крестовому походу против язычников».

Это отношение к Православию и православным славянам в принципе не изменилось в Новое время, да и до сих пор — оно просто ушло в подсознание. Разве Ватикан извинился за крестовый поход против христианской Византии в 1204 г., подобно тому как извинился перед Галилеем или перед евреями за изгнание их из Испании в 1492 г.? В XIX веке Карла Великого, «очистившего» Центральную Европу от славян, называли главной фигурой истории Запада — выше Цезаря и Александра Македонского. Когда Наполеон пошел на Россию, его называли «воскресшим Карлом». В 1942 г. фашисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца», а в ФРГ кардинал из Кельна назвал холодную войну «реализацией идеалов Карла Великого».

Ко всему этому надо относиться спокойно, но учитывать.

Ливонская война: русофобия как оружие

Враждебное отношение к православию и представление об «азиатскости» русских на Западе усилились после монгольского нашествия на Русь. В XIII веке и папа Григорий IX, и папа Иннокентий IV посылали тевтонов и рыцарей других орденов на русские земли в крестовые походы, как против «неверных».

Русских представляли «варварами на пороге», жителями восточной и мифологической непонятной страны. В апреле 1942 г. Геббельс писал: «Если бы в восточном походе мы име-

ли дело с цивилизованным народом, он бы уже давно потерпел крах. Но русские в этом и других отношениях совершенно не поддаются расчету. Они показывают такую способность переносить страдания, какая у других народов была бы совершенно невозможной».

Все непонятное внушает страх и неприязнь. Освобождение от монгольского ига и укрепление Руси Казавшееся европейцам таинственным явлением. Они лишь усилили русофобию — на Востоке вдруг неожиданно возникло огромное государство.

Тогда в Европе стало складываться ощущение восточной границы Запада, за которой находится таинственный *чужой*. Русофобия стала формироваться как большой идеологический миф. В первой половине шестнадцатого века писатель Возрождения Рабле ставил в один ряд «москвитов, индейцев, персов и троглодитов». Большие культурные силы для идейного и художественного оформления русофобии были собраны с началом первой войны России и Европы, получившей название Ливонской войны (1558—1583). Считается, что эта война окончательно обозначила для западного человека *восточные пределы Европы*. Европа кончалась за рекой Нарвой и Псковским озером.

Автор первого на Руси трактата «Политика» хорват Ю. Крижанич (он ввел слово *чужебесие*) писал о разработке основ русофобии: «Когда пишут что-либо о русском народе, пишут, как видим, не историю, а язвительную и шутейную песнь. Наши пороки, несовершенства и природные недостатки преувеличивают и говорят в десять раз больше, чем есть на самом деле, а где и нет греха, там его придумывают и лгут».

Ливония была объявлена «восточным бастионом» цивилизации, в союзе с Ливонским орденом выступили Литва, Польша, Дания и Швеция, много наемников из всей Европы. Целью России было объявлено «окончательное разрушение и опустошение всего христианского мира» и выдвинут лозунг «Священной войны» Европы против России. Русские были представлены дьявольскими силами, наползающими с Востока. Тогда была создана первая развитая технология психологической войны. Она заслуживает внимания, но здесь скажем кратко.

Было широко использовано книгопечатание и изобретен жанр «летучих листов» (листовок). Это короткие иллюстрированные тексты для массового читателя. Они были дешевы, написаны простым образным языком и охватили значительную часть населения.

Для создания в листках черного образа русских были применены все художественные средства описания зла, найденные Возрождением. Главные из них такие.

Прямо или косвенно русских представляли через образы Ветхого Завета. Спасение Ливонии сравнивалось с избавлением Израиля от фараона, а Ивана Грозного сравнивали с фараоном, Навуходоносором и Иродом. Его однозначно и устойчиво определяли как *тирана*. Это делалось с такой частотой, что слово «тиран» стало нарицательным для определения всех правителей России в принципе. Поскольку черный миф об Иване IV был внедрен также в русское сознание и поддерживается сегодня, в дальнейшем мы поговорим о его разработке особо.

Авторы листов утверждали, что русские — это и есть легендарный библейский народ Мосох из псалма 120. С нашествием этого народа связывались предсказания о Конце Света. Говорилось, что московиты есть искаженное слово мосох: «Потому что Мосох или москвитянин означает, не больше не меньше, как человек, который ведет страшную жизнь, напрягает, протягивает свой лук и хочет стрелять; то же делают и москвитяне». Или, у другого автора: «Нечему удивляться, так как сам народ дик. Ведь моски названы от Месха, что означает: люди, натягивающие луки». Популярным был сюжет и картинка: опричники забавляются тем, что стреляют из луков в бегающих по полю нагих девушек

Вторая тема — «азиатская» природа русских. Иван Грозный изображался одетым в платье турецкого султана. Писали о его гареме из 50 жен, причем надоевших он убивал. При изображении зверств московитов использовались те же эпитеты и метафоры, как и при описании турок, их и рисовали одинаково.

Третья тема — зверства русских варваров-нехристей в Ливонии, закрывшей своим телом христианский мир. Листки были полны описаниями жестоких и небывало изобретательных казней, которым московиты подвергали самых беззащит-

ных и благородных ливонцев (женщин, детей и священников). Тексты снабжались гравюрами.

Наконец, отвращение к русским возбуждалось фантастическими рассказами об их ужасных манерах. Побывавший у русских дипломат писал, например: «Мы прониклись столь большим отвращением к их поведению, что невозможно этого даже сказать, не то что написать... Суп они ели, вызывая у нас отвращение, слизывая его с пальцев, так что нас чуть не рвало».

В дальнейшем все эти темы развивались и дополнялись, пополняя арсенал русофобии.

Модернизация русофобии

После Ливонской войны русофобия полтора века питалась наработанными штампами и мифами.

Самое популярное на Западе описание России в XVII веке было сделано Олеарием, который путешествовал в поисках торгового пути в Персию. Его отчет был издан по-немецки в 1647 г. и затем непрестанно переиздавался почти на всех западных языках. Олеарий писал: «Наблюдая дух, нравы и образ жизни русских, вы непременно причислите их к варварам». Затем он по шаблону осуждал русских за недостаток «хороших манер» («эти люди громко рыгают и пускают ветры»), за «плотскую похоть и прелюбодеяния», а также за «отвратительную развращенность, которую мы именуем содомией», совершаемую даже с лошадьми. Он также предупреждал инвесторов, что русские «годятся только для рабства» и их надо «гнать на работу плетью и дубинами». Наши «демократы»-реформаторы 90-х годов в своей фантазии недалеко ушли от Олеария.

Вот что писал великий Вольтер о русских уже времен Петра Великого: «Московиты были менее цивилизованны, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел, и не разумея пользы оных. Древний священный закон воспрещал им под страхом смерти покидать свою страну без дозволения патриарха, чтобы не было у них возможности восчувствовать угнетающее их иго».

Принципиально русофобия обновилась после Отечественной войны 1812 г. Казалось бы, русская армия освободила завоеванную и униженную Наполеоном Европу. Более того, русская армия сразу же покинула оккупированную Францию и освободенные земли Германии, что было необычно. Но тут же в столицах стали шептать, что Россия планирует создать всемирную монархию и что царь опаснее Наполеона. Стали поминать, что Наполеон перед походом в Россию сказал, что после него «Европа станет или республиканской, или казацкой».

После 1815 г. русофобия стала раскручиваться и революционными силами Европы, и реакционерами. Против России — союз хоть с дьяволом. Революционеры проклинали Россию за то, что она мало помогает монархам, которых они сами пытались свергать. Теперь уже и Отечественную войну 1812 г. стали считать реакционной — Маркс назвал ее «войной против революции, антиякобинской войной» (тут ему следовали наши западники, они протестовали против того, что Сталин велел вновь исполнять увертюру Чайковского «1812 год»; режиссер Михаил Ромм даже выступил открыто в 1963 г.: «Зачем Советской власти под колокольный звон унижать «Марсельезу», великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна?»).

Во всякого, кто осмеливался сказать слово в защиту России, летели камни справа и слева. Маркс и Энгельс писали о войне 1812 г.: «Проливала ли Россия свою кровь за нас, немцев?.. Она достаточно вознаградила себя позже грабежом и мародерством за свою так называемую помощь... Если бы Наполеон остался победителем в Германии, французское законодательство и управление создали бы прочную основу для германского единства... Несколько наполеоновских декретов совершенно уничтожили бы весь средневековый хлам, все барщины и десятины, все изъятия и привилегии». А немецкая интеллигенция, наверное, мечтала французского пива попить — вместо противного баварского.

В 1849 г. царь по настойчивым просьбам Австрии послал, согласно договору, войска на подавление революции в Венгрии. Эта акция ничего уже не решала, но вой поднялся всеобщий. Справа пугал реакционный философ Доносо Кортес: «Если

в Европе нет больше любви к родине, так как социалистическая революция истребила ее, значит, пробил час России. Тогда русский может спокойно разгуливать по нашей земле с винтовкой под мышкой». Слева пугал Энгельс: «Европейская война, *народная война*, стучится в дверь... О немецких интересах, о немецкой свободе, *немецком единстве, немецком благосостоянии* не может быть и речи, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей *Европы*. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли вы быть *свободными* или хотите быть *под пятой России?*»

На русофобии был раздут миф о поляках как защитниках Запада от русских варваров. Маркс говорил о польском восстании 1830 г.: «Снова польский народ, этот бессмертный рыцарь Европы, заставил монгола отступить».

На попытки русских демократов воззвать к здравому смыслу неслись ругань и угрозы. Тот же Энгельс предупреждал: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*». Дело было не в идеологии — одинаково ненавистны были и русские монархисты, и русские демократы, и русские большевики.

В октябре 1942 г., когда немцы, завязнув в России, перестали быть угрозой для Англии, Черчилль написал буквально то же самое, что за сто лет до этого писал Энгельс: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое под руководством европейского совета».

Все это надо знать и относиться хладнокровно. Есть в западной мысли такой пунктик, застарелый комплекс. Он всем мешает и бывает очень опасен. Надо его спокойно изживать, вытаскивать из подсознания ушибленных русофобией европейцев. И не позволять всяким гайдарам разрушать наш ВПК. Он пока что лучшее лекарство от русофобии.

Русофобия в России: начало XX века

В начале XX в. русофобия распространилась во влиятельной части гуманитарной и творческой интеллигенции России. Это разрушало связи, соединявшие народ Российской империи, но в то же время спланивало русское простонародье ответной ненавистью. Кадет М.О.Гершензон писал в книге «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Красноречивы установки Бунина, который обладал большим авторитетом и как писатель, и как «знаток русского народа». Он говорил о русских: «От дикости в народе осталось много дряни, злобности, зависть, жадность. Хозяйство мужицкое как следует вести не умеют. Бабы всю жизнь пекут плохой хлеб. Бегут смотреть на драку или на пожар и сожалеют, если скоро кончилось. По праздникам и на ярмарках в бессмысленных кулачных боях забивают насмерть. Дикий азарт. На Бога надеются и ленятся. Нет потребности улучшать свою жизнь. Кое-как живут в дикарской беспечности. Как чуть боженька не уродил хлеб — голод».

Писатель М.М. Пришвин в голодное время после Февраля 1917 г. жил в деревне и ненавидел крестьян, чувствовал себя как «фермер в прериях среди негров и эскимосов». Он писал в дневнике: «Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из предрассудков славянофилов. Нет в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более варварского обращения с животными, с орудием, с землей, чем у нас». Это неверно, аграрная наука доказала, что хозяйство общинных крестьян было в тот момент самым эффективным из всех возможных. В Пришвине говорила сословная русофобия. Но он был умный человек и, приглядевшись, проникся к русскому крестьянству глубоким уважением. Но таких было немного.

Историк академик Веселовский, пишет в дневнике: «Еще в 1904—1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое исто-

рическое недоразумение, как Российская империя. Теперь мое мнение о народе не изменилось. Быдло осталось быдлом... Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов».

В другом месте он говорит определеннее: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры».

А уж советская революция вызвала просто взрыв ненависти к русскому простонародью. Бунин писал: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно ассиметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...».

Русофобия создавала общий духовный климат того времени. Она подтачивала государство и омрачала ощущение права русского народа на существование. Кстати, эта русофобия не утихла даже после Великой Отечественной войны, когда наш народ представлял собой «нацию инвалидов и вдов». Вот что пишет, в эмиграции, любимая нашими демократами писательница Н. Берберова в 1947 г. Керенскому: «Для меня сейчас «русский народ» это масса, которая через 10 лет будет иметь столько-то солдат, а через 20 — столько-то для борьбы с Европой и Америкой... Что такое «его достоинство»? Цепь безумств, жестокостей и мерзостей... Одно утешение: что будущая война будет первая за много десятилетий необходимая и нужная». Как они ждали, чтобы начавшаяся холодная война переросла в горячую!

Во время перестройки и в начале 90-х годов советские люди полной мерой хлебнули этнической ненависти к «совку», за которой скрывалась классическая русофобия.

Русофобия сегодня

Русофобия как на Западе, так и у наших западников, стала нарастать в годы перестройки и бурно выплеснулась после краха СССР.

Оболочка СССР служила нам защитой, ибо злобные выпады в его адрес воспринимались как идеологическая пропаганда и вредили репутации прессы. Сейчас эта защита снята, и каждый находит повод лягнуть русских. Левые шипят, что мы испоганили социализм. Правые ненавидят нас потому, что мы никак до конца не сдадимся Западу. В СМИ — подсознательное желание уязвить, сказать что-то неприятное. В фильмах Голливуда русские представлены так мерзко, как нам и в голову никогда не приходило представить даже фашистов. С начала 90-х годов образ России — сплошная чернуха: мафия, проституция, пьяный Ельцин, коррумпированные чиновники, забитые покорные рабочие.

Хотя средний европеец сознательной русофобии не проявляет, его отношение к русским, по сравнению с СССР, заметно ухудшилось — европеец уважает силу и плохо относится к бедным. Но средний европеец мало что решает, а их СМИ, как и «оранжевые» СМИ в России, раскручивают кампанию против русских как якобы националистов и ксенофобов. Видный английский либеральный философ Дж. Грей пишет: «Враждебность Запада по отношению к русскому национализму имеет долгую историю, в свете которой советский коммунизм воспринимается многими в Восточной и Западной Европе как тирания Московии, выступающая под новым флагом, как выражение деспотической по своей природе культуры русских».

Русофобия создает черный образ не только русских, но и всей связки «Россия-русские». Порочной и незаконной объявляется историческая Россия в целом.

«Архитектор перестройки» А.Н. Яковлев, ратуя перед выборами в июне 1996 г. за Ельцина, объяснял: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь». Так он признал: объект уничтожения — не коммунизм, рушат тысяче-

летнюю Россию. Это — новое нашествие хазар и тевтонов. Они не просто грабят, но и ломают наши вековые привычки, из-под ног выбивают земную твердь.

Главные обвинения русских мало изменились со времен Ливонской войны. Это большая многосторонняя идеология. Упомянем лишь несколько моментов. Первым делом, поминалась наша «рабская душа». Главный социолог перестройки Т.И. Заславская называла советского человека «лукавый раб». По западной прессе гулял афоризм нашего историка Арона Гуревича: «В глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба». Красиво сказано, хотя по смыслу дрянь. Миф о рабской душе был нужен, чтобы ударить по государству как важному символу русского национального сознания. При Горбачеве это была важная часть русофобии.

А.С. Панарин объясняет это так: «Почему объектом агрессии выступает в первую очередь русский народ? Здесь мы видим превращение идеологических и политических категорий в расово-антропологические. Как возникла новая логическая цепочка либеральной пропаганды: от антикоммунизма — к критике государственного начала вообще, а от нее — к «антропологической» критике русского народа, к расистской русофобии? Русский народ в самом деле является одним из самых государственных в мире. Причем данная черта является не просто одной из его характеристик, отражающих ситуацию де-факто, но принадлежит к его сакральной антропологии как народа-богоносца, затрагивает ядро его ценностной системы».

Объект издевательств — русский тип хозяйства, хоть в царской России, хоть в СССР. А ведь хозяйство связывает людей в народ. Модный во время перестройки экономист В. Найшуль даже написал статью под названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Нелепое утверждение. Православные страны есть, иным по полторы тысячи лет — почему же их экономика ненормальна?

Русофобам-экономистам лозунг дал А.Н. Яковлев: «Частная собственность — материя и дух цивилизации. На Руси никогда не было нормальной частной собственности... На Руси никогда не было частной собственности, и поэтому здесь всегда

правили люди, а не законы. Частная собственность — первооснова автономии личности».

Какая глупость! Откуда в США берутся законы — их не люди сочиняют, а Святой дух в в Конгресс подбрасывает? В России не было частной собственности, значит, и автономных личностей не было — мол, не было для них на Руси первоосновы. Как мы могли не видеть тупости этой русофобии?

В последнее время активно создают образ «русского фашизма». Это — сильное оружие психологической войны, инструмент «сатанизации» русских. Клеймо фашиста — «черная метка», оно ставит народ вне закона. На Западе сильна ксенофобия, скинхедов полно, не сравнить с нами, но никакой отморозок не осмелится сказать «английский фашизм». Да и про Россию никому не позволят сказать, например, «татарский фашизм» или «еврейский». Узаконена только русофобия.

На это нам нельзя обижаться или сердиться. Это не ссора, а особый тип войны, и эмоции в ней только мешают.

Черный миф о России: Иван Грозный

С XVI века на Западе создавался черный миф об Иване Грозном, фигура которого должна была символизировать российское государство вообще, на все времена. Через нашу западническую элиту этот миф усиленно внедрялся и в сознание самих русских. Он четыре века работал и работает сегодня на создание у русских комплекса вины, который служит одним из видов оружия в психологической войне.

Масштаб этого мифа и его идеологического применения таковы, что, по выражению немецкого историка, он с XVI века по наши дни составляет «нерв русской истории». Этот миф надо знать еще и потому, что он наглядно показывает разницу между разработкой политических мифов и поиском исторической правды. Из него следует общее правило: не ищи правды в черных мифах, она там так искусно перемешана с ложью, что лучше сразу отбросить миф в целом, не пытаясь извлечь из него рациональное зерно.

Мы не можем разобрать миф подробно, он обширен и многослоен. В общем, по своему строению схож со структурой

русофобии в целом. Отметим лишь несколько мотивов. Первый — патологическая жестокость русской власти, невиданная на Западе. Масштабы казней при Грозном преувеличены в этой мифологии на два порядка (в десятки и сотни раз). С самого начала в этом мифе была дана и качественная оценка — царь Московитской державы «превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу... и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами». Список тиранов слишком длинный, чтобы его приводить — там и античные злодеи, и библейские Навуходоносор, Ирод, Фараон и пр.

Большая литература посвящена красочным деталям зверств царя. В первой биографии Грозного (1585) говорится, что он любил играть в шахматы и проигравшим отрезал уши, нос и губы. Тех, кто отказывался играть, убивали сразу. В Ливонии царь «сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать».

Особый жанр разоблачений «Тирана Васильевича» называют «Тиранство над женщинами». Тут рассказы об изнасилованиях и похищениях женщин. Когда они царю надоедали, их возвращали мужьям, подвешивали над обеденным столом и заставляли бедного мужа кушать. На улице знатные женщины при проезде царя должны были задирать подол и стоять так, пока не проедет вся свита. Такова была пропаганда просвещенного Запада.

Третий важный раздел — описание антихристианского и «азиатского» характера Ивана Грозного. Он обычно изображался на Западе в костюме турецкого султана, часто с пикой в руке, на которую насажена отрубленная голова.

Конечно, жестокостей и зверств в России XVI века хватало, таковы были нравы. Сам же Иван Грозный в этом каялся. Но так ли отличалась в этом Россия от Запада? Наш демократический интеллигент (да и не только он) уверен, что по сравнению с Европой Россия Ивана Грозного была чуть ли не людоедской страной, где кровь лилась рекой. И это убеждение — символ веры, его не поколебать никакими разумными доводами. Если ему сказать, что за 37 лет царствования Грозного было казнено около 3—4 тысяч человек — гораздо меньше, чем за одну

только Варфоломеевскую ночь в Париже тех же лет, он не возразит, но его убеждение нисколько не поколеблется.

Нисколько не смутится он, если напомнить, что в тот же период в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек. В Англии тогда как раз проводилось «огораживание» — сгон крестьян с их земли и «приватизация» этой земли лендлордами (помещиками). Многие согнанные с земли крестьяне уходили бродяжничать. При Генрихе VIII без суда и следствия было казнено около 72 тысяч таких бродяг. Все это известно, но многие не могут отказаться от образа России как «империи зла». Такова сила черных мифов.

На Западе образ Грозного использовали для восхваления, по контрасту, своих государств. Выходили, например, книги о политическом строе — и тут же «симметричная» книга «О Российском государстве» (1583). Автор пишет, что цель — показать противоположный режим: «Подлинное и странное лицо тиранического государства, так непохожего на наше, без истинного знания о Боге, без письменного законодательства, без социальной справедливости».

Заметим, что точно так же использовался образ Грозного и у нас в перестройке. Вот советник Ельцина философ А.И. Ракитов излагает «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации». По его словам, в России все отрицательные «имперские» качества: «ложь, клевета, преступление и т.д. оправданы и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории». Далее поминается Иван Грозный и подчеркивается, что его патологическая жестокость была присущим России качеством: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о несправедливости, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях».

На Западе «миф Грозного» обычно завершался большими планами военной интервенции в Москву — чтобы «освобо-

дить народ, ставший жертвой тирана». Эти планы замечательны и местами остроумны (гораздо красочнее планов Гитлера, хотя и очень похожи). В одной из программ предусмотрен такой хитрый ход: в оккупированной России повсюду должны строиться каменные немецкие церкви, а для москвитов — только деревянные. Они быстро сгниют, москвитам придется ходить в каменные немецкие, и так они незаметно для себя сменят религию.

Посмотреть на наших русофобов из числа реформаторов — какие тупые они ученики.

ВОЙНА ПРОТИВ САМОСОЗНАНИЯ НАРОДА

Во второй половине XX века русский народ существовал как ядро *советского народа*. Это факт, хотя и неприятный для наших «белых» патриотов. Когда с середины 70-х годов была начата программа, направленная на демонтаж советского народа, наше общество в целом, включая все его защитные системы, восприняло это как буржуазную пропаганду, с которой, конечно же, без труда справятся ведомство Суслова и КГБ.

Не справились. В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. Демонтаж народа проводился целенаправленно и с применением сильных технологий. Предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами («новые русские» или, как теперь говорят, «средний класс»). Это и был бы *демос*, который должен был получить всю власть и собственность. Ведь *демократия* — это власть *демоса*, а гражданское общество — «республика собственников»! «Старые русские» («совки»), утратив статус народа, были бы переведены в разряд охлоса, лишенного собственности и прав.

Выполнение этой программы свелось к холодной гражданской войне против «старых русских». «Новые русские» были все это время вблизи от рычагов власти. Против большинства населения (старого народа) применялись средства *информационно-психологической* и *экономической* войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорожены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

Деееспособного «нового народа» реформаторы создать не смогли, но в результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Самый сильный удар приняли русские. В этом состоянии у них отсутствует ряд качеств, необходимых для выработки проекта и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен деееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Восстановление связности народа и его системных качеств требует изучения опыта нашей национальной катастрофы.

Культурная травма

Цель информационно-психологической войны — нанести народу тяжелую *культурную травму*. Ее определяют как «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», как разрушение *культурного времени-пространства* (М.М. Бахтин называл такие культурные травмы «временем гибели богов»). Теория культурной травмы возникла именно при анализе операций разрушения *национальной идентичности*.

Культурная травма — это средство войны, а не *реформы*. В определении понятия *реформа* сказано, что она «не может попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа — это укорененные в подсознании ценности, которые уже не требуются осознавать, поскольку они стали казаться «естественными». Изменения в жизни русских в 90-е годы именно попирали эту «природу» и противоречили «базовым инстинктам» подавляющего большинства народа.

Многие народы пережили культурные травмы, и это надолго определяло их судьбу. Типичный случай — русская Смута начала XVII в. Тогда же в обиход вошли понятия, точно соответствующие сути современной теории (например, слово *чужебесие* как смертельно опасное для народа внедрение чужих нравов и порядков).

Культурная травма, нанесенная нашему народу, в начале 90-х годов привела к культурному шоку. Он вызвал тяжелый душевный разлад у большинства граждан. Тогда 70% опрошенных относили себя к категории «людей без будущего».

В силу инерции народной коллективной памяти, сохранившей образ Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., мы понимаем слова *информационно-психологическая война* как метафору. Это, мол, не война, а борьба идей и образов. В действительности речь идет о настоящей войне, которая уже более полувека считается особым видом боевых действий и которая была важнейшим типом всей совокупности операций холдной войны против СССР.

В американском руководстве по психологической войне (1964) говорится, что цель такой войны — «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению». Как пишет французский специалист, с конца 60-х годов «ЦРУ вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того чтобы начать действительно современную психологическую войну».

Уже один из первых теоретиков информационной войны Г. Лассуэлл в своей «Энциклопедии социальных наук» (1934) от-

метил важную черту психологической войны — она «действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка». Национальность и является главным выражением «традиционного социального порядка» народа. А главным смыслом «уз» этого порядка является соединение людей в народ. Их и разрывает психологическая война.

В начале 70-х годов советологи США, опираясь на достижения современной этнологии, пришли к выводу, что мировоззренческий кризис, вызванный быстрой модернизацией и урбанизацией советского общества, а также сложность сложившейся в Российской империи и сохраненной в СССР конструкции межэтнического общежития оказываются наиболее уязвимыми точками советской государственности. Главным направлением психологической войны против СССР стало с этого времени не политическое и социальное самосознание советских людей, а именно национальное сознание. Имеются в виду и его духовные структуры (понятия, символы, история, художественные образы), так и те общественные институты, которые эти структуры создают, обновляют, охраняют (образование, СМИ, искусство). Все это подвергалось атакам с оружием, которого мы не знали.

Но машина этой войны не остановлена с ликвидацией СССР, эта война стала мировой, и одно из главных направлений ее удара — Россия и постсоветские страны. Идет гонка вооружений, из которой мы выбыли и не имеем хороших средств обороны. По оценкам экспертов, суммарные ежегодные затраты Запада только на *разработки* в области информационного оружия в начале этого десятилетия превышали 120 млрд. долл.

Но дело не в деньгах. Оборона может быть и дешевой, если народ хочет обороняться. Тут каждый должен сделать свой личный выбор.

Символы национального сознания: Александр Невский

Один из фронтов психологической войны — разрушение системы символов, на которые опирается самосознание народа. Красноречивой была попытка разрушения одного из на-

циональных символов русского народа — образа **Александра Невского**.

В XIII в. на прибалтийские и славянские племена наступали немецкие и шведские феодалы, организованные в военно-религиозные ордены. В булле от 24 ноября 1232 г. папа Григорий IX призвал ливонских рыцарей идти «защитить новое насаждение христианской веры против неверных русских». В 1237 г., после объединения Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, этот же папа призывает начать «крестовый поход». В этой кампании и произошла битва со шведами 1240 г. на Неве, за которую Александр получил свой титул. Тогда он опередил немцев, которые шли на соединение со шведами. После этого, в 1241 г., папа Григорий IX просит и норвежского короля присоединиться к «крестовому походу против язычников».

В это же время Русь подверглась монгольскому нашествию с Востока. Невозможность ведения войны на два фронта поставила ее перед историческим выбором. Изучение обоих противников определило этот выбор как военный отпор Западу. Символическое значение и для русских, и для Запада имело Ледовое побоище 1242 г., в котором русские под командой Александра Невского разгромили рыцарей.

Историк Г.В. Вернадский так определяет его значение: «Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром. Племя Александрово построило Московскую державу».

Эти события сыграли большую роль и в становлении русского народа, и в образе «родной земли», и в выборе вектора будущей России — вплоть до наших дней. Это их значение было понято в России очень быстро. Церковное предание говорит, что накануне Куликовской битвы было видение: князь Александр Ярославич восстал из гроба и выступил «на помощь правнуку своему, великому князю Дмитрию, одолеваему сущу от иноплемеников».

На Соборе Русской Православной церкви в 1547 г. Александр Невский был причислен к лику общерусских святых как

новый чудотворец. Тогда же было написано и включено в Великие четьи минеи *каноническое житие* Александра Невского — на основе источников XIII в. Из него исходила и официальная, и народная русская национальная идеология во все времена, включая советские.

Во время перестройки была поставлена задача *развенчать* Александра Невского как «хитрого, властолюбивого и жестокого правителя». Для этого были привлечены зарубежные и наши историки, проведена «научная» конференция в 1989 г., мобилизованы научно-популярные журналы («Знание — сила»). Тогда казалось странным, что элитарные гуманитарии вдруг стали резко критиковать Александра по самым разным поводам (например, за то, что он помешал русским принять земельное право, которое предлагал им Тевтонский орден).

В 1989 г. издательство «Прогресс» выпустило книгу англичанина Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси», создающую отталкивающий образ Александра Невского. Во введении сказано, что «книга профессора Дж. Феннела приоткрывает дверь не только в творческую лабораторию английского историка, но и в ту мастерскую, где создаются британские стереотипы русского прошлого и советского настоящего». Никакой двери «приоткрывать» не приходилось, команда Горбачева сама внедряла эти «британские стереотипы», чернящие образ одного из главных русских святых.

А в 1990 году, объявленном «Годом Александра Невского», в Петербург съехалась целая куча профессоров с Запада (материалы изданы в 1995 г. в книге «Князь Александр Невский и его эпоха»). Как они сами заявили, их задача — «критическое переосмысление прежних оценочных критериев». «Развенчание семисотлетнего мифа об Александре Невском» исходило из установки, что русским было выгоднее сдаться тевтонским рыцарям и через них приобщиться к Западу. Активный российский участник этой кампании писал: «Как представители западно-европейской цивилизации, рыцари ордена несли с собой новую жизнь, несли новую идеологию — католическую религию... вместе с ними шел новый закон, новый городской быт, новые формы властвования».

Всех этих благ лишил нас «освободитель от крестоносного ига» Александр Невский. За это ему спасибо, а мы должны его образ защищать.

Черный миф о черной сотне

Этот миф укоренен в сознании и из него выводят два новых мифа: о «русском фашизме» и «русском антисемитизме». Оба они — сильные средства очернения русских и подрыва их национального сознания. Это средство давления и в международных делах: ярлык антисемитизма делает страну изгоем.

Черносотенство было консервативным движением, которое безуспешно пыталось спасти монархию от революции. Миф о нем создан идеологами всего «цивилизованного мира». Историки не трогают этого мифа — чтобы им тоже не прилепили опасный ярлык. Но, опираясь на надежные источники, этот миф скрупулезно разбирает историк и литературовед В.В. Кожин.

Черносотенцы — бранная кличка, введенная противниками «Союза русского народа». Эта кличка прижилась и поначалу не казалась обидной — в средневековой Руси (с XII века до петровских времен) «черной сотней» называли горожан и свободных крестьян, «земских» людей в отличие от «служилых».

Основоположник черносотенства В.А.Грингмут писал в «Руководстве монархиста-черносотенца»: «Почетное ли это название, «черная сотня»? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников».

Крупной силой черносотенцы не стали, спасти монархию было уже нельзя, но в своих прогнозах их лидеры были прозорливы. Уже к 1910 г. они осознали неизбежность поражения их консервативного проекта и приобрели свободу мысли.

Рассмотрим миф по частям, как его главные тезисы.

— *Черносотенцы — объединение темных и бескультурных слоев (подонки или «охотнорядцы», т.е. лавочники).*

Это неверно. В высшем руководстве «Союза русского народа» приняли участие виднейшие деятели культуры России того времени: филологи академики К.Я.Грот и А.И.Соболевский, историки академики Н.П.Лихачев и Н.П.Кондаков, ботаник акаде-

мик В.Л.Комаров (позднее президент Академии наук), врач профессор С.С.Боткин, актриса М.Г.Савина, создатель оркестра народных инструментов В.В.Андреев, живописцы К.Маковский и Н.Рерих, книгоиздатель И.Д.Сытин. В.В.Кожин приводит большой список и других деятелей культуры, которые были черносотенцами или близкими к ним по духу.

Здесь были аристократы (включая князей Рюриковичей) и иерархи Церкви, в том числе будущий патриарх Тихон и митрополит Антоний (А.П. Храповицкий, в юности он был близок с Достоевским и стал прототипом Алеши Карамазова в его романе). Членами Союза русского народа были 1500 рабочих Путиловского завода. Надо вспомнить и замечание Ленина о «мужицком демократизме черносотенства, самом грубом, но и самом глубоком». Кстати, после Февраля 1917 г. основная масса рядовых черносотенцев пошла за советами, а не за либералами Керенского.

— *Черносотенцы — антисемиты, они устраивали еврейские погромы.*

Это неверно. В числе организаторов и активных деятелей Союза русского народа были виднейшие представители еврейства, патриоты России. Основоположителем черносотенства и редактором его главной газеты «Московские ведомости» был еврей Грингмут. Важную роль сыграл близкий соратник Столыпина Гурлянд, сын главного раввина Полтавской губернии. «Еврейская энциклопедия» писала о нем: «Гурлянд проводит идею полного присоединения евреев к началам русской государственности, отнюдь не отказываясь от своих вероисповедных и национальных стремлений».

И правительство, и церковь, и Союз русского народа категорически осуждали еврейские погромы, а власти жестоко расправлялись с погромщиками. В 1906 г. председатель Союза русского народа в специальном заявлении определил погромы как «преступление».

В книге «Население и кризисы» (М.: МГУ. 1998) сказано: «Русский народ со стыдом и ужасом вспоминает разгул этой банды подонков-антисемитов. За 6 и 7 апреля 1903 г. в Кишиневе во время еврейских погромов убито до 500 человек; в тот же день черносотенцы отличились в Гомеле».

Это исторический подлог. Союз русского народа, созданный в **ноябре 1905 г.**, до 1906 г. не вел даже устной агитации. Как он может быть причастен к погрому в Кишиневе в апреле 1903 г.? Почему тот погром должен вспоминать «со стыдом и ужасом» русский народ, если в погроме участвовали исключительно молдаване, а его предводителем был молдавский аристократ Паволаки Крушеван?

Неправда, что в погроме 1903 г. убито около 500 человек. По отчету прокурора А.И.Поллана (который сочувствовал евреям), было убито 43 человека, из них 39 евреев. Ход погрома подробно изложен в 1-м томе «Материалов для истории анти-еврейских погромов в России», изданном в 1919 г. известными еврейскими историками.

Во втором погроме 1903 г., в Гомеле, «отличились» как раз не черносотенцы, а еврейская самооборона: она «выстрелами разогнала толпу». Побоища 18—29 октября 1905 г. вызваны смутой революции и не были направлены против евреев, да и «черной сотни» еще не было. После ее образования в России было всего 3 погрома (в 1906 г.) — два в польских городах и один в латышском, где черносотенцы не имели никакого влияния. Вообще, во всех погромах в России погибло меньше людей, чем от судов Линча в США. Но о судах Линча никто и не вспоминает, а США — образец правового государства.

— *Черносотенство — движение расистское, оно стало предшественником фашизма.*

В книге «Русская идея и евреи» (М., Наука, 1994) сказано: «Черносотенство — расистский национализм протонацистского толка... не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрilo почву, вскормившую гитлеризм».

Этот тезис ложный. Из исследований самих же еврейских историков известно, что между черносотенством и фашизмом нет *генетической* связи. Черносотенство было течением монархистов-традиционалистов, ни расизмом, ни национализмом проникнуто быть оно не могло, т.к. и то, и другое — явления гражданского общества.

Расизм возник лишь в Реформации, с разделением людей на избранных и отверженных. Национализм же возникает лишь с превращением *народа* в политическую нацию, а до

этого в России было далеко. Черносотенство исходило из понятия *народ*. Фашизм есть порождение Запада, черносотенство — продукт культуры России начала XX века.

— *Черносотенцы были террористами*

Это неверно. Во всех больших движениях того времени возникали эксцессы с политическими убийствами, но черносотенцы в них повинны меньше других. Так, террористическая организация эсеров под руководством Азефа убила тысячи человек. Черносотенцам же вменены в вину *три* убийства: двух кадетов и одного трудовика. Но говорится, что черносотенцы «залили страну морем крови».

Из всего этого не следует, что нам должны нравиться черносотенцы. Нам не нравятся черные мифы, затрудняющие выход из нынешней смуты. Правда — за нас, а мы должны быть за правду.

Методы психологической войны: проблема Курил

Образ *родной земли* и ее места на земной суше — важная часть национального сознания. Он соединяет людей в народ.

История представления русских о пространстве России хорошо изучена. Землепроходцы, казаки и мореходы прошли огромные расстояния, вступили в контакты с множеством народов, и постепенно устоялось видение России как Евразии. Понятно, что кампания по разрушению этого образа создала множество трещин в сознании. Устойчивое восприятие русскими «своего» пространства подрывали в 90-е годы, среди прочего, пропагандой «возвращения» Японии Курильских островов. Вспомним, как это начиналось и задумаемся, почему большинство так безразлично к этому отнеслось.

Под идею «возвращения» Курил подводилась и «антиимперская» философия — мол, нечего России лезть в Азию. Вот, в журнале «Вопросы философии» излагается эта навязчивая идея: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия».

Как это должны понимать русские — что Сибирь не Россия, а часть Российской империи? А Приморье чье будет? Как

это должны понимать якуты — они из России изгоняются и места в Европе лишаются? Ведь эта статья, а таких было множество, есть типичная идеологическая диверсия. Могла ли этого не видеть редколлегия главного философского журнала Российской Академии наук?

К подрыву образа *родной земли* команда Горбачева подбиралась постепенно. С началом разговоров о «новом мышлении» ряд обозревателей прессы и телевидения (А. Бовин, В. Цветов и О. Лацис) стали высказывать свои «личные мнения» о возможности уступок Японии *территории* Курильских островов. Это расходилось с установкой СССР на то, что «территориального вопроса» в отношениях с Японией не существует, но власть смотрела на такие «личные мнения» сквозь пальцы.

В октябре 1989 г. в Японию приехал один из лидеров Межрегиональной депутатской группы Ю. Афанасьев и сделал сенсационное заявление, что «перестройка представляет собой конец последней империи, именуемой Советский Союз» и что ее целью должна стать ликвидация международных отношений, сложившихся на основе Ялтинских соглашений. Из Токио он обратился к правительству СССР с призывом безотлагательно «возвратить Японии четыре южных Курильских острова». По тем временам заявление еще небывалое, но реакция верховной власти была благосклонной — несмотря на массовые митинги протеста в Приморье и на Сахалине.

Всего через несколько дней в Токио прибыл депутат Сахаров и заявил: «Я понимаю, что для Японии с ее очень высокой плотностью населения и не очень богатой, по сравнению с СССР, природными ресурсами, каждый квадратный километр имеет огромное значение... Я считаю, что вообще правильным принципом было бы сохранение тех границ, которые существовали до Второй мировой войны».

Еще через несколько дней, в Москве, дал интервью Гарри Каспаров: «А почему бы нам не продать Курилы Японии? Откровенно говоря, я не уверен в том, что эти острова принадлежат нам. А ведь требующие их японцы могли бы заплатить нам за них миллиарды долларов».

В 1990 г. пропаганда «возврата Курил» в Москве стала весить открыто. Периодически деятели «пятой колонны» наезжа-

ли и в Японию. Не раз пользовался японскими приглашениями Г.Х. Попов. Спецкор «Правды» в Японии И.А. Латышев пишет: «Не будучи в состоянии, а скорее не желая расплачиваться за японское гостеприимство свободно конвертируемой валютой, Попов осенью 1990 года предпочел возместить расходы, связанные с его пребыванием в Японии,... путем публичного сочувствия притязаниям Японии на четыре острова Курильского архипелага. Сделал он это в интервью, опубликованном 21 октября 1990 г. в газете «Майнити».

Итак, три лидера Межрегиональной депутатской группы поддержали притязания Японии относительно Курил. А ведь эти люди были очень популярны в среде нашей интеллигенции.

В кампании подрыва убежденности в незыблемой территориальной целостности России как земли всего народа тема Курил была одной из многих. Но она хорошо показывает, как велась, малыми порциями, обработка сознания русских людей и какие персонажи для этого привлекались. Ценность Курил, как и любой другой части земли — отдельная тема, мы о ней не говорим. Здесь речь о том, что подрыв образа родного пространства — сильнейший удар по связности народа, но этого сами русские не замечали. Так нельзя, каждая акция политиков должна оцениваться и с этой точки зрения.

Разрушение образа Великой Отечественной войны

Большая программа велась и ведется для подрыва всего строя символов, связанных с Великой Отечественной войной. Образ этой войны — один из немногих сохранившихся центров связей общенациональной основы русского народа. Действия по разрушению этого сгустка национальных связей настолько многообразны, что заслуживают даже не книги, а серии книг.

Эта кампания ведется несмотря на то, что власть Российской Федерации прекрасно понимает значение образа Отечественной войны для поддержания сплоченности народа, хотя бы на минимальном уровне. Видный чиновник сказал: «Память о Великой Отечественной войне при всех ее проблемах, ошибках, провалах — это практически сегодня, пожалуй, единственное объединяющее наш народ историческое событие прошлого».

Один из способов подрыва символов войны — пробуждение симпатий к тем, кто действовал на стороне гитлеровцев против СССР. Достаточно упомянуть реабилитацию группенфюрера СС фон Паннвица, который командовал карательной дивизией в Белоруссии, был осужден за военные преступления и казнен в 1947 г. Мало того, что его реабилитировали как невинную жертву политических репрессий, ему и его соратникам поставили «скромный памятник» в Москве. Уже после избрания президентом В.В. Путина пришлось принимать беспрецедентное постановление об «отмене реабилитации».

В 90-е годы возник жанр литературы, *оправдывающей* предательство. Власовцы были изменниками — но ведь они боролись со сталинизмом. Чингиз Айтматов уже не считает войну *Отечественной*. Это «эпоха Сталингитлера или же, наоборот, Гитлерсталина», и это «их междоусобная война». В ней «сцепились в противоборстве не на жизнь, а на смерть две головы физиологически единого чудовища».

Как пишут, перед юбилеем Победы «по суворовским*училищам и кадетским корпусам с помпой и почетом ездил капитан власовской армии П. Бутков, который рассказывал учащимся, как он вместе с гитлеровцами уничтожал «проклятых большевиков».

В 90-е годы публиковались не только «художественные» произведения, разрушающие образ войны, но и «документальные» фальшивки, созданные в ведомстве Геббельса и разоблаченные в самой Германии. Зная об этом, их перепечатывали наши «толстые журналы». Активно действует телевидение. Вот мелочь, но типичная. На 9 мая 2003 г. канал REN-TV назначил показ фильм «В тылу врага» (Финляндия, 1999) с такой рекламой: «Драма. Лето 1941 года. В Советской Карелии финские части ведут ожесточенные бои с Красной Армией. Получив приказ освободить захваченные земли, взвод лейтенанта Ээро Перкола отправляется в тяжелый и опасный поход. После того, как отважный лейтенант получил известие, что его невеста, медсестра Каарина, погибла в бою с советскими партизанами, тайная вылазка отчаянных бойцов станет для юного офицера миссией отмщения за любимую».

Разрушение образа войны продолжается и сегодня, в том числе в государственных СМИ. В «Российской газете» в юби-

лейный 2005 г. можно было прочесть: «Мы за эти годы узнали о войне много нового, шокирующего, развенчивающего миф о тотальном героизме и борьбе за правое дело». Задача поставлена четко — развенчать образ этой войны как *«миф о борьбе за правое дело»*.

И размах этой операции нарастает. Вот, Г.Х.Попов «объясняет» мотивы, по которым власть стала отмечать праздник Победы: «Я понимаю, что все это не случайно. Оказавшись почти что у разбитых корыт в Чечне и Беслане, в обещаниях увеличить ВВП и прочих начинаниях, не имея за душой ничего такого, что могло бы вдохновить всех нас, наши лидеры однопартийного разлива собираются ухватиться за шинель Сталина и даже влезть в его сапоги». И этот человек обучает российских студентов!

Разрушая образ Великой Отечественной войны, бьют по связям, соединяющим людей уважением к этому символу. Но одновременно — и по нынешнему государству, которое медленно выходит из болезни 90-х годов. Да, власть тоже прислонила к символу Победы, и уже этим завоевала какой-то кредит доверия граждан. Чтобы сорвать этот процесс выздоровления, «архитекторы и прорабы» стремятся внушить людям, что празднование Победы — лживая и позорная акция, что война была позором нашего государства и память о ней низменна.

Это и есть операция психологической войны против русского народа. И не надо русским, которые хотят правды о войне, искать ее в стане врага. Так по глупости можно стать «влазовцем психологической войны». А вернуться потом к своим будет трудно.

Заминировано!

Когда против народа ведется психологическая война, перед ним встает общенациональная задача — выработать средства защиты и быстро обучить им друг друга. Само по себе выполнение этой задачи объединяет людей и укрепляет связность народа. Племена и народы так и возникли в древности — совместно вырабатывая и передавая друг другу и технические средства, и идеи. На этой основе возникли сплоченные общности, «сгустки культуры».

Сегодня в таком положении находятся русские. Но в городской жизни мы потеряли навыки обмена друг с другом опытом и идеями через «независимые каналы». Мы стали получать информацию из контролируемых сверху центров, стали полагаться на телевидение, а оно вещает из точек, совершенно неподвластных народу. Когда оно перешло под контроль антинациональных сил и стало работать на демонтаж русского народа, мы оказались беспомощны, потому что низовые («молекулярные») каналы обмена информацией пересохли. Их надо расчистить и наполнить потоками «своих» сообщений. Это возможно, потому что появились новые средства (Интернет, мобильная связь, копирующая техника). А главное, люди выходят из шока 90-х годов, быстро растет тяга к творчеству и обмену идеями.

Один из жанров, который порождает этот обмен — создание «народной копилки» приемов психологической защиты, которые люди вырабатывали для себя, чтобы противостоять потоку «вирусов», разрушающих их сознание и память. Таких приемов выработано множество, сделано много находок и, вероятно, даже открытий в психологии и логике. Но все это рассыпано в личной памяти и опыте миллионов людей. Надо это собирать, систематизировать и предоставлять для общего пользования. И делать это придется пока что «снизу», Швыдкой тут нам не помощник. Но «внизу» у русских сейчас работает множество талантливых людей, они собраны в небольшие ячейки и кружки. Дело за тем, чтобы соединить их в сеть, по которой их достижения и потекут в «народную копилку» и через которую пойдет перекрестное опыление всех этих кружков идеями.

Вот маленький пример, неверное, не лучший, но понятный. В одном кружке обсуждали, как распознавать в сообщениях СМИ заряды, направленные на разрушение русского самосознания. Такие признаки были бы полезны для самозащиты. Обнаружив их, разумный человек просто «закроется» от такого сообщения, не будет его заглатывать и пытаться извлечь из него жемчужное зерно правды. Конечно, такое зерно есть в самом ложном и подлом сообщении, как было оно и в каждой фашистской листовке. Многие и попадаются на этот крючок — мол, примуча я это сообщение, сумею отсеять зерна от плевел, разгребу эту навозную кучу и посрамлю врага.

Это — почти всегда ошибка, потому командиры и запрещали читать фашистские листовки. Неопровержимый факт заключается в том, что у человека нет времени и сил на то, чтобы анализировать принятые сообщения. Скрытый в них сигнал действует на подсознание, даже если ты «отсеял» плевелы. Опытный враг часто сам подсовывает их тебе, как отвлекающие ракету тепловые ловушки. А главный смысл вообще направлен не на твой разум, а на чувства или память. Кажется, ты отплюнул яд сообщения, а все равно на душе у тебя муторно. На этом фронте большие мастера работают, мерзавцы высшего класса.

Конкретно случай такой. Перед юбилеем Победы в 2005 г. выступил Г.Х. Попов, пообещал рассказать «правду о войне». Он говорит в интервью: «После вступления армии в Германию власти закрыли глаза на захват немецкого имущества... Были официальные нормативы, утвержденные лично Сталиным. Всем генералам по одной легковой машине — «Опель» или «Мерседес» — бесплатно. Офицерам — по одному мотоциклу или велосипеду бесплатно».

Понятно, что лжет. Если бы были такие «нормативы» за подписью Сталина, о них уже разрезвонили бы на весь мир. Да живы еще миллионы людей, у которых воевали офицерами отцы, и кто-то из них даже вернулся живым из Германии. Почти никто «по одному мотоциклу или велосипеду» не привез, а если привез, это не было *нормой*.

Но велосипеды — мелочь. Главная мысль Попова крупнее: «Но не только кофточки были солдатской добычей. Ею стали немецкие женщины и девушки. Наши солдаты насиловали во всех странах. Но настоящая вакханалия началась именно в Германии. Только в Берлине, после его штурма, к врачам по поводу изнасилования обратилось до 100 тысяч немок. Я хотел бы сейчас, хотя бы спустя 60 лет, услышать от лидеров новой России официальные извинения перед женщинами Европы за эти оргии в «великие те года».

И множество людей глотают яд этого отравителя колодцев. Подумали бы, к каким это врачам в Берлине «обратились по поводу изнасилования до 100 тысяч немок»? В палатках медсанбатов в эти дни врачам надо было оказать срочную помощь *тремстам тысячам* советских раненых и примерно такому же

числу немецких. Представляете себе — 9 мая среди руин Берлина очередь к врачу из 100 тысяч изнасилованных. И зачем эти 100 тысяч немок обращались к врачам — чтобы получить справки и обратиться в суд? В какой суд? Посмотрите на фотографии «Берлина после штурма».

Война сопряжена с жестокостью, но Попов знает, что наша армия как раз резко отличалась способностью после боя очень быстро утихомирить ярость. Это отметил антрополог Конрад Лоренц как *удивительное* свойство советских солдат. Что же касается насильников, то даже А.Н. Яковлев признал, что их *расстреливали*. А вот «Записки о войне» Б. Слуцкого, который был военным прокурором. В городе Зихауэр пришли с жалобой две изнасилованные женщины. Б. Слуцкий пишет: «Через два дня я докладывал начальству о женщинах Зихауэра. Генералы сидели внимательные и серьезные, слушали каждое слово. Из Москвы поступали телеграммы — жестокие, определенные... По этому докладу были приняты серьезные меры».

Ясно, что если бы в Германии творилась «настоящая вакханалия» изнасилований, то не сидели бы генералы «внимательные и серьезные», не «слушали каждое слово», не шли бы жестокие телеграммы из Москвы.

В чем же быстро определяемый *признак*? В том, что свою гадость Попов пустил в печать именно *перед юбилеем Победы*. Мог бы подождать, но приурочил к священной дате. Любой человек, желающий сказать горькую правду, не стал бы делать это перед общенародным праздником — если бы его целью не было как раз испортить людям этот праздник. А это операция психологической войны.

Подобные признаки и надо первым делом высматривать в подозрительных сообщениях, как саперы высматривают проволочки растяжек. Увидел — и не читай, не слушай. А против имени «отправителя» в уме ставь галочку.

Подрыв национального сознания: комплекс вины

Самоуважение и убежденность в своем коллективном праве на существование — необходимая часть национального сознания. Во время перестройки и реформы на разрушение этой

убежденности были направлены очень большие силы. Одним из главных видов оружия в этой кампании была идея *исторической вины* русского народа. Доверчивые люди, особенно из молодежи, не могли этому противиться и отдалялись от народа, который «не желает покаяться».

Шаг за шагом источник вины русских приобретал все более определенный характер — от вины Сталина к вине советского государства и партии, от них к исторической вине российского государства вообще, а затем и к вине народа. Эта кампания на время ввергла в саморазрушительную вакханалию нынешнее поколение всего народа России. Удар по самоуважению нашего народа был настолько мощным и неприкрытым, что сейчас от него открещивается даже часть сторонников реформ.

Пробежим вскользь перечень обвинений, еще свежий в памяти многих. Первое — русские должны были покаяться за империю и СССР. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов счастлив: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается». Образ «сталинских репрессий» был распространен на всю жизнь русского народа в целом. Вся Россия была представлена как всеобщая и вечная *плаха*. Виднейший еврейский поэт А. Межиров в большой поэме времен перестройки вспоминает, что

Что Россия вся как плаха
От Ивана Калиты,
Собиратели ГУЛАГа,
На которой я и ты,
Ты да я — и век от века
Кровью плаха залита.

В кампанию по созданию такого образа были вовлечены большие силы. Прикрываясь званием академика, активное участие в этой операции принимал А.Н.Яковлев. Хотя имеются надежно проверенные данные о масштабах репрессий, он 15 лет продолжал говорить о «миллионах расстрелянных». Он заявлял в 2001г.: «Я поражен равнодушной реакцией нашего общества на правду о том периоде. Вроде ничего и не было. А ведь одних расстрелянных — миллионы. Расстрелянных ни за что ни про что».

Все тут ложь. Сказать, будто *все* были расстреляны «*ни за что ни про что*», это все равно, что сегодня *все* осужденные в России сидят в тюрьме невинно. Сам же Яковлев своей деятельностью убедительно показал, что «много, много разных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг». Ложь, будто общество считает, что «вроде ничего и не было». Наше общество все время напряженно думало и думает о репрессиях как трагическом периоде в жизни народа — и те, кто прошел ГУЛАГ, и их близкие, и вообще все. Но Яковлев требует не этого, он хотел бы, чтобы мы все пошли и удавились.

Ложь, что «расстрелянных — миллионы». В книге о ГУЛАГе, изданной в 2000 г. под редакцией самого А.Н.Яковлева, приводятся точные данные, которые сам он прекрасно знал. В 1937 г. к расстрелу были приговорены 353 074, в 1938 г. 328 618 человек. Около ста тысяч приговоренных к высшей мере приходится на все остальные годы с 1918 по 1953, из них *абсолютное большинство* на годы войны — 1941—1945 гг. Акты об исполнении приговора не опубликованы, но число расстрелов существенно *меньше* числа приговоров. Эти данные были проверены в Москве авторитетными историками США, и ведущие университеты США рекомендуют использовать в курсах истории именно эти данные, которые признаны *достоверными*. Но в РФ всякие яковлевы продолжают травить нас ложью.

Но эта кампания была эффективной. Манипуляторы, включив тему репрессий в национальную «повестку дня» навязали каждому русскому выбор — верит он или не верит этому мифу. Те, кто в миф поверил, были обязаны принять на себя вину за репрессии — «покаяться». Те, кто не поверил, получали клеймо неблагонадежных. И народ раскололся на две группы. Вступая в общение с человеком, приходилось соблюдать осторожность и прощупывать его отношение к мифу о репрессиях. Резко возрос уровень взаимного недоверия. Затем началось дробление группы «поверивших», потому что в ней обнаружился широкий спектр разных установок — вплоть до выделения группы тех, кто считал, что репрессии были «недостаточными».

С другой стороны русских обвинял духовный авторитет более крупного калибра — Солженицын. Ему стыдно за то, что в ГУЛАГе после войны находились не только русские. По его мне-

нию, за все беды, преступления и ошибки на земле, по которой прокатились битвы и хаос XX века, должны расплачиваться только русские.

Он пишет в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «Особенно прилегают к моей душе эстонцы и литовцы. Хотя я сижу с ними на равных правах, мне так стыдно перед ними, будто посадил их я. Неиспорченные, работающие, верные слову, недерзкие, — за что и они втянуты на перемол под те же проклятые лопасти? Никого не трогали, жили тихо, устроено и нравственнее нас — и вот виноваты в том, что живут у нас под локтем и отгораживают от нас море. «Стыдно быть русским!» — воскликнул Герцен, когда мы душили Польшу. Вдвое стыднее быть советским перед этими незабиячливыми беззащитными народами».

Под гипнозом имени Солженицына читатель начинал верить, что «неиспорченные» эстонцы, конечно, же, попали в ГУЛАГ безвинно. Он забывал и о том, что на стороне немцев воевало на треть больше эстонцев, чем в Советской армии, и что из них немцы формировали самые жестокие карательные части, которые орудовали не только в Прибалтике. Стыдно ему быть русским! Поезжайте, Александр Исаевич, в гости к своим солдагерникам, пройдитесь с ними в марше эстонских эсэсовцев.

Что у Яковлева, что у Солженицына, в этих образах нет никакой исторической правды, это выстрелы в психологической войне против русских. Не надо в таких образах копать, искать зерна истины — это так же глупо, как пытаться исследовать пулю, которая летит тебе в голову. От пули надо увернуться и самому прицелиться получше.

Самим определять повестку дня!

Давно было сказано, что «народ — это каждодневный плебисцит». Иными словами, постоянное «низовое» обсуждение важных для всего народа проблем есть одно из необходимых условий соединения людей в народ. Но дело не только в том, что для этого нужна система передачи мыслей и мнений от человека к человеку — так, чтобы в прохождении этих сигналов «между своими» не могла вмешаться никакая чужая искажающая сила (вроде телевидения, принадлежащего Гусинскому).

Важно и наличие в самом народе независимых от «гусинских» точек и центров, которые предлагали бы *национальную повестку дня* для таких плебисцитов.

В информационной войне считается очень большой победой захватить как раз те «высотки», с которых можно навязывать противнику ложные вопросы для народных плебисцитов. Главная цель таких маневров — отвлечь людей от жизненно важных проблем, особенно от проблем исторического выбора. Исторический выбор — это такое решение на распутье, что после него бывает очень трудно вернуться назад и исправить ошибку. Ты попадаешь в такой коридор, что сила обстоятельств влечет тебя по нему неумолимо, и уже трудно перескочить на другой путь.

Все 90-е годы нас так и отвлекали от сути главных выборов — и загнали в очень и очень плохой коридор. И даже те, кто понимает его пагубность и видят впереди тупик, не решаются призывать к радикальным мерам — риски очень велики. Взять хотя бы приватизацию промышленности России. О чем тогда спорили? Одну «волгу» получим за ваучер, или две, как обещает Чубайс? О главном слышать почти никто не хотел, даже из рабочих, которые отдавали в собственность темным дельцам свои рабочие места.

Сейчас, когда люди слегка отхлынули от экранов телевизора, а Гусинский скрылся где-то в джунглях Израиля, русские понемногу начинают восстанавливать сеть интеллектуальных точек, где вырабатываются предложения по национальной повестке дня — те главные вопросы, которые надо было бы обсудить русским, снова стягиваясь в народ. Какие вопросы следовало бы выносить на низовое народное обсуждение? Критерием для их отбора надо считать фатальное расхождение тех путей, которые ведут от нынешнего распутья. Это моменты, когда надо делать очень рискованный выбор, а потом уж расплачиваться за свои ошибки — поправить будет трудно.

После тех ударов, которые получил русский народ в 90-е годы, многие впали в уныние и считают, что все главные вопросы кто-то за нас решил, выбор сделан, «все схвачено». Мол, нам остается влачить свое жалкое существование и пусть спасается, кто может. Кто-то пристроится к новым хозяевам, кто-то пе-

ребьется за границей, большинство притаится в своей хате с краю — а там видно будет, авось все устроится. Эти настроения — результат психологической войны, которая против нас проведена. Большой народ не может отсидеться ни в болоте, ни в хате с краю — он неминуемо будет растащен на материал для более умелых и жестких цивилизаций.

Никаких оснований для уныния и апатии у нас нет, главные решения еще вовсе не приняты. По всем пунктам в реальной повестке «исторического выбора России» реформаторам 90-х годов не удалось загнать нас необратимо на ту скользкую дорожку, которая ведет в пропасть. Не удалось потому, что русские организовались для вязкого пассивного сопротивления. Вроде бы соглашались со всем, что требовали реформаторы со своими «чикагскими мальчиками», а на деле шел саботаж. Конечно, страна сильно поистрепалась, да и все мы не в лучшем виде, но решающего перелома в программе превращения России в евразийский бантустан, управляемый глобальным паханатом, не произошло. Установилось неустойчивое равновесие — изматывающее и бесперспективное, на давшее нам передышку.

Она не продлится долго. Главные вопросы, от которых нас отвлекли в 90-е годы, надо ставить и обсуждать быстро. Если в этом деле поможет государство — прекрасно, дело пойдет гораздо лучше. Если нет — справимся сами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРВЫЙ ШАГ — ВОССТАНОВЛЕНИЕ КООРДИНАТ ДОБРА И ЗЛА

Накал страстей нужен не всегда

Интернет позволяет нам по-новому, «снизу» подойти к разговору об объединении русских, а затем и всех народов, желающих жить в России и с Россией. Для этого разговора нам не надо создавать ни партий, ни «фронтов спасения». Не надо бороться с другими, даже близкими по духу организациями на выборах, не надо примыкать ни к белым, ни к красным, ни к космополитам, ни к западникам, ни к власти, ни к оппозиции. Наше дело, наоборот, построить мосты и мостики, чтобы перейти через разделяющие нас пропасти и болота. Мы, конечно, не преодолеем расколов и разломов, но хотя бы протянем через них ниточки диалога, хотя бы заделаем те трещины, из которых и растут разделяющие нас овраги.

Слово для этого — первый инструмент. Мы больше видели, как «словом останавливали солнце, словом разрушали города». Восстановление и строительство как-то меньше заметны, чем взрывы и катастрофы. Но наступает момент, когда все больше и больше людей вдруг охватывает чувство: все, теперь пора собирать камни! Хорошо, конечно, если в этот момент небо посылает нам Минина и Пожарского, царя-строителя или вождя-командира. На худой конец, хотя бы варягов. Но нельзя же вечно сидеть и жадно глядеть на дорогу. Не едет барин, ну что тут поделаешь! Придется самим...

Сегодня в этом смысле положение у нас не самое плохое. Хотя властители и отказываются от креста власти (мы, мол, всего-навсего менеджеры), а все-таки искра хозяина в них иногда мерцает. Это не Горбачев, ощутите разницу! Есть у нас шанс, и его нельзя упустить.

В чем главная трудность для нашего разговора? Первая — в нашей исторической судьбе. Много бедствий выпало на долю нашего народа, и каждое бедствие вызывало такие страсти и внутренние раздоры, что «пепел Клааса» стучит буквально в каждое русское сердце. Этот пепел — чужой поэтический образ, но близкий нам, как никому другому. Он — из книги о Тиле Уленшпигеле, призван оживлять ненависть протестантского Севера Европы к католической Испании (Клааса, отца Тили, сожгла инквизиция, и Тиль носил у сердца мешочек с пеплом).

Но вторая трудность — наш русский характер. Мы живем в Большом времени и ничего не забываем. Нас волнуют события тысячелетней давности, и мы готовы разозлиться из-за того, кто основал Киевскую Русь — норманны или славяне. После этого уже десяток исторических эпох минуло, а у нас душа болит. А уж за Кровавое воскресенье или за убиенного царя мы готовы спалить все наши города и села. Европейцы, пощелкав на счетах, спрятали свои мешочки с пеплом в сейфы, а наши начинают стучать при первом кличе поджигателей.

И судьба, и наш характер — это, конечно, данности. В них наша сила, в них и слабость. Надо уметь ими распорядиться. Памятью о бедствиях можно питать философскую лирику, а можно тренировать волю к победе. Да, наши отцы и деды многое пережили, но ведь этот их опыт — наша ценность. Сказал умный немецкий философ: «Сытые народы не зацветают будущим». В этом смысле будущее — за нами. А наш не менее умный ученый, знаток крестьянств, сказал: «Побеждает тот, кто умеет голодать». Если так, то мы явно движемся к победе — реформа у нас это умение освежила.

Так же и с пеплом. Ну зачем все время трясти эти мешочки и ворошить этот священный пепел? Пришли ученые к мудрой мысли: народ жив, пока сохраняет способность забывать. Ту же мысль, слегка по-другому, выразил Пушкин: творить можно только если умеешь забывать. А жизнь народа — это непрерывное творчество. Остановка — болезнь, движение назад — гибель.

Речь не о том, чтобы стереть прошлое из памяти и обрести жизнерадостность кретина. Народная память должна принадлежать народу, в нее нельзя пускать грязные лапы манипуляторов. Факт, что за последние двадцать лет они сумели разбе-

редить все наши старые раны и расширить все уже заросшие трещины. Мудрость традиции раскладывает память по полочкам, не дает ее смешивать и выдергивать из нее что-то на потребу авантюристам. А они сегодня очень опасны, они научились даже из самого сокровенного воспоминания выращивать «идолов площади» и «поднимать род на род».

Мы должны противопоставить им наш разум и ответственность за будущее.

Конфликт совести

Народное самосознание очень тяжело переживает те удары, которые ему наносит собственное государство. Ведь от него, призванного быть созидателем и охранителем народа, таких ударов не ждешь. А удары по самосознанию сеют смуту и разрывают связи между людьми — ослабевает общее «мнение народное».

Центральное место в этом народном мнении занимают представления о добре и зле. Это, можно сказать, и есть надличностная «народная совесть». И когда политики высшего ранга, выступая от имени государства, говорят вещи, противные народной совести, это вызывает кризис сознания. Конечно, полного единства даже по главным вопросам не бывает, и мы под народной совестью понимаем те представления, которые разделяет подавляющее большинство граждан, но слово «совесть» нам близко и понятно.

Чтобы в такие моменты защитить связность народа, не имея возможности повлиять на правителей, следует выстраивать коллективные средства психологической защиты. Этому надо учиться. Эффективным средством защиты является рационализация конфликта ценностей. Проще говоря, когда слово или дело государства ранит нашу совесть, которая ведь не подчиняется расчету и логике, следует **явно проговорить** суть конфликта — как минимум, «для себя». Лучше, конечно, чтобы какие-то уважаемые духовные представители народного мнения сделали это гласно, «на площади», но это не всегда возможно. Что ж, бесовская позиция власти теряет свою разрушительную силу и в том случае, если весть о несогласии с этой

позицией расходится «низом». В самые острые моменты это несогласие может выражаться даже молчанием — «народ безмолвствует».

В 90-е годы мы пережили много таких моментов. Тяжелый кризис народного самосознания был вызван тем, что тот Новый мировой порядок, который США стали лихорадочно строить после 1990 г., был одобрен государственными деятелями России и даже официально самим российским государством. Этот порядок был противен совести нашего народа и главным устоям русской культуры, так что его одобрение создавало непримиримый конфликт между этой совестью и государством, что разрушало важную систему «народообразующих» связей.

Разберем один пример. На фоне тех потрясений, которые обрушились на нас в 1991 г., позиция государства в отношении американских бомбардировок Ирака прошла почти незамеченной. Но затем ее разрушительное действие стало возрастать. В 1993 г. США сделали заявку на установление своего монопольного «права сильного» и полный отказ от норм международного права. В июне они нанесли ракетный удар по Багдаду под смехотворным предлогом. И эту акцию одобрило государство Российская Федерация!

МИД РФ, где командовал А. Козырев, заявил: «По мнению российского руководства, действия США являются оправданными, поскольку вытекают из права государства на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН».

Выступил и Горбачев, он упрекнул Клинтона за то, что тот «не оформил корректно» бомбардировки Ирака и тем самым усложнил процесс установления нового мирового порядка под лидерством США. Горбачев торжественно называет такой миропорядок «империей международного права», которая создается под лидерством США. Как противно было это слушать когда Горбачев разъезжал по свету и вещал от имени нашего народа.

Горбачев обращался к США: «Совершенно справедливо Соединенные Штаты были тогда (в 1991 г.) поддержаны всем международным сообществом. Ведь можно было бы повторить положительный опыт, полученный при ответе на агрессию

Саддама Хусейна в 1991 году». Этот «положительный опыт» Горбачев квалифицирует как «наказание, решение о котором было принято коллективно и законно». Это, кстати, наглая ложь — ООН не может дать разрешение на *наказание*, международное право допускает только *отпор агрессии*, что совершенно не одно и то же.

И это одобрение Горбачев выражал уже после того, как были обнародованы результаты комиссии ООН, изучавшей последствия бомбардировок Ирака 1991 г. За месяц бомбардировок погибло около 2% мирного гражданского населения. В результате почти полного разрушения инфраструктуры (водопроводов, электростанций, мостов и т.д.) уже в 1991 г. умерло 170 тыс. детей. В докладе Комиссии ООН сказано: «Ирак на долгие годы возвращен в доиндустриальную эру, но с грузом всех проблем постиндустриальной зависимости от обеспечения энергией и технологией».

А 12 октября 2006 г. был обнародован доклад комиссии, которая по заданию ООН произвела подсчет числа жертв, которые понесло население Ирака в результате войны, начатой США в 2003 г. под предлогом ликвидации оружия массового уничтожения, якобы созданного в Ираке. В этом докладе сказано, что в Ираке погибло 665 тыс. человек (подсчет проводился по официально принятой в США методике). При этом никаких следов оружия массового уничтожения в Ираке, как известно, обнаружено не было.

Согласно опросам, в 2003 г. 90% (иногда до 95%) населения Российской Федерации желали США поражения в этой войне — при этом вовсе не желая зла американцам, поскольку поражение в Ираке было бы шагом к их возвращению в человеческий образ. Это был момент обретения единства народного мнения, поворот к выздоровлению нашей общей совести.

И какой контраст с позицией Горбачева и Ельцина за десять лет до этого — Совет Федерации РФ 26 марта 2003 г. принял Заявление, первая фраза которого гласила: «Соединенные Штаты Америки с 20 марта 2003 года осуществляют агрессию против Республики Ирак». *Агрессию!* И смягчающие слова В.В. Путина, что «по политическим и экономическим соображениям Россия не заинтересована в поражении США», не меняли

дела — государство дало знак, что в вопросах совести оно возвращается к народу.

Поворот трудный, путь до воссоединения государства с народом неблизкий и извилистый. Но даже этот знак оздоровил обстановку. А если бы мы научились вырабатывать свою позицию «внизу» и четко ее заявлять, то и у козыревых наглости поубавилось бы. А главное, мы бы обрели психологическую броню.

Суть выбора

Сегодня мы стоим перед выбором. Все уже чувствуют, что это выбор более глубокий, нежели может выразить язык политики. Это — выбор жизнеустройства, выбор пути, который надолго определит судьбу русского народа и множества народов России. Потому-то увязли реформы, потому-то нет и активного социального протеста. И очень осторожно ведут себя люди на выборах. Народ застыл в раздумье.

Думать сегодня тяжело. Реформаторы и их идеологи отравили каналы общения, разрушили язык, воззвали к темным инстинктам, вбросили в умы массу идолов и разорвали историческую память. Ущерб, который нанесли они этим нашей культуре, несопоставим с их политическим выигрышем. Они поступили как хищники, убивающие не для еды.

В войне цивилизаций, получившей условное название «холодной» войны, мы потерпели поражение во многом потому, что «не знали общества, в котором живем». Мы не знали, в чем суть русской цивилизации, что для нее полезно, что безвредно, а что смертельно.

Вот результат перестройки и реформы, ставший страшной угрозой для России — произошедшая в 90-е годы под воздействием СМИ массовая утрата связности мышления и общего языка. Как нам говорить друг с другом, как соединить усилия для спасения, если простые и ясные понятия, простая и ясная логика отвергаются?

Нам навязали чужой язык, ложные туманные понятия. А ведь принять язык чужого — значит незаметно для себя стать его пленником. Даже если ты понимаешь слова иначе, чем со-

беседник, ты в его руках, т.к. не владеешь стоящим за словом смыслом, часто многозначным и даже тайным. Это — заведомый проигрыш в любом споре. На земле же сегодня идет глобальный спор о путях человечества, о вариантах выхода из общего кризиса, в который загоняет нас «золотой миллиард» с его безудержным потреблением.

Вот самый главный, самый грубый выбор: есть общества, построенные по типу *семьи*, и общества, построенные по типу *рынка*. Внутри этих типов есть свои варианты, свои свободы и несвободы, свои общественные болезни и припадки, но сначала надо разобраться с главным.

Пока что мы на распутье. Доломать государство-семью наши реформаторы не смогли, потому-то мы и живы. Но спастись мы сможем, только если поймем, кто мы, откуда, куда мы хотим идти и куда можем идти. Об этом и начат наш разговор.

Все больше и больше людей, даже с высшим образованием, начинают понимать, что приемлемое жизнеустройство в стране может быть воссоздано только если оно находится в согласии с двумя устойчивыми и неустраняемыми условиями — реальной природной средой России и ее культурой. Путь, по которому пошли реформаторы в 90-е годы, с этими условиями несовместим и к успеху привести не может. Наша судьба решается теперь скоростью двух процессов — истощением России и созревaniem способности общества и государства остановить разрушение. Какой из этих процессов раньше достигнет критической точки? Надежда на то, что общество успеет восстановиться раньше.

На это и надо направлять усилия.

Есть ли у нас надежда?

Сегодня многие задают этот вопрос. Сама его постановка трагична. Когда такой вопрос витает в воздухе, и о нем начинает размышлять простой человек, это — признак того, что народ переживает *кризис бытия*, а не кризис политической или даже социальной системы. Напряженное раздумье над этим вопросом видно сегодня по лицам множества людей — в метро, на рынке, в аудитории института или в старой шахте. Эти люди

еще не усвоили новые правила приличий и не умеют надеть на лицо маску вежливого индивида — и трагизм их размышлений выражен ими без слов. Та наигранная бодрость, которая играет на лицах политиков, по контрасту сплачивает нас.

Как возник этот вопрос? Он слепился, как звезда из космической пыли, из неясных предчувствий, из тягот и бед. Поиск ответа важен для разделения всего мысленного пространства на два мира — мир *возможного* и мир *невозможного*. Вернемся назад, на семнадцать лет — мимолетный миг в истории. Большие опросы в апреле 1989 г. выявили общие оптимистические ожидания. У людей не было даже предчувствия ухудшения их жизни, о трагизме не могло быть и речи. Вопрос «*Есть ли у нас надежда?*» был бы тогда отвергнут как нелепый.

Значит, что-то сломалось во всем нашем жизнеустройстве в короткий промежуток времени. И надежда на продолжение нашего бытия зависит от того, как скоро мы найдем эту главную поломку и успеем ли ее исправить до того, как иссякнут силы, онемеют пальцы и угаснет сознание. Времени у нас немного. Люди чувствуют, как уходит жизнь из раненного тела страны, хотя еще и не знают, какая из множества ран смертельна.

На уровне веры мы знаем: да, надежда есть! Так и говорят патриоты России. Не первый раз Россия у края пропасти, не первый раз ею овладел какой-то странный внутренний враг, который ведет ее к самоотречению — но всегда Россия вставала с колен и становилась краше и сильнее. Но насколько надежны исторические аналогии? Разве невидимый враг — один и тот же? Разве мы — те же? Нельзя же сказать об опасно больном, что он, мол, наверняка поправится, потому что не раз уже болел в своей жизни — и свинкой, и корью, и даже гриппом, но всегда поправлялся.

Конечно, нам нужна *надежда веры*, и мы верим в выздоровление глубоко и искренне. Но этого мало, нам нужна и *надежда разума*. Только она заставляет искать и действовать. Эта надежда требует мужества, поскольку заставляет как бы отвлечься от *веры в спасение*, и признать, что гибель возможна, и судьба — в наших руках. Эта надежда отвергает фатализм, но предупреждает, что и гарантии благоприятного исхода нет, мы сами несем за него ответственность.

В чем же надежда разума? Прежде всего в том, что удар по устоям нашей культуры, нанесенный идеологической машиной Горбачева и его преемников, не проник слишком глубоко в душу русского человека. Травмы тяжелы, но не настолько, как рассчитывали губители. *Реформации* не произошло, фундамент устоял. Русский человек не спустился с уровня *homo sapiens* на уровень *homo economicus*, не стал волком другому человеку. Приходится даже удивляться устойчивости глубинных слоев нашего сознания. Как только будет снят пресс манипуляции, восстановление языка, мышления и воли пройдет очень быстро. Поражение заставило нас задуматься, и многое из полученного тяжелого урока мы успеем усвоить и применить.

Есть неоспоримый факт, и из него мы и обязаны исходить. На той же самой земле и с тем же самым народом всего пятнадцать лет назад Россия была безусловно независимой мощной державой, хозяйство которой обеспечивало всему народу скромный, но достойный тип жизни с непрерывным ростом благосостояния. Нынешняя разруха — дело человеческих рук, следствие ошибок, злонамеренных действий и попустительства. Все это в *принципе* исправимо. Значит, никаких непреодолимых причин, по которым в России не могло бы быть устроено надежное благополучие, не существует.

Исходя из этого, мы и обретаем разумную надежду. Дальше все зависит от наших общих усилий ума, сердца и рук.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Кто такие русские	8
Что нас соединяет	24
Сохранение народа	61
Русский национализм	87
Русские и государственность	114
Демонтаж народа: что разделяет русских	144
Русофобия	190
Война против самосознания народа	208
Заключение: первый шаг — восстановление координат добра и зла	230

Массово-политическое издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

Редактор *О. Селин*

Художественный редактор *Б. Протопопов*

Верстка *А. Кувшинников*

Корректор *Н. Самойлова*

Фото на переплете: Рамиль Ситдилов / РИА Новости

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 84x108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 2 000 экз. Заказ 6434.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0137-7

9 785443 801377 >

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В своей книге «Кто такие русские», ставшей уже классикой русской мысли, известный писатель и публицист С. Г. Кара-Мурза отвечает на самые острые вопросы, касающиеся русского народа и России. Какие трещины разделяют русский народ, какой национализм нужен русским, какие болезни разъедают российское общество, что такое ксенофобия и русофобия применительно к современной России – эти и многие другие актуальные темы затрагиваются автором в его интереснейшем исследовании.

ISBN 978-5-4438-0137-7

9 785443 801377 >